

ISSN 2414-374X (Online)

ISSN 2522-4069 (Print)

**ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№ 2 (85) 2023

Донецк

ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSN 2414-374X (Online)
ISSN 2522-4069 (Print)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1999 году

Выпуск № 2(85) 2023 год

Учредитель – ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Разумный В.В., к-т ист. наук (ДонГУ);

Заместитель главного редактора – Бобровский А.С., к-т ист. наук (ДонГУ);

Отв. секретарь – Посредников Д.В., к-т ист. наук (ДонГУ);

Агапов В.Л., д-р ист. наук (ДонГУ);

Бредихин А.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Колесник А.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Кузнецова Е.В., к-т полит. наук (ДонГУ);

Минаев А.И., д-р ист. наук (ДонГУ);

Пенькова О.Б., к-т ист. наук (ДонГУ);

Черкашин К.В., к-т полит. наук (ДонГУ).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Баранов А.В., д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет);

Беловолов Ю.Г., д-р ист. наук (Донецкий государственный университет);

Ерхов Г.П., д-р ист. наук (Донецкий государственный университет);

Кияшко А.В., д-р ист. наук (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону);

Кринко Е.Ф., д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону);

Липинский В.В., д-р ист. наук (Донецкий государственный университет);

Саржан А.А., д-р ист. наук (Донецкий национальный технический университет);

Шендрикова С.П., д-р ист. наук (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского г. Симферополь);

Шепко Л.Г., д-р ист. наук (Донецкий государственный университет);

Цыганков П.А., д-р филос. наук (Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, г. Москва)

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4УКР55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

Индексация журнала

Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)
(лицензионный договор
№117-03/2016
от 9 марта 2016 г.);

**Журнал входит
в перечень рецензируемых
научных изданий
Донецкой Народной Республики**
(приказ Министерства образования
и науки ДНР
от 01.11.2016 г., № 1134)

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Серия ААА, №000149,
выдано 20 июня 2017 г.

Адрес редакции:
283001, г. Донецк,
ул. Университетская, 22,
исторический факультет

Тел. +7(856) 302-07-25

e-mail: v.razumnyiy@donnu.ru

Сайт <http://donnu.ru>

*Рекомендовано к печати Ученым советом
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
30.06.2023 (протокол № 6)*

*Выпуск подготовлен в Донецком государственном университете
под редакцией С.В. Беспаловой, ректора университета, д-ра физ.-мат. наук, профессора*

Ж92 Журнал исторических, политологических и международных исследований: научный журнал. – Донецк, 2023. – № 2(85). – 220 с.

ISSN 2079-9152

В очередном выпуске научного журнала представлены статьи по истории, политологии и международным отношениям. Авторы посвятили свои работы актуальным проблемам современности. Важное место отведено изучению истории Донбасса и России как неотъемлемых частей единого русского культурно-цивилизационного пространства.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Серия ААА, №000149, выдано 20 июня 2017 г.**

**Лицензионный договор с библиографической базой данных
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
№117-03/2016 от 9 марта 2016 г**

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4УКР55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2023

© Авторский коллектив выпуска, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

- Потемкина Т.М.** Золотоордынские захоронения Юго-Восточной Европы: комплекс признаков монгольской погребальной обрядности..... 8
- Карепин К.В.** Деятельность археологической секции Донецкого отделения Украинского общества охраны памятников истории и культуры в 1966-1970 гг. 37

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

- Агаркова М.И.** Курганные комплексы Донецкого края в свете становления и развития индоевропейской проблематики..... 46
- Шкрибитько Е.А.** К вопросу о дате основания Святогорского Свято-Успенского монастыря в среднем Подонцовье..... 55
- Разумная Н.Н., Дягло А.Р.** Мариупольский торговый порт во второй половине XIX – начале XX вв. 62
- Липинский В.В., Никулин Ю.А.** Германские инвестиции в промышленность Донбасса и Юга России как фактор немецкой геополитики накануне Первой мировой войны..... 69
- Шабельников В.И.** Создание трестовской системы управления угольной и металлургической промышленностью Донбасса в 1920-е годы и ее результативность. 77
- Мишечкин Г.В.** Тайная полевая полиция нацистской Германии в Сталино (февраль – сентябрь 1943 г.)..... 86
- Агапов В.Л.** Деятельность Государственного комитета обороны по восстановлению угледобычи в комбинате «Сталинуголь» в сентябре – декабре 1943 г. 94
- Ермолаев А.Н., Зеленин А.А., Овчинников В.А.** Кузбасс–Донбасс: из истории взаимодействия регионов в годы Великой Отечественной войны. 113
- Людоровская Т.Ю.** Оказание социальной поддержки демобилизованным и инвалидам в Донбассе в первое послевоенное десятилетие..... 120
- Землянская В.П., Пилипенко Д.В.** История создания монумента «Освободителям Донбасса». 126

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

- Курбанов А.Д., Магомедов Р.М.** Монгольская кампания в Западном Прикаспии в 1221-1222 гг..... 134
- Минаев А.И.** Влияние теории и практики британского парламентаризма на внутривнутриполитический процесс в России первой половины XIX века..... 143
- Бредихин А.В., Шаповалов В.В.** Участие Канадского экспедиционного корпуса в заключительном этапе Первой мировой войны (1917 - 1918 гг.)..... 161

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Ерхов Г.П.** Актуальные проблемы интеграционного процесса стран Азии на современном этапе. 169

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Николаев Ю.Б.** Нации и национализм в научных исследованиях: поиск единой теории. 180
- Шерстюк С.А., Фоменко В.Г.** Консолидация молодежных общественных сил в Приднестровской Молдавской республике как фактор устойчивого развития социума..... 207
- Николаев М.Ю.** Есть ли конфликт между этносом, и этничностью?..... 214

CONTENT

ARCHEOLOGY

- Potjomkina T.M.** Golden Horde burials of South-Eastern Europe: a set of features of the Mongolian funeral rites. 8
- Karepin K.V.** Activities of the archaeological section of the Donetsk branch of the Ukrainian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments in 1966-1970. 37

NATIONAL AND REGIONAL HISTORY

- Agarkova M.I.** Kurgan complexes of the Donetsk region in the light of the formation and development of Indo-European problems. 46
- Shkribitko E.A.** On the question of the date of the founding of the Svyatogorsky Holy Assumption Monastery in the middle of the Donets region. 55
- Razumnaya N.N., Dyaglo A.R.** Mariupol commercial port in the second half of the XIXth - early XXth centuries. 62
- Lipinsky V.V., Nikulin Yu.A.** German investments in the industry of Donbass and the South of Russia as a factor of German geopolitics on the eve of the First World War. 69
- Shabelnikov V.I.** Creation of the trust system for managing the coal and metallurgical industry of Donbass in the 1920s and its effectiveness..... 77
- Mishechkin G.V.** Secret field police of Nazi Germany in Stalino (February–September 1943)..... 86
- Agapov V.L.** The activities of the State Defense Committee to restore coal mining at the Stalinugol plant in September - December 1943. 94
- Ermolaev A.N., Zelenin A.A., Ovchinnikov V.A.** Kuzbass-Donbass: from the history of interaction between regions during the Great Patriotic War. 113
- Ludorovskaya T.Yu.** Providing social support to demobilized and disabled people in Donbass in the first post-war decade..... 120
- Zemlyanskaya V.P., Pilipenko D.V.** The history of the creation of the monument "To the Liberators of Donbass" 126

THE WORLD HISTORY

- Kurbanov A.D., Magomedov R.M.** Mongol campaign in the Western Caspian region in 1221-1222. 134
- Minaev A.I.** Influence of the theory and practice of British parliamentarism on the domestic political process in Russia in the first half of the 19th century. 143
- Bredikhin A.V., Shapovalov V.V.** Participation of the Canadian Expeditionary Force in the final stage of the First World War (1917 - 1918)..... 161

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

- Erkhov G.P.** Actual problems of the integration process of Asian countries at the present stage. 169

POLITICAL SCIENCE

- Nikolaev Yu.B.** Nations and nationalism in scientific research: the search for a unified theory..... 180
- Sherstyuk S.A., Fomenko V.G.** Consolidation of youth social forces in the Pridnestrovian Moldavian Republic as a factor in the sustainable development of society..... 207
- Nikolaev M.Yu.** Is there a conflict between ethnos and ethnicity? 214

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(477.7) “11-13”

Т.М. Потемкина

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

e-mail: pravda.t.m.p@gmail.com

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: КОМПЛЕКС ПРИЗНАКОВ МОНГОЛЬСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Аннотация

Установлено, что основным этномаркирующим признаком монгольского погребального обряда, кроме подбойных ям с обязательным оформлением заклада камнем или деревом, меридиональной ориентировки или ориентировки в СВ-В секторе умершего, является наличие остатков заgrabной пищи в виде костей определенных частей туши овцы. Однако до сих пор является проблематичным отнесение к монгольским золотоордынским погребениям с меридиональной ориентировкой без костей овцы. На основе анализа признаков погребального обряда 405 подкурганных и грунтовых кочевнических погребений Юго-Восточной Европы производится сравнительный анализ отличительных признаков погребального обряда пяти групп золотоордынских захоронений.

Сделаны выводы о том, что погребения без заgrabной пищи с меридиональной, а тем более с СВ-В ориентировкой не могут однозначно быть определены как монгольские только по ориентировке. Для отнесения подобных комплексов к погребениям, совершенным по монгольским традициям, их нужно рассматривать индивидуально на основе доказательной базы, включающей ряд признаков погребальной обрядности, помимо ориентировки, а также антропологические данные и наличие специфического монгольского инвентаря.

Ключевые слова: *комплекс признаков, монгольская погребальная обрядность, золотоордынские кочевнические погребения, заgrabная пища, кости овцы.*

Summary

It has been established that the main ethnomarking feature of the Mongolian burial rites, except for the filling pits with obligatory stone or tree decoration, meridional orientation or orientation in the NE-E sector of the dead, is the presence of remains of afterlife food in the form of bones of certain parts of a sheep carcass. However, it is still problematic to classify Mongolian tombs Golden Horde burials with meridional

orientation without sheep bones. On the basis of the analysis of the funeral rites from 405 sub-curial and underground nomadic burials in South-Eastern Europe, a comparative analysis of the distinguishing features of the funeral rites from five groups of Golden Horde burials is made. The conclusions are made that the burials without funeral food with meridional, and even more so with NE-E orientation can't be unequivocally identified as Mongolian only by their orientation. To attribute such complexes to the burials made according to Mongolian traditions, they should be considered individually on the basis of evidence, including a number of features of funeral rites, besides the orientation, as well as anthropological data and the presence of Mongolian specific artifacts.

Keywords: *the Mongolian funeral ceremonialism, the Golden Horde nomadic burials, a complex of signs, food beyond the grave, bones of a sheep.*

Введение

Золотоордынские кочевнические погребения с остатками заgrabной пищи в виде костей определенных частей туши овцы были проанализированы нами в ряде статей [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Там же приведен подробный историографический обзор и обозначены точки зрения, касающиеся проблематики выявления комплекса признаков монгольской погребальной обрядности, различных исследователей, например, таких как Г.А. Федорова-Давыдова [10], Е.В. Шнайдштейн [11], И.В. Асеева, И.И. Кириллова, Е.В. Ковычева [12], С.В. Данилова [13], Лхагвасурэна Хоголбоона [14], В.Ф. Немерова [15], Н.В. Именохоева [16; 17; 18] и др. Интересные этнографические сведения, которые подтверждают отдельные положения вышеуказанных исследователей, приводят в своих работах Л.Л. Викторова [19], Г.Р. Галданова [20], Г. Мэнэс [21], Г.Д. Нацов [22], А.А. Бадмаев [23]. Л.В. Яворская, изучавшая погребальный обряд золотоордынских могильников Нижнего Поволжья, пришла к выводу, что в ряде захоронений имеются признаки, напоминающие о монголыязычных племенах центральноазиатского происхождения [24, с. 128]. В монографии Е.П. Мыськова [25], посвященной золотоордынским кочевническим погребениям Нижнего Поволжья, использован тот же поход к анализу погребального обряда, который применен и нами. Он основан на использовании статистических методов и количественной характеристике обрядовых, а не территориальных групп захоронений. По мнению Д.В. Васильева [26, с. 52-54], такой подход дает наиболее эффективный результат. Как известно, существуют золотоордынские погребения с характерной для монголов меридиональной ориентировкой и ориентировкой в СВ-В секторе, в которых отсутствует заgrabная пища (кости овцы). Представляется интересным, проанализировав эти комплексы так же, как и захоронения с костями овцы, затем сравнить отличительные признаки всех групп.

Цель данной работы – установить, достаточно ли только определенной ориентировки умершего, чтобы отнести погребальный обряд к традициям монгольского этноса. Здесь не ставится задача культурно-исторической интерпретации используемого материала, рассмотрения социальных, религиозных,

хронологических и других аспектов выделенных групп золотоордынских погребений. Все это актуально и перспективно для будущих исследований.

Материалы и наблюдения

Общее количество использованного источника составляет 405 захоронений. Для решения поставленных задач источник был сгруппирован несколько по иным принципам, нежели в наших предыдущих статьях. Следует отметить, что в каждую из групп с остатками загробной пищи в виде костей овцы были включены все комплексы, в которых встречены нога, лопатка, другие части туши и их сочетания вне зависимости от ориентировки погребенных. Так, в группе Н (с ногой овцы) присутствуют следующие захоронения: только с ногой овцы – 108, с ногой и лопаткой – 32, с ногой и другими частями овцы – 38, с ногой, лопаткой и другими частями – 12. В группу Л (с лопаткой овцы) включены такие погребения: только с лопаткой – 9, с лопаткой и другими частями овцы – 9, с лопаткой и ногой овцы – 32, с лопаткой, ногой и другими частями овцы – 12. Группа Д (с другими частями овцы) состоит из следующих погребений: только с другими частями – 62, с другими частями и ногой овцы – 38, с другими частями и лопаткой овцы – 9, с другими частями, лопаткой и ногой овцы – 12. Таким образом, в каждой из перечисленных групп присутствует ряд захоронений, которые есть в других группах.

Сравнительный анализ признаков погребальной обрядности четырех групп, выделенных по признаку «ориентировка» (меридиональная, северо-восточная, а также ориентировка в восточном и западном секторах), в которых присутствует загробная пища в виде ноги, лопатки и других частей овцы, а также их сочетаний, дал следующие результаты.

Захоронения с признаками монгольской погребальной обрядности в раннезолотоордынский период были распространены практически по всей степной зоне Восточной Европы. Погребения позднезолотоордынского периода обнаружены только в Среднем и Нижнем Подонье и Поволжье, а также в Калмыцкой степи. Данная ситуация объясняется тем, что это территория ханского домена (Нижнее Поволжье) и прилегающих улусов, вероятно, принадлежавших этническим монголам, часть которых, хотя и поменяла ориентировку на западную, но продолжала хоронить умерших в соответствии с языческой монгольской традицией.

Наличие значительного процента захоронения коней, сопровождавших погребение человека в группе с ориентировкой в западном секторе, может быть связано с тем, что в позднезолотоордынский период обряд совершали уже потомки монголов, испытавшие на себе влияние не только ислама, но и традиций погребальной обрядности местных кочевых племен. Возможен и обратный вариант. О постепенной утрате знаний о специфическом комплексе черт монгольской погребальной традиции свидетельствует и то, что в захоронениях с западной ориентировкой зафиксирован наименьший процент загробной пищи в виде ноги овцы, в то время как других частей овцы (в частности, например, позвонков) – наибольшее количество по сравнению с остальными группами

погребений. Но следует помнить, что дифференциация способов захоронения внутри одного народа может идти сразу по нескольким направлениям: социальное положение умершего; пол погребенного; возраст; принадлежность к религиозной группе; принадлежность к клану, роду; обстоятельства смерти [27, с. 72].

Поскольку считается, что к «монгольским» погребениям относятся комплексы с меридиональной ориентировкой умершего, для сравнения нами были отобраны подобные захоронения золотоордынского времени без костей овцы. Для максимальной объективности мы отобрали еще одну группу погребений без костей овцы с ориентировкой умершего в СВ-В секторе, так как подобная ориентировка характерна для монгольских погребений Прибайкалья и Забайкалья [12, с. 119; 17, с. 310, 312]. Однако ориентировка погребенного на СВ-В присуща и половцам. Поэтому в эту группу были включены погребения, в которых отсутствуют признаки половецкой обрядности, в первую очередь, созахоронение коня в одной могильной яме с человеком. В группу с меридиональной ориентировкой (М) без костей овцы отобраны погребения со следующими ориентировками: С – 29, ССВ – 36, ССЗ – 4, Ю – 2, ЮЮВ – 1, ЮЮЗ – 2. Захоронения без костей овцы, входящие в группу с ориентировкой в северо-восточном – восточном секторах (СВ-В), ориентированы так: СВ – 55, СВВ – 4, В – 2.

При анализе групп погребений без костей овцы использована та же система основных признаков погребальной обрядности монголов Восточной Европы, разработанная нами (9, с. 54-58), которая успешно применялась для анализа погребений с частями овцы в качестве загробной пищи [1; 2; 3; 4; 5; 6; 8].

В группу с меридиональной ориентировкой (М) без костей овцы включены 74 погребения. Памятники расположены в бассейнах Днепра, Дона и Волги. Отдельные захоронения обнаружены в Северном Приазовье, в бассейне р.Северский Донец, в Калмыкии и Прикубанье (рис. 1).

Большинство погребений подкурганное (78,4%). 74,3% комплексов находилось в составе однокультурного могильника, а в составе однокультурной курганной группы – 62,1%. Количество захоронений в курганных группах небольшое – 1-3. В грунтовых могильниках зафиксировано несколько большее количество: в Мамай-Горе-I – 5, в Мамай-Горе-II – 6. Курганные насыпи сооружались над одной могилой, лишь в 3 (6,2%) случаях в курганах находилось по 2 однокультурных погребения. Парных захоронений нет, даже дети погребены самостоятельно.

Большинство (82,8%) подкурганных погребений основные. Для 44 (из 48) насыпей над основными захоронениями имеются сведения об их размерах (высота, диаметр – для круглых, длина и ширина – для овальных). 84,1% курганов круглые: диаметром до 10 м включительно – 15 (40,5%), до 20 м – 17 (46%), более 20 м – 5 (13,5%). Овальных насыпей всего 7: до 10 м – 1 (14,3%), до 20 м – 4 (57,1%), более 20 м – 2 (28,6%). Большинство курганов (90,9%) имеет высоту до 1 м.

В 40% насыпей зафиксированы каменные (26,1%) и деревянные (4,3%) конструкции, тризна (17,4%), ровики (17,4%) и иное (34,8%). Большинство (90,5%) могильных ям сооружено в материке. Они в основном (70%) простые

прямоугольные. С заплечиками – 15,7% (по длинным сторонам – 8,6%, по периметру – 7,1%), со ступенькой и подбоем – 8,6%, с подбоем без ступеньки – 4,3%, только со ступенькой – 1,4%.

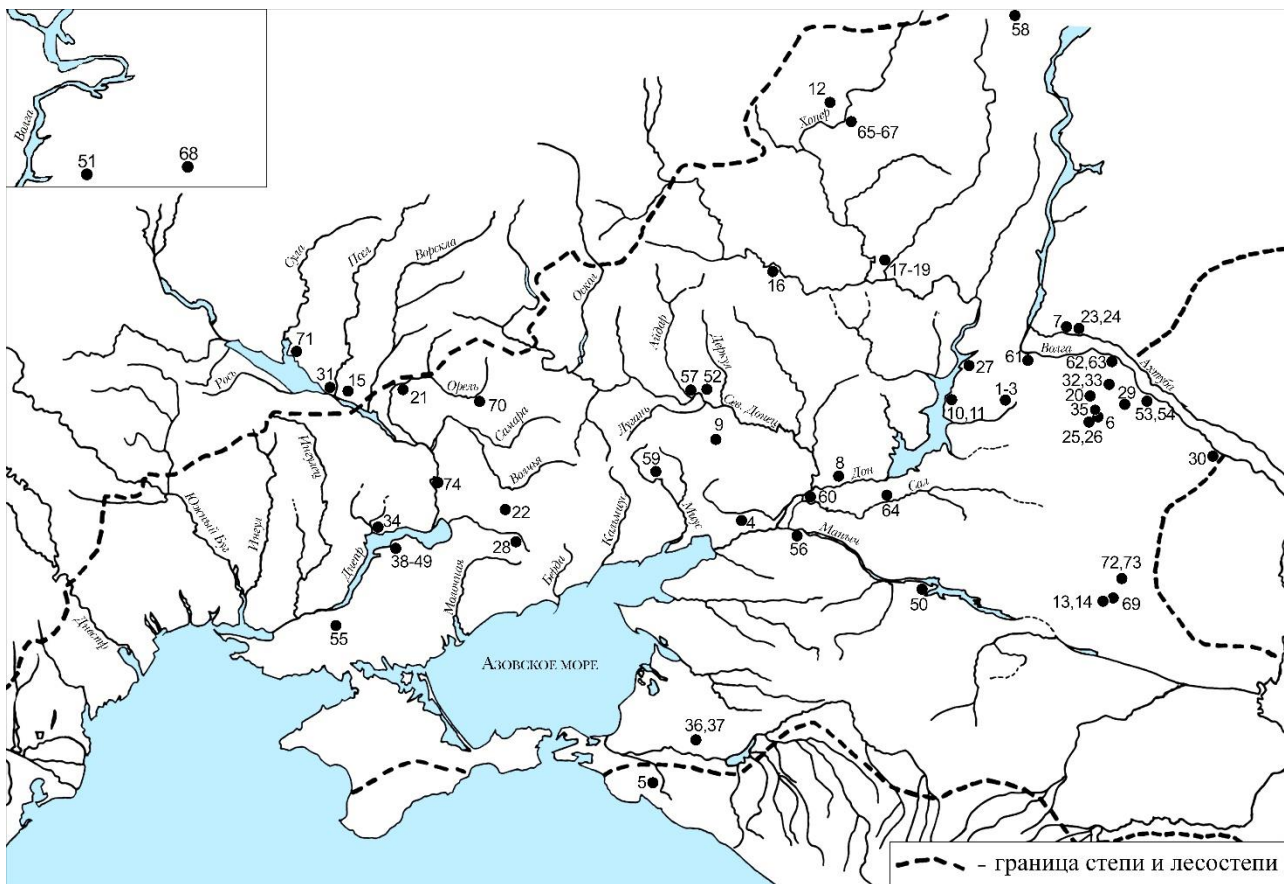

Рис. 1. Золотоордынские погребения с меридиональной ориентировкой без костей овцы (группа М). Расшифровку номеров на карте см. в Приложении.
 Fig. 1. The Golden Horde burials with меридиональной orientation without bones sheep (M group). Decoding numbers a card see in the Appendix.

Длина и ширина известна для 68 (92%) могильных ям. Большинство (55,9%) из них имеет длину от 2,1 м до 2,5 м. Длина до 2 м зафиксирована у 29,4% погребальных сооружений, более 2,5 м – у 14,7%. Ямы, как правило, узкие, шириной до 1 м (75%), до 1,5 м – 19,1%, более 1,5 м – 5,9%. Глубина известна для 46 основных, 10 впускных и 16 грунтовых погребений. Большинство (71,7%) основных захоронений сооружено на глубине от 1,1 м до 2 м. Неглубоких (до 1 м) ям – 23,9%, глубоких (более 2 м) – 4,4%. С впускными погребениями иная картина: глубиной до 1 м – 40%, до 2 м – 30%, более 2 м – 30%. 62,5% грунтовых погребений также имеет глубину до 2 м, до 1 м – 37,5%, глубоких захоронений нет.

Перекрытие могильных ям зафиксировано в 29 (39,2%) случаях, перекрытие подбоя – в 3 (33,3%). Почти в трети погребений (28,4%) обнаружены разные типы гробовиц: колода – 40%, решетчатое – 33,3%, дощатое – 26,7%. В 36,5%

захоронений прослежены органическая подстилка или настил над погребенным. Ритуальные остатки зафиксированы всего лишь в 14,9% комплексов: уголь, зола, обожженные плахи – 8 (72,7%), меловая посыпка – 3 (27,3%), кусков мела не обнаружено.

В 74 погребениях найдены останки 69 взрослых, двух подростков и 3 детей. Пол взрослых индивидов определен (в основном, по инвентарю) в 63 случаях: мужчин – 35 (55,6%), женщин – 28 (44,4%). Сохранность захоронений низкая: 33 (44,6%) погребения ограблены или разрушены. Ориентировка умерших следующая: на С – 29 (39,2%), на ССВ – 36 (48,6%), на ССЗ – 4 (5,4%), на Ю – 2 (2,7%), на ЮЮВ – 1 (1,4%), на ЮЮЗ – 2 (2,7%). Таким образом, 93,2% погребенных ориентированы в северном секторе.

Всего лишь в 3 (4%) случаях зафиксированы конские захоронения, сопровождавшие¹ погребение человека. Целые кони находились в отдельной яме. В двух случаях конь ориентирован в одну сторону с человеком, а в одном – в противоположную.

В группу золотоордынских погребений без костей овцы с ориентировкой в СВ-В секторе включен 61 комплекс. Памятники расположены в бассейнах Дона и Волги (среднего и нижнего течения), а также в Калмыцкой степи. Есть отдельные захоронения на территории Крыма, Правобережья и Левобережья Днепра, Северного Приазовья, бассейна Северского Донца и Прикубанья (рис. 2).

Большинство (75,8%) погребений подкурганное. В составе однокультурного могильника находилось 75,4% захоронений, а в составе однокультурной курганной группы – всего 58,7% комплексов. Погребения в курганных группах, как правило, единичные, редко встречается по 2. В то же время в грунтовом могильнике Ляпинская балка (Северное Приазовье) зафиксировано 11 захоронений. В основном насыпи сооружались только над одной могилой, лишь в 5 (10,9%) случаях в курганах находилось по 2 однокультурных погребения. Парных захоронений нет. Все дети погребены самостоятельно.

Большинство (71,7%) подкурганных погребений основные. Для 30 (из 33) насыпей над основными захоронениями имеются сведения об их размерах (диаметр – для круглых, длина и ширина – для овальных). Большинство (90%) курганов круглые: диаметром до 10 м – 55,6%, до 20 м – 40,7%, более 20 м – 3,7%. Овальных насыпей всего 3 (10%): от 11 м до 20 м – 2 (66,7%), более 20 м – 1 (33,3%). Половина насыпей небольшие (до 10 м) и почти половина имеет размеры от 11 до 20 м. Для 32 курганов известна высота: до 1 м – 93,8%, до 2 м – 3,1%, более 2 м – 3,1%.

В половине насыпей (52,2%) зафиксированы каменные (20,8%) и деревянные (4,2%) конструкции, тризна (33,3%) и ровики (8,4%), а также иные особенности (33,3%). Почти четверть (24,2%) погребений данной группы грунтовые. Почти все могильные ямы (88,5%) сооружены в материке. Большинство из них (74%) простые

¹ В выборку не были включены погребения, где конь располагался на ступеньке могильного сооружения либо рядом с умершим.

прямоугольные, с заплечиками (по длинным сторонам) – 12%, со ступенькой и подбоем – 12%, со ступенькой – 2%.

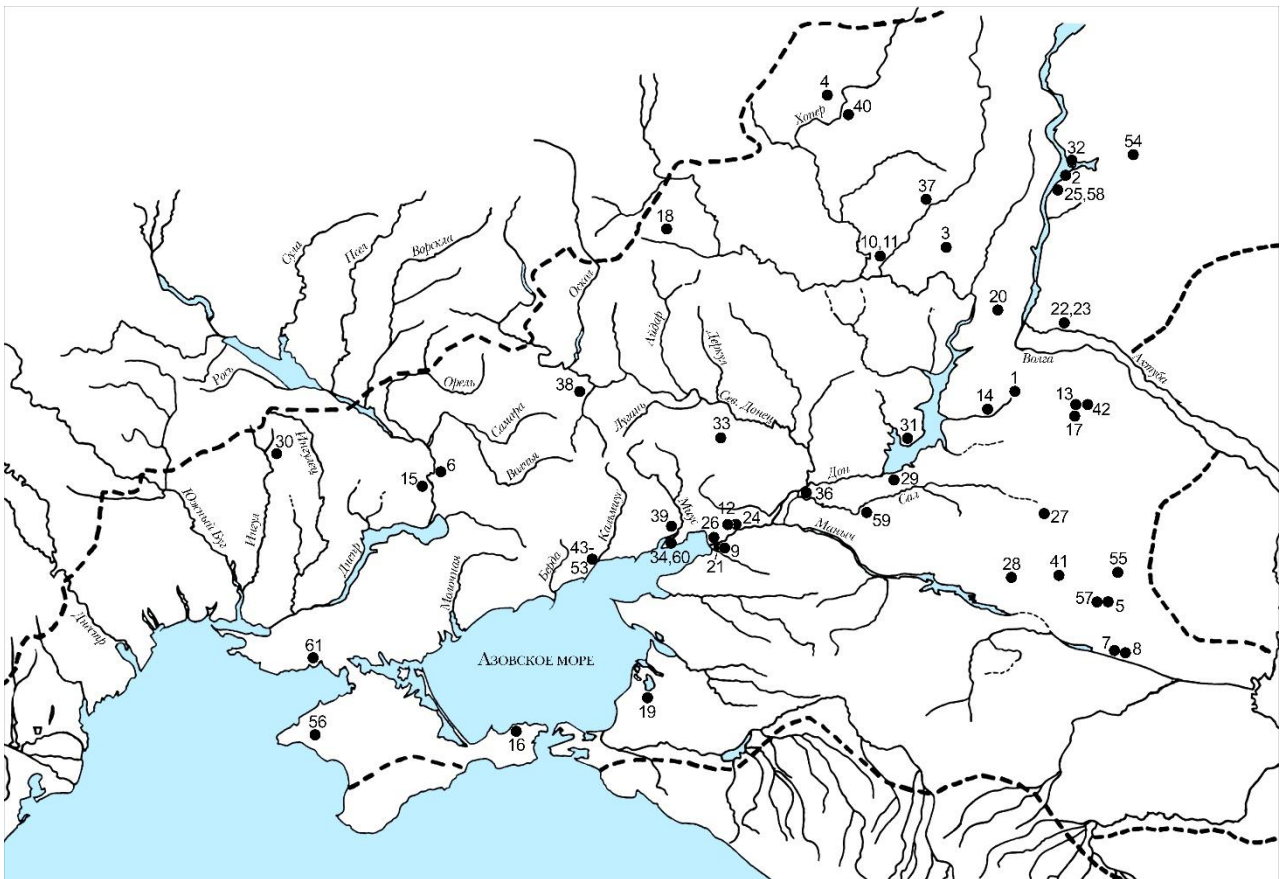

Рис. 2. Золотоордынские погребения с ориентировкой в СВ-В секторе без костей овцы (группа СВ-В). Расшифровку номеров на карте см. в Приложении.

Fig. 2. The Golden Horde burials with orientation in NE-E sector without bones of a sheep (NE-E group). Decoding numbers a card see in the Appendix.

Длина и ширина известна для 50 могильных ям. Чуть больше половины (52%) из них имеют длину от 2,1 м до 2,5 м. Достаточно много как коротких (до 2 м – 22%), так и длинных (более 2,5 м – 26%) погребальных сооружений. Ямы, в основном, узкие, шириной до 1 м – 82%, до 1,5 м – 12%, более 1,5 м – 6%. Глубина зафиксирована для 59 погребений: 32 основных, 13 впускных и 14 грунтовых. 68,8% основных захоронений сооружено на глубине от 1,1 м до 2 м, четверть (25%) ям неглубокие (до 1 м), глубоких (более 2 м) немного – 6,2%. Большинство (84,6%) впускных погребений также имеет глубину до 2 м, до 1 м – 7,7%, более 2 м – 7,7%. Грунтовые захоронения практически все (92,9%) неглубокие (до 1 м). На глубине от 1,1 м до 2 м сооружено всего 7,1% грунтовых могильных ям.

Перекрытие ям зафиксировано всего лишь у трети (32,8%) сооружений, перекрытие подбоя – также у трети (33,3%) захоронений с подбоем. В четверти (26,2%) погребений обнаружены разные типы гробовищ: дощатое – 42,9%, решетчатое – 42,9%, колода – 14,2%. В 13 (21%) комплексах отмечены

органическая подстилка или настил над погребенным. Ритуальных остатков сохранилось мало (11,5%), из них: уголь, зола, обожженные плахи – 71,4%, меловая посыпка – 28,6%.

Среди останков 61 умершего зафиксировано 57 взрослых, 1 подросток, 3 детей. Пол взрослых индивидов определен (в основном, по инвентарю) в 46 случаях: мужчин – 33 (71,7%), женщин – 13 (28,3%). Сохранность захоронений неплохая, однако 32,8% ограблено или разрушено. Ориентировка погребенных в данной группе следующая: СВ – 55 (90,2%), СВВ – 4 (6,5%), В – 2 (3,3%).

Два захоронения сопровождали погребения 3 целых коней в отдельной яме (в погребении Коллекторский 2/14 – 2 целых коня). Кони ориентированы в одну сторону с человеком. В одном случае в качестве загробной пищи зафиксированы конские останки (ребро лошади – Зеленый Гай 6/9), которые находились под правым крылом таза погребенного. В грунтовом захоронении 3 из Недвиговки в качестве загробной пищи обнаружены остатки чешуи и позвонки рыбы. А в Таврии-II, 4/4 у левой плечевой кости умершего лежал крестец крупного копытного животного.

Считаем необходимым привести в данной работе полные характеристики всех трех групп погребений, в которых в качестве загробной пищи присутствовали определенные части овцы, поскольку в предыдущих статьях анализировались отдельные группы в зависимости от ориентировки умершего. Здесь же, объединив данные всех групп, приведем обобщенные цифры для сравнения с показателями групп погребений, в которых отсутствуют кости овцы.

Самая крупная группа захоронений (190 комплексов), среди загробной пищи которой присутствует нога овцы (Н). Памятники сосредоточены в бассейнах Дона и Волги (среднего и нижнего течения), а также в Калмыцкой степи. Есть отдельные захоронения и могильники на территории Правобережья и Левобережья Днепра, Северного Приазовья, бассейна Северского Донца и Прикубанья. Самый западный могильник (Каменка) находится в Приднестровье (рис. 3).

Почти все (93,2%) погребения подкурганые. Большинство захоронений (92,6%) находилось в составе однокультурного могильника, 78,5% комплексов – в составе однокультурной курганной группы. Количество захоронений в группах, в основном, от 1 до 3. Но есть ряд более крупных могильников: Первомайский-VII, Русский Колодец-VII, Ляпинская балка включают по 4 погребения, Подгорненский-IV, Мамай-Гора-I, – по 5, в могильнике Семенкин их 8. Наибольшее количество погребений (11) зафиксировано в Каменке. Насыпи, как правило, сооружались только над одной могилой, лишь в 11,9% курганов находилось по 2 однокультурных погребения. Парных захоронений обнаружено 3 (1,6%), тройное (женщина и 2 ребенка) – одно.

Подкурганые захоронения в большинстве (84,7%) основные. Для 134 (из 150) насыпей над основными погребениями есть данные об их размерах (диаметре – для круглых, длине и ширине – для овальных), для 136 – об их высоте. Почти все (91,8%) курганы круглой формы: диаметром до 10 м – 38,2%, до 20 м – 54,5%, более

20 м – 7,3%. Овальных насыпей 11: до 10 м – 0%, до 20 м – 81,8%, более 20 м – 18,2%. Более половины курганов (57%) имеют размеры

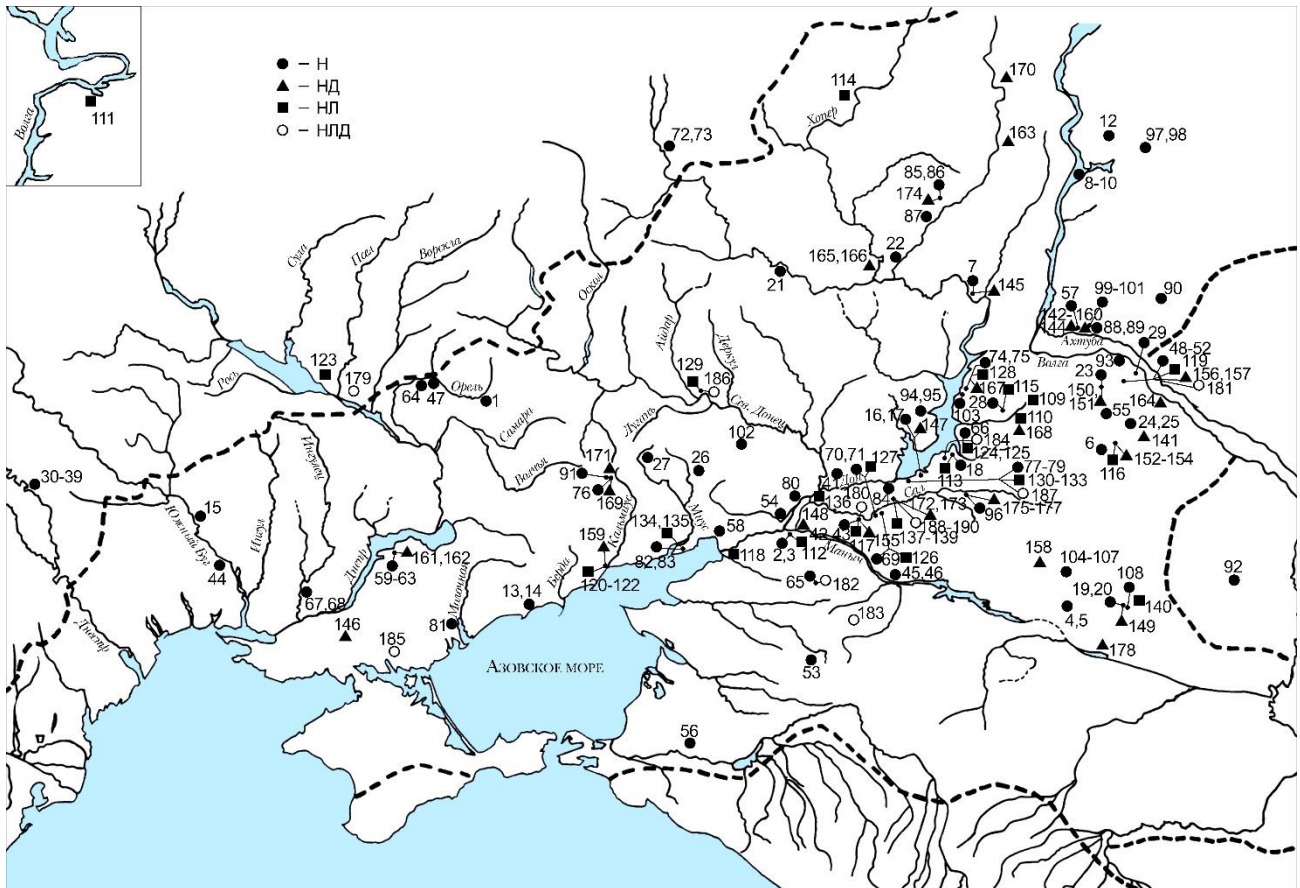

Рис. 3. Золотоордынские погребения с заgrabной пищей – ногой овцы (группа Н). Расшифровку номеров на карте см. в Приложении.

Fig. 3. The Golden Horde burials with food beyond the grave – a foot sheep (H group). Decoding numbers a card see in the Appendix.

11-20 м. Почти все насыпи (94,9%) над основными погребениями невысокие, до 1 м.

В половине насыпей (53,7%) зафиксированы каменные (31,6%) и деревянные (6,4%) конструкции, тризна (30,5%), ровики (22,1%) и др. Почти все (96,8%) могильные ямы сооружены в материке. Большинство (59,5%) из них простые прямоугольные, с заплечиками по длинным сторонам – 13%, с заплечиками по периметру – тоже 13%, со ступенькой и подбоем – 10,8%, с подбоем без ступеньки – 2,7%.

Длина и ширина известна для 179 и 178 могильных ям соответственно. Большинство (59,8%) из них имеет длину от 2,1 м до 2,5 м. Длина до 2 м зафиксирована у 22,9% погребальных сооружений, более 2 м – у 17,3%. Ямы, как правило, узкие, шириной до 1 м (79,2%), до 1,5 м шириной – 14,1%, более 1,5 м – 6,7%. Глубина известна для 145 основных, 27 впускных и 13 грунтовых погребений. Значительное количество (75,9%) основных захоронений сооружено на глубине от 1,1 м до 2 м, неглубоких (до 1 м) ям – 18,6%, глубоких (более 2 м) – 5,5%.

Большинство (81,5%) впускных погребений также имеет глубину до 2 м, до 1 м – 14,8%, более 2 м – 3,7%. Большинство (69,2%) грунтовых захоронений сооружено на глубине до 2 м, а почти треть (30,8%) ям неглубокие – до 1 м, глубоких (более 2 м) ям нет.

Перекрытие могильных ям зафиксировано в 54,7%, перекрытие подбоя – в 60% погребений. В 36,8% захоронений обнаружены различные типы гробовищ: дощатое – 38,4%, решетчатое – 30,8%, колода – 30,8%. В 40,5% погребений прослежены остатки органической подстилки или настила над умершим. Ритуальные остатки зафиксированы почти в четверти (24,7%) захоронений, из них: уголь, зола, обожженные плахи – 40,4%, меловая посыпка – 44,7%, кусок мела – 14,9%.

Всего в 190 погребениях найдены останки 195 умерших: 183 взрослых, 7 подростков, 5 детей (все с женщинами). Пол взрослых индивидов определен в 162 случаях: мужчин – 58%, женщин – 42%. Сохранность захоронений неплохая: всего 20,5% ограблено или разрушено. Ориентировка погребенных разнообразная. Северный и южный секторы (30%): С – 17 (8,9%), ССВ – 38 (20%), ССЗ – 1, ЮЮЗ – 1; северо-восток – 56 (29,5%); восточный сектор (14,2%): СВВ – 15 (7,9%), В – 12 (6,3%); западный сектор (26,3%): З – 29 (15,3%), СЗ – 2, СЗЗ – 7 (3,7%), ЮЗ – 2, ЮЗЗ – 10 (5,3%). В сумме меридиональная ориентировка и ориентировка в северо-восточном секторе дают почти 60%, более четверти захоронений ориентированы в западном секторе.

В 6,8% погребений зафиксировано сопровождение захоронения человека конем. В 12 (92,3%) случаях целый конь находился в отдельной яме. И только в одном комплексе (7,7%), который находился под одной насыпью со вторым однокультурным (и, по-видимому, одновременным¹) погребением, части коня (3 тип, по А.Г. Атавину) располагались на ступеньке. В большинстве (91,7%) случаев конь ориентирован в одну сторону с человеком.

Состав частей овцы, положенных в качестве заgrabной пищи, следующий: только нога – 108 (56,8%) погребений; нога и другие части, кроме лопатки – 38 (20%) захоронений; нога и лопатка – 32 (16,9%) погребения; сочетание ноги, лопатки и других частей – 12 (6,3%) комплексов.

Располагалась заgrabная пища в разных секторах могильной ямы. В изголовье (за головой, слева и справа от головы) зафиксировано 29,6% случаев, слева от тела погребенного – 24,4%, справа от тела – 18,8%, в ногах – 6%, другое – 12,8%.

Вторая по величине группа (121 комплекс) условно названа “погребения с другими частями овцы” (Д). Памятники, входящие в эту группу, расположены в основном, в бассейнах Дона и Волги (среднего и нижнего течения), а также в Калмыцкой степи. Есть отдельные захоронения на территории Правобережья и Левобережья Днепра, Северного Приазовья, бассейна Северского Донца и Прикубанья (рис. 4).

¹ Именно поэтому данное погребение в качестве исключения было включено в выборку.

Большинство (91,7%) погребений подкурганные. Почти все захоронения (96,7%) находились в составе однокультурного могильника, 86,5% – в составе однокультурной курганный группы. Количество погребений в группах, как правило, не превышает 3. Но есть ряд более крупных могильников: Харинка и Бахтияровка-II – по 5, Семенкин – 6, Ливенцовский-VII – 10 захоронений.

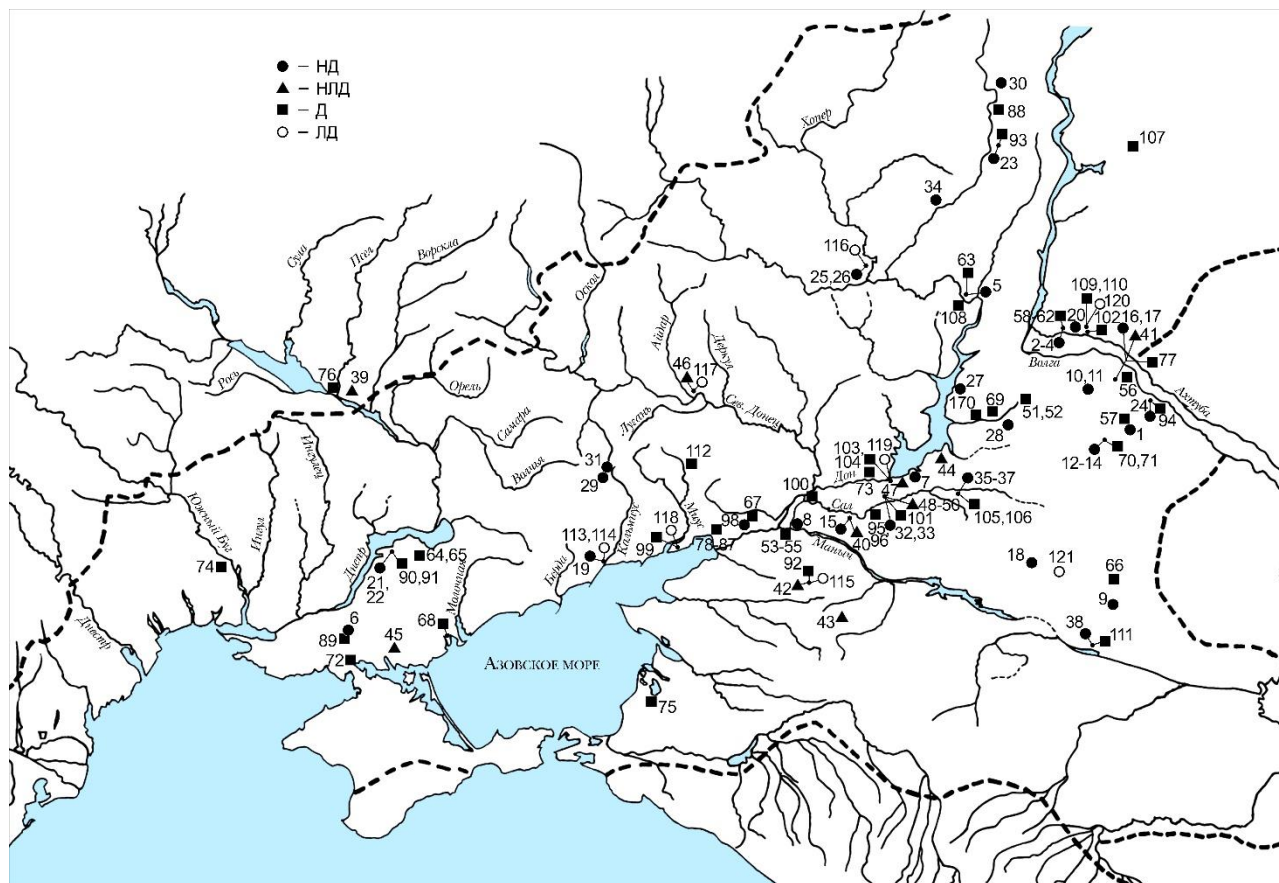

Рис. 4. Золотоордынские погребения с заgrabной пищей – другими частями овцы (группа Д). Расшифровку номеров на карте см. в Приложении.

Fig. 4. The Golden Horde burials with food beyond the grave – other parts sheep (Д group). Decoding numbers a card see in the Appendix.

Большинство насыпей сооружено только над одной могилой, однако в 15,3% случаев в курганах находилось по 2 однокультурных погребения. Парных захоронений зафиксировано 1 (женщина и ребенок).

Среди подкурганных погребений основные составляют большинство (84,7%). Для 88 насыпей (из 94) над основным захоронением имеются сведения об их размерах (диаметр – для круглых, длина и ширина – для овальных) и для 89 – об их высоте. Почти все (94,3%) курганы круглые: диаметром до 10 м – 39,8%, до 20 м – 54,2%, более 20 м – 6%. Овальных насыпей 5: до 10 м – 20%, до 20 м – 60%, более 20 м – 20%. Практически все (96,6%) курганы имеют высоту до 1 м.

В 56,8% насыпей курганов зафиксированы каменные (30,2%) и деревянные (3,2%) конструкции, тризна (33,3%), ровики (25,4%) и др. Почти все (95%)

могильные ямы сооружены в материке. Половина ям (50,8%) простые прямоугольные. Почти треть (29,7%) могильных сооружений – с заплечиками по длинным сторонам ямы и по периметру. С подбоем (со ступенькой или без нее) – 13,6% ям. В 7 (5,9%) случаях зафиксирована яма со ступенькой (без подбоя).

Длина и ширина известна для 118 могил. Большинство из них (64,4%) имеет среднюю длину – от 2 м до 2,5 м. Коротких (до 2 м) и длинных (более 2,5 м) погребальных конструкций поровну – 17,8%. Большинство (84,7%) ям узкие – шириной до 1 м. Шириной до 1,5 м – 10,2%, более 1,5 м – 5,1% могильных сооружений. Глубина зафиксирована для 94 основных, 16 впускных и 10 грунтовых погребений. 81,9% основных захоронений сооружено на глубине от 1,1 м до 2 м, неглубоких (до 1 м) ям – 14,9%, глубоких (более 2 м) – всего 3,2%. Три четверти (75%) впускных погребений имеют среднюю глубину – до 2 м, а остальные (25%) неглубокие (до 1 м). Большинство (60%) грунтовых захоронений также обнаружено на глубине до 2 м, неглубоких (до 1 м) ям достаточно много – 40%.

Перекрытие могильных ям зафиксировано в 54,5%, перекрытие подбоя – в 50% погребений с подбоем. В 40,5% захоронений находились остатки гробовища: дощатое – 50%, колода – 32,1%, решетчатое – 17,9%. В 35,5% погребений прослежены остатки органической подстилки или настила над умершим. Ритуальные остатки зафиксированы в 29,8% захоронений: уголь, зола, обожженные плахи – 38,9%, меловая посыпка – 38,9%, кусок мела – 22,2%.

Всего в 121 погребении найдены останки 122 умерших: 116 взрослых, 4 подростка, 2 детей (1 ребенок с женщиной). Пол взрослых индивидов определен в 104 случаях: мужчин – 61,5%, женщин – 38,5%. Сохранность захоронений неплохая: всего 23,1% ограблено или разрушено.

Ориентировка погребенных разнообразная. Северный и южный секторы (25,6%): С – 9 (7,4%), ССВ – 16 (13,2%), ССЗ – 5 (4,1%), ЮЮЗ – 1 (0,8%); северо-восток – 29 (24%); восточный сектор (9,9%): СВВ – 11 (9,1%), В – 1; западный сектор (40,5%): З – 22 (18,2%), СЗ – 2, СЗЗ – 7 (5,8%), ЮЗ – 3, ЮЗЗ – 15 (12,4%). В сумме меридиональный и северо-восточный секторы дают практически 50%. При этом очень большое количество погребений с ориентировкой в западном секторе – 40,5% !

В 6,6% погребений зафиксировано сопровождение захоронения человека конем. Во всех (8 – 100%) случаях целый конь находился в отдельной яме и в подавляющем большинстве (7 – 87,5%) ориентирован в одну сторону с человеком.

Состав частей овцы, положенных в качестве загробной пищи, следующий: только другие части – 62 (51,2%) погребения; нога и другие части, кроме лопатки, – 38 (31,4%) захоронений; сочетание ноги, лопатки и других частей – 12 (10%) комплексов; лопатка и другие части – 9 (7,4%). Среди других частей овцы преобладают позвонки – 72 (54,5%), почти треть (43 – 32,6%) – астрагалы, встречаются также ребра (9 – 6,8%), черепа (4), крестец (3) и др.

Располагалась загробная пища в разных секторах могильной ямы. В изголовье (за головой, слева и справа от головы) зафиксировано 23,7% случаев, слева от тела погребенного – 17,9%, справа от тела – 15,6%, в ногах – 6%,

неожиданно достаточно большое количество другого (нестандартного) местоположения – 20,8%.

И, наконец, наименее многочисленная группа погребений, среди загробной пищи которой присутствовала лопатка овцы (Л). В нее включено 62 захоронения. Эти памятники расположены в основном, в бассейне Левобережья Дона (среднего и нижнего течения), а также в Калмыцкой степи. Есть отдельные захоронения на территории Левобережья Днепра, Северского Донца, Северного Приазовья, полностью отсутствуют в Крыму и Прикубанье (рис. 5).

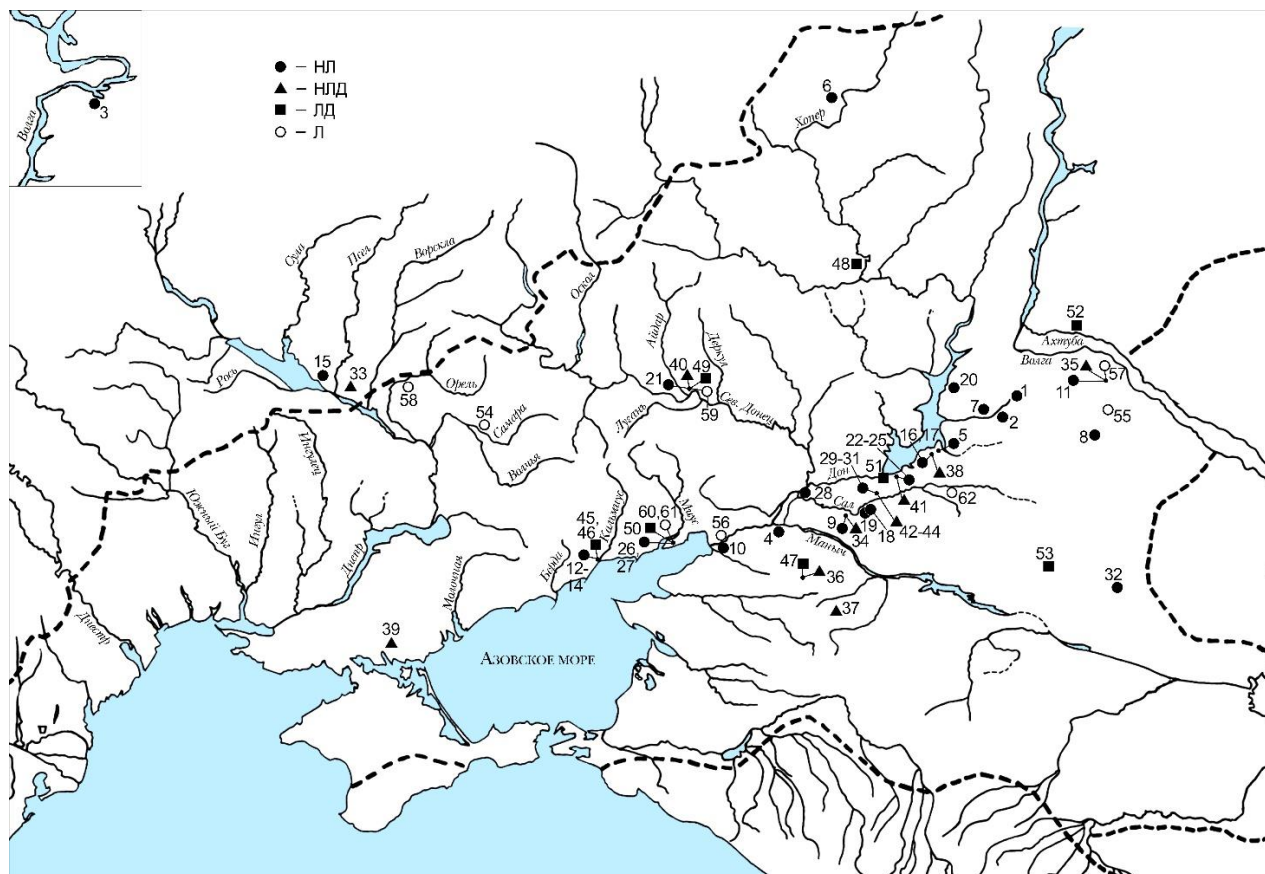

Рис. 5. Золотоордынские погребения с загробной пищей – лопаткой овцы (группа Л). Расшифровку номеров на карте см. в Приложении.

Fig. 5. The Golden Horde burials with food beyond the grave – a shovel sheep (Л group). Decoding numbers a card see in the Appendix.

Большинство (83,9%) погребений подкурганные. Почти все (98,4%) находились в составе однокультурного могильника, 78,8% комплексов – в составе однокультурной курганный крупы. Количество захоронений в группах, как правило, не превышает 3. Но есть ряд более крупных могильников: Передельское – 4, Русский Колодец-VII, Ляпинская балка – по 5, Семенкин – 6 погребений. Большинство насыпей сооружено только над одной могилой, однако в 21,2% случаев в курганах находилось по 2 однокультурных погребения. Парное захоронение зафиксировано 1 (женщина и ребенок).

Подкурганые погребения в большинстве (76,9%) основные. Для 40 насыпей (из 52) над основным захоронением имеются сведения об их размерах (диаметр – для круглых, длина и ширина – для овальных) и высоте. Почти все (92,5%) курганы круглые: диаметром до 10 м – 32,4%, до 20 м – 56,8%, более 20 м – 10,8%. Овальных насыпей 3: до 10 м – 33,3%, до 20 м – 66,7%. Все (100%) курганы имеют высоту до 1 м.

В 53,8% насыпей курганов зафиксированы каменные (10,7%) и деревянные (7,1%) конструкции, тризна (46,4%), ровики (25%) и др. Почти все (95,2%) могильные ямы сооружены в материке. Половина из них (49,2%) простые прямоугольные. Почти столько же (42,4%) могильных сооружений с заплечиками по длинным сторонам ямы и по периметру. С подбоем (со ступенькой или без нее) – 8,5% ям.

Длина и ширина известна для 59 могил. Большинство из них (61%) имеет среднюю длину – от 2 м до 2,5 м. Коротких (до 2 м) ям 13 (22%), длинных (более 2,5 м) – 17%. Большинство (86,4%) ям узкие – шириной до 1 м. Шириной до 1,5 м – 6,8%, более 1,5 м – такое же количество (6,8%) могильных сооружений. Глубина зафиксирована для 62 основных, 12 впускных и 10 грунтовых погребений. 85% основных захоронений сооружено на глубине от 1,1 м до 2 м, неглубоких (до 1 м) ям – всего 5%, глубоких (более 2 м) – 10%. Три четверти (75%) впускных погребений имеют среднюю глубину – до 2 м, неглубоких ям (до 1 м) – 16,7%, глубоких (более 2 м) – 8,3%. Большинство (60%) грунтовых захоронений в этой группе обнаружено на глубине до 1 м, глубину от 1,1 м до 2 м имеют 40% могильных ям.

Перекрытие могильных ям зафиксировано в 59,7%, перекрытие подбоя – в 80% погребений. В 30,6% захоронений находились остатки гробовища: дощатое – 33,3%, колода – 44,5%, решетчатое – 22,2%. В 38,7% погребений прослежены остатки органической подстилки или настила над умершим. Ритуальные остатки зафиксированы в 45,2% захоронений: уголь, зола, обожженные плахи – 35,7%, меловая посыпка – 46,4%, кусок мела – 17,9%.

Всего в 62 погребениях найдены останки 63 умерших: 60 взрослых, 2 подростка, 1 ребенок (с женщиной). Пол взрослых индивидов определен в 55 случаях: мужчин – 58,2%, женщин – 41,8%. Сохранность захоронений неплохая: всего 22,6% ограблено или разрушено.

Ориентировка погребенных разнообразная. Северный и южный секторы (45,2%): С – 5 (8,1%), ССВ – 21 (33,9%), ССЗ – 1, ЮЮЗ – 1; северо-восток – 22 (35,5%); восточный сектор (11,3%): СВВ – 5 (8,1%), В – 2; западный сектор (8%): З – 2, СЗ – 1, СЗЗ – 1, ЮЗЗ – 1. Необходимо подчеркнуть, что в сумме меридиональный сектор и северо-восток дают более 80%. А в западном секторе ориентировано всего 8% погребенных.

Лишь в 1 погребении зафиксировано сопровождение захоронения человека конем. Целый конь находился в отдельной яме, расположенной в ногах умершего под углом 60°. При этом человек ориентирован на СЗЗ, а конь на ЮЗЗ.

Состав частей овцы, положенных в качестве заgrabной пищи, следующий: только лопатка – 9 (14,5%) погребений; лопатка и другие части – 9 (14,5%) захоронений; сочетание ноги, лопатки и других частей – 12 (19,4%) комплексов; нога и лопатка – 32 (51,6%).

Располагалась заgrabная пища в разных секторах могильной ямы. В изголовье (за головой, слева и справа от головы) зафиксировано 20,4% случаев, слева от тела погребенного – 35,7%, справа от тела – 15,3%, в ногах – 4,1%, другое (нестандартное) местоположение – 16,3%.

При сравнении между собой 5 групп (Н, Л, Д, М и СВ-В) по 90 признакам в 43 позициях выявлены отличия, составляющие 10% и более. Наименьшее количество отличий в группах Н (10) и Д (12), наибольшее – в группах СВ-В (28) и М (22), в группе Л – 19 отличий. Кроме того, при сравнении трех групп погребений с остатками заgrabной пищи по признакам, характеризующим ее, также выявлены подобные отличия: в группе Н – 1, в группе Д – 4, в группе Л – 5 (табл. 1).

Таблица №1

Отличительные признаки групп погребений с максимальными и минимальными показателями (в %)

Признак	Группа				
	Н	Л	Д	М	СВ-В
I.1	92,6	98,4	96,7	74,3	75,4
I.2	78,5	78,8	86,5	62,1	58,7
I.3	11,9	21,2	15,3	5,2	10,9
II.5 кругл. общ.	91,8	92,5	94,3	84,1	90
II.5 кр. до 10 м	38,2	32,4	39,8	40,5	55,6
II.5 кр. до 20 м	54,5	56,8	54,2	46	40,7
II.5 кругл. <20 м	7,3	10,8	6	13,5	3,7
II.5 овал. общ.	8,2	7,5	5,7	15,9	10
II.5 ов. до 10 м	0	33,3	20	14,3	0
II.5 ов. до 20 м	81,8	66,7	60	57,1	66,7
III.7 общ.	53,7	53,8	56,8	39,7	52,2
III.7 кам. конст.	31,6	10,7	30,2	26,1	20,8
III.7 тризна	30,5	46,4	33,3	17,4	33,3
III.7 ров	22,1	25	25,4	17,4	8,4
III.7 иное	9,5	10,7	7,9	34,8	33,3
IV.8 основ. погр.	84,7	76,9	84,7	82,8	71,7
IV.8 впуск. погр.	15,3	23,1	15,3	17,2	28,3
IV.8 грунт. погр.	6,8	16,1	8,3	21,6	24,2
VI.10 прям. яма	59,5	49,2	50,8	70	74
VI.10 яма с заплеч.	26	42,4	29,7	15,7	12

VII.11 длина <2,5 м	17,3	17	17,8	14,7	26
VII.11 шир. до 1 м	79,2	86,4	84,7	75	82
VII.11 шир. до 1,5 м	14,1	6,8	10,2	19,1	12
VII.12 гл. ос. до 1 м	18,6	5	14,9	23,9	25
VII.1 гл. ос. до 2 м	75,9	85	81,9	71,7	68,8
VII.12 гл. вп. до 1 м	14,8	16,7	25	40	7,7
VII.12 гл. вп. до 2 м	81,5	75	75	30	84,6
VII.12 гл. вп. <2 м	3,7	8,3	0	30	7,7
VII.12 гл. гр. до 1 м	30,8	60	40	37,5	92,9
VII.12 гл. гр. до 2 м	69,2	40	60	62,5	7,1
VIII.13 перек. ямы	54,7	59,7	54,5	39,2	32,8
VIII.13 перек. подбоя	60	80	50	33,3	33,3
VIII.13 гробов. общ.	36,8	30,6	40,5	28,4	26,2
VIII.13 дощат. гробов.	38,4	33,3	50	26,7	42,9
VIII.13 решет. гробовище	30,8	22,2	17,9	33,3	42,9
VIII.13 колода	30,8	44,5	32,1	40	14,2
VIII.13 орган. подст.	40,5	38,7	35,5	36,5	21,3
IX.14 уголь следы огня	40,4	35,7	38,9	72,7	71,4
IX.14 мелов. посыпка	44,7	16,4	38,9	27,3	28
IX.14 кусок мела	14,9	17,9	22,2	0	0
IX.14 общ.	24,7	45,2	29,8	14,9	11,5
X.15 мужчина	58	58,2	61,5	55,6	71,7
X.15 женщина	42	41,8	38,5	44,4	28,3
XI.16 сохран. полн. и удов.	79,5	77,4	76,9	55,4	68,2
XII.17 ор-ка С-Ю	30	45,2	25,6	100	0
XII.17 ор-ка СВ	29,5	35,5	24	0	100
XII.17 ор-ка запад. сектор	26,3	8	40,5	0	0
XIV.24 КЖ овцы	56,8 Н 6,3НЛД	51,6 НЛ 14,5 Л и ЛД	51,2 Д 7,4 ЛД	0	0
XVIII. 37, 38, 39	29,6	20,4	23,7	0	0
XVIII. 40, 41	43,2	51	33,5	0	0
XVIII. 44	12,8	16,3	20,8	0	0

Как уже указывалось выше, каждая из трех групп захоронений с остатками КЖ овцы состоит из нескольких неравнозначных по количеству групп погребений. Мы сравнили процентное соотношение этих групп. Наибольшее количество в группе Н составляют погребения с ногой овцы (56,8%), наименьшее – погребения с ногой, лопаткой и другими частями овцы (6,3%). В группе Л картина другая: большинство

(51,6%) составляют погребения с лопаткой и ногой овцы, меньшинство (14,5%) – захоронения с лопаткой и комплексы с лопаткой и другими частями овцы. В группе Д чуть больше половины погребений (51,2%), в которые положены другие части овцы (позвонки, астрагалы, ребра и др.). Наименьшее количество (7,4%) в этой группе захоронений с другими частями и лопаткой овцы. Таким образом, наши наблюдения демонстрируют, что лопатка самостоятельно довольно редко укладывалась в погребение. Так же редко встречается и сочетание лопатки с другими частями овцы. Эти захоронения требуют особого внимания в плане социальной принадлежности погребенного. Как известно, по народной примете монголов, лопатку нельзя есть без ножа, нельзя кусать зубами, потому что лопатка связана с гаданием, для еды ее обычно подавали духовным лицам [23, с. 156; 20, с. 146]. Не исключено, что какая-то часть этих погребений принадлежит шаманам, тем более, что только в этой группе большинство (80,7%) умерших ориентировано в меридиональном и северо-восточном секторах.

Среди отличительных признаков всех групп были получены следующие результаты. Среди отличительных признаков группы Н (с ногой овцы) – 5 с максимальными показателями и 5 с минимальными; в группе Л (с лопаткой овцы) – 13 с максимальными, 6 – с минимальными показателями, в группе Д (с другими частями овцы) – 8 и 4 соответственно. В группе погребений с меридиональной ориентировкой без КЖ овцы (М) 8 признаков с максимальными показателями, а 14 – с минимальными. В группе захоронений без КЖ овцы с ориентировкой в СВ-В секторах (СВ-В) 10 признаков с максимальными показателями и 18 – с минимальными.

Мы произвели сравнение отличительных показателей признаков и по другому принципу. В качестве точки отсчета были взяты показатели группы Н, чтобы посмотреть, в какой из других групп будет больше ближайших показателей (то есть отличающихся менее, чем на 10%), а также отличающихся в большую или меньшую сторону на 10% и более.

Из 43 признаков ближайшие к группе Н показатели отсутствуют в 2 (табл. 2). По 1 признаку (Ш.7 Р – наличие ровика) близкие показатели одновременно продемонстрировали две группы: Д и СВ-В. Большинство похожих показателей

Таблица №2

Сравнение отличительных показателей 4 групп погребений с показателями группы Н (в %)

Признак	Показатели			
	Показатель группы Н	Ближайший к группе Н	Максимальный	Минимальный
I.1	92,6	96,7 Д	–	74,3 М
I.2	78,5	78,8 Л	–	58,7 СВ-В
I.3	11,9	10,9 СВ-В	21,2 Л	–

Признак	Показатели				
	Показатель группы Н	Ближайший к группе Н		Максимальный	Минимальный
II.5 кругл.общ.	91,8	92,5	Л	–	–
II.5 кр. до 10 м	38,2	39,8	Д	55,6	СВ-В
II.5 кр. до 20 м	54,5	54,2	Д	–	40,7 СВ-В
II.5 кругл. <20 м	7,3	6	Д	–	–
II.5 овал. общ.	8,2	7,5	Л	–	–
II.5 ов. до 10 м	0	0	СВ-В	33,3	Л
II.5 ов. до 20 м	81,8	–	–	–	57,1 М
III.7 общ.	53,7	53,8	Л	–	39,7 М
III.7 камен. конст.	31,6	30,2	Д	–	10,7 Л
III.7 тризна	30,5	33,3	СВ-В; Д	46,4	Л
III.7 ров	22,1	25	Л	–	8,4 СВ-В
III.7 иное	9,5	10,7	Л	34,8	М
IV.8 основ. погр.	84,7	84,7	Д	–	71,7 СВ-В
IV.8 впуск. погр.	15,3	15,3	Д	28,3	СВ-В
IV.8 грунт. погр.	6,8	8,3	Д	24,2	СВ-В
VI.10 прям. яма	59,5	50,8	Д	74	СВ-В
VI.10 яма с заплеч.	26	29,7	Д	42,4	Л
VII.11 длина < 2,5 м	17,3	17	Л	–	–
VII.11 шир. до 1 м	79,2	82	СВ-В	–	–
VII.11 шир. до 1,5 м	14,1	12	СВ-В	–	–
VII.12 гл. ос. до 1 м	18,6	14,9	Д	–	5 Л
VII.12 гл. ос. до 2 м	75,9	71,7	М	–	–
VII.12 гл. вп. до 1 м	14,8	16,7	Л	40	М
VII.12 гл. вп. до 2 м	81,5	84,6	СВ-В	–	30 М
VII.12 гл. вп. <2 м	3,7	0	Д	30	М
VII.12 гл. гр. до 1 м	30,8	37,5	М	92,9	СВ-В
VII.12 гл. гр. до 2 м	69,2	62,5	М	–	7,1 СВ-В
VIII.13 перек. ямы	54,7	54,5	Д	–	32,8 СВ-В
VIII.13 перекрыт. подбоя	60	–	–	80	Л
VIII.13 гробовище общ.	36,8	40,5	Д	–	26,2 СВ-В
VIII.13 дощатое гробовище	38,4	33,3	Л	50	Д
VIII.13 решет. гробовище	30,8	33,3	М	42,9	СВ-В
VIII.13 колода	30,8	32,1	Д	44,5	Л
VIII.13 орган. подстилка	40,5	38,7	Л	–	21,3 СВ-В
IX.14 уголь, следы огня	40,4	38,9	Д	72,7	М
IX.14 мел. посыпка	44,7	46,4	Л	–	27,3 М
IX.14 кусок мела	14,9	17,9	Л	–	0 М; СВ-В
IX.14 общий	24,7	29,8	Д	45,2	Л
X.15 мужчина	58	58,2	Л	71,7	СВ-В
X.15 женщина	42	41,8	Л	–	28,3 СВ-В
XII.17 ор-ка С-Ю	30	25,6	Д	45,2	Л
XII.17 ор-ка СВ	29,5	24	Д	–	–
XII.17 ор-ка запад. сектор	26,3	–	–	40,5	Д

Признак	Показатели				
	Показатель группы Н	Ближайший к группе Н		Максимальный	Минимальный
XVIII. 37, 38, 39	29,6	23,7	Д	–	20,4 Л
XVIII. 40, 41	43,2	51	Л	–	33,5 Д

с группой Н продемонстрировали группы Д (18) и Л (14). Значительно меньше их в группах СВ-В (6) и М (4). Превышены показатели группы Н по 19 признакам: Д – 1, М – 4, Л – 7, СВ-В – 7. А вот отличий с минимальным показателем 25. Причем по 2 признакам (VIII.13 Пп – перекрытие подбоя и IX.14 КМ – наличие куска мела) одинаковые минимальные показатели отмечены в двух группах: М и СВ-В. Больше всего минимальных показателей зафиксировано в группе СВ-В – 14. Достаточно много их и в группе М – 9. А вот в группах Л и Д их всего лишь 3 и 1 соответственно. В сумме количество отличий по группам составляет: Д – 2 (2%), Л – 10 (11%), М – 13 (14%), СВ-В – 21 (23%). Среди групп с КЖ овцы ближе по показателям к группе Н также группа Д (21). В группе Л 16 близких показателей, но достаточно много и отличий как по максимуму (8), так и по минимуму (5).

Заключение

Таким образом, сравнительный анализ признаков погребального обряда золотоордынских кочевнических погребений продемонстрировал, что захоронения без костей овцы с меридиональной, а тем более с СВ-В ориентировкой не могут однозначно быть определены как монгольские только по одному признаку – ориентировке. Для отнесения подобных комплексов к погребениям, совершенным по монгольским традициям, их нужно рассматривать индивидуально на основе доказательной базы, включающей ряд признаков погребальной обрядности, помимо ориентировки. Лишь сочетание всех признаков обряда монголов поможет вычленению их захоронений, а также захоронений других этносов, принявших монгольский погребальный обряд, из массы других.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список памятников, отмеченных на картах (рис.1-5)

№ П/П	Название памятника	№ рисунка				
		1	2	3	4	5
1.	Абганерово-III, 3/1	1				
2.	Абганерово-IV, 10/1	2				

3.	Абганерово-II, 34/1	3				
4.	Абганерово-IV, 8/1		1			
5.	Абганерово-II, 14/1			109		1

6.	Абганерово-II, 10/1				51	
7.	Абганерово-II, 2/1				52	
8.	Аглос (Рассвет)-III, 4/1	4				
9.	Аглос (Рассвет)-III, 3/1				98	
10.	Адрык 9/1			141	1	
11.	Аксай-III, 2/1			110		2
12.	пр. бер. Аксая1/1				97	
13.	Александровка 2/2			111		3
14.	Алексеевка 1/2			1		
15.	Арпачин-II, 41/2			2		
16.	Арпачин-II, 42/1			3		
17.	Арпачин 8/1			112		4
18.	Арпачин 37/1				53	
19.	Арпачин-II, 20/7				54	
20.	Арпачин-II, 21/2				55	
21.	Архаринский м-к 15/1			4		
22.	Архаринский м-к 23/1			5		
23.	Ахтырский лиман-I, п.33	5				
24.	Балкин хутор-II, 1/1			6		
25.	Барановка 25/1				56	
26.	Барун, уч.1, 2/1	6				
27.	Барун, уч.1, 3/1				57	
28.	Бахтияровка-III, 113/1	7				
29.	Бахтияровка-II, 61/1			142	2	
30.	Бахтияровка-III, 137/1			143	3	
31.	Бахтияровка-III, 83/1			144	4	
32.	Бахтияровка-I, 25/1				58	
33.	Бахтияровка-II, 50/1				59	

34.	Бахтияровка-II, 58/1					60
35.	Бахтияровка-II, 60/1					61
36.	Бахтияровка-II, 63/1					62
37.	Белужино-Колдаиров 5/1				7	
38.	Белужино-Колдаиров 41/1				145	5
39.	Белужино-Колдаиров 37/1					63
40.	Бережновка-I, 40/1		2			
41.	Бережновка-II, 27/1				8	
42.	Бережновка-II, 28/1				9	
43.	Бережновка-II, 28/2				10	
44.	Бережновка-I, 45/3				11	
45.	Ближнероссошинский-I, 26/1	8				
46.	Блуменфельд-А, к.4/1				12	
47.	Богдановка-I, 1/7				146	6
48.	Большая Белозерка 26/1					64
49.	Большая Белозерка 26/2					65
50.	Ботиево 4/1				13	
51.	Ботиево 5/1				14	
52.	Бугский 2/3				15	
53.	Великая Каменка-II, 9/1	9				
54.	Вербки-V, 6/6					54
55.	Вербовый Лог-IV, 13/1				16	
56.	Вербовый Лог-X, 4/1				17	
57.	Вербовый Лог-I, 3/1				147	7
58.	Верхне-Рубежный-II, 1/1	10				
59.	Верхне-Рубежный-II, 2/1	11				
60.	Веселовка 11/8		56			

61.	Веселовская гр.- I, 1/1			148	8	
62.	Веселый-II, 2/1			18		
63.	Веселый-II, 1/1			113		5
64.	Ветютнев 2/3		3			
65.	Власовка-I, 3/1	12				
66.	Власовка-I, 10/2		4			
67.	Власовка-I, 15/3			114		6
68.	Волга-Чограй- 48, 4/1	13				
69.	Волга-Чограй- 48, 9/1	14				
70.	Волга-Чограй- 56, 15/1		5			
71.	Волга-Чограй- 43, 3/2		57			
72.	Волга-Чограй- 42, 3/1			19		
73.	Волга-Чограй- 48, 2/1			20		
74.	Волга-Чограй- 56, 7/1			149	9	
75.	Волга-Чограй- 42, 4/1				66	
76.	Волошино-II, 2/1			179	39	33
77.	Волошино-I, 9/1	15				
78.	Вороная, к.7		6			
79.	Вост. Маньч-I, 20/1		7			
80.	Вост. Маньч-II, 6/1		8			
81.	Высокая Гора 3/2	16				
82.	Высокая Гора 2/1			21		
83.	Высочино-II, 11/1		9			
84.	Глазуновский 1/1	17				
85.	Глазуновский 9/1	18				
86.	Глазуновский 15/1	19				
87.	Глазуновский 10/1		10			
88.	Глазуновский 14/1		11			
89.	Глазуновский 5/1			22		
90.	Гнилище-I, п.53		12			
91.	Горьковская гр. 2/1				67	
92.	Гува-II, 7/1	20				

93.	Гува-III, 1/1				23	
94.	Гува-II, 4/2				150	10
95.	Гува-II, 5/1				151	11
96.	Давыдовка 1/1					68
97.	Джангар 27/1				24	
98.	Джангар 7/1				25	
99.	Джангар-I, 4/1			13		
100.	Джангар 33/1					55
101.	Дибровка 3/1				26	
102.	Дмухайловка 6/1,2	21				
103.	Дружный 2/2				27	
104.	Жовтневе-I, 8/1	22				
105.	Жутово 14/1			14		
106.	Жутово 23/1				28	
107.	Жутово 57/1				115	7
108.	Жутово 89/1					69
109.	Зеленый Гай 6/9			15		
110.	Золотое 1/1 Ia			16		
111.	Зубовка 7/1	23				
112.	Зубовка 8/1	24				
113.	Зубовка 12/1				29	
114.	Иджил-I, уч.4, 5/1	25				
115.	Иджил-I, уч.4, 10/1	26				
116.	Иджил, уч.6- 7,1/1			17		
117.	Иджил, уч.5, 1/1				116	8
118.	Иджил-I, уч.3, 2/1				152	12
119.	Иджил-I, уч.4, 1/1				153	13
120.	Иджил-I, уч.4, 6/1				154	14
121.	Иджил-I, уч.3, 1/1					70
122.	Иджил-I, уч.4, 7/1					71
123.	Каирка 3/1					72
124.	Каменка, к.428				30	
125.	Каменка, к.429				31	

126	Каменка, к.430			32		
127	Каменка, к.431			33		
128	Каменка, к.432			34		
129	Каменка, к.434			35		
130	Каменка, к.435			36		
131	Каменка, к.436			37		
132	Каменка, к.439			38		
133	Каменка, к.441			39		
134	Каменка, к.443			40		
135	Камышевский-I, 7/1				73	
136	Капитанский 17/1	29				
137	Караяшник 6/1		18			
138	Кастырский-VII, 1/12			41		
139	Кировский-IV, 10/1			42		
140	Кировский-IV, 7/3			43		
141	Кировский-V, 4/1			117		9
142	Кировский-IV, 12/1			155	15	
143	Кировский-V, 7/1			180	40	34
144	Ковалевка 11/1			44		
145	Ковалевка-IV, 6/1				74	
146	Козинка-I, 2/1			45		
147	Козинка-I, 8/1			46		
148	Коллекторский 2/14		19			
149	Коллекторский 1/1				75	
150	Колпачки	27				
151	Колузаево (“5 братьев”) 10/24					56
152	Конские раздоры-III, 6/1	28				
153	Косика, п.53	30				
154	Котовка-III, 4/2			47		
155	Красная Котлубань 1/1		20			

156	Красногоровка 13/11		21			
157	Красногоровка 13/3			118		10
158	Кременчуг 3/1	31				
159	Кременчуг 4/1				76	
160	Кривая Лука- XIV, 26/1	32				
161	Кривая Лука- XVI, 5/1	33				
162	Кривая Лука-VI, 16/1			48		
163	Кривая Лука- XIV, 24/1			49		
164	Кривая Лука- XIV, 25/1			50		
165	Кривая Лука- XXXI, 4/1			51		
166	Кривая Лука- XXXII, 1/1			52		
167	Кривая Лука- XXII, 2/1			119		11
168	Кривая Лука- XIV, 30/1			156	16	
169	Кривая Лука- XXVII, 6/1			157	17	
170	Кривая Лука-V, 1/1			181	41	35
171	Кривая Лука-III, 3/1				77	
172	Кривая Лука- XXIII, 2/3					57
173	Кривуша 1/1			53		
174	Крутенький-I, 4/1			54		
175	Купцын Толга 12/1			55		
176	Кут 10/2	34				
177	Кьюин-Толга-II, 7/1	35				
178	к-з Ленина 2/4	36				
179	к-з Ленина 12/3	37				
180	к-з Ленина 48/1			56		

181	Ленинск 29/1		22		
182	Ленинск 42/1		23		
183	Ленинск 9/1		57		
184	Ливенцовский- VII, 8/3		58		
185	Ливенцовский- VII, 14Б/1		78		
186	Ливенцовский- VII, 14Г/1		79		
187	Ливенцовский- VII, 14Д/1,2		80		
188	Ливенцовский- VII, 14Ж/1		81		
189	Ливенцовский- VII, 16/1		82		
190	Ливенцовский- VII, 6/1		83		
191	Ливенцовский- VII, 6/2		84		
192	Ливенцовский- VII, 6А/1		85		
193	Ливенцовский- VII, 78/5		86		
194	Ливенцовский- VII, 78/6		87		
195	Линево 2/1		88		
196	Лысянский-II, 3/1		158	18	
197	Ляпинская балка, п.3	43			
198	Ляпинская балка, п.6	44			
199	Ляпинская балка, п.7		159	19	
200	Ляпинская балка, п.8	45			
201	Ляпинская балка, п.9	46			
202	Ляпинская балка, п.19	47			
203	Ляпинская балка, п.25		120		12
204	Ляпинская балка, п.26	48			

205	Ляпинская балка, п.27		49		
206	Ляпинская балка, п.28			113	45
207	Ляпинская балка, п.29			114	46
208	Ляпинская балка, п.31			121	13
209	Ляпинская балка, п.32		50		
210	Ляпинская балка, п.34		51		
211	Ляпинская балка, п.35		52		
212	Ляпинская балка, п.36		53		
213	Ляпинская балка, п.38			122	14
214	Магдалиновка 1/4				89
215	Максимовка, п.2			123	15
216	Малаяевка, п.1			160	20
217	Мамай-Гора-I, п.1				90
218	Мамай-Гора-I, п.2			162	22
219	Мамай-Гора-I, п.3			61	
220	Мамай-Гора-I, п.4				91
221	Мамай-Гора-I, п.5	38			
222	Мамай-Гора-I, п.6			62	
223	Мамай-Гора-I, п.7	39			
224	Мамай-Гора-I, п.8			63	
225	Мамай-Гора-I, п.9	40			
226	Мамай-Гора-I, п.10	41			

227	Мамай-Гора-I, п.11	42				
228	Мамай-Гора-I, п.12			60		
229	Мамай-Гора-II, п.1	43				
230	Мамай-Гора-II, п.2	44				
231	Мамай-Гора-II, п.3	45				
232	Мамай-Гора-II, п.4	46				
233	Мамай-Гора-II, п.5	47				
234	Мамай-Гора-II, п.6	48				
235	Мамай-Гора 191/1			59		
236	Мамай-Гора 191/2			161	21	
237	Мамай-Гора, объект 184, п.6	49				
238	Маньчский-I, 2/1	50				
239	Мех.завод 13/1		24			
240	Миновка-XVII, 3/2			64		
241	Мирный 4/1	51				
242	Молчановка-III, 2/1		25			
243	Молчановка-III, 3/1		58			
244	Московский-I, 5/1			65		
245	Московский-I, 8/1			182	42	36
246	Московский-II, 18/1				92	
247	Московский-II, 4/1				115	47
248	Мухин-I, 6/1			183	43	37
249	Нагавский-IV, 1/1			66		
250	Нагавский-I, 1/1			124		16
251	Нагавский-I, 2/1			125		17
252	Нагавский-I, 3/1			184	44	38
253	Недвиговка, п.3		26			

254	Нижняя Добринка 1/2			163	23	
255	Нижняя Добринка 1/1				93	
256	Нижняя Плотина 9/1	52				
257	Никольское-I, 3/1	53				
258	Никольское-I, 10/1	54				
259	Никольское-I, 4/1			164	24	
260	Никольское-I, 6/1				94	
261	Нововасильевка 37/1			67		
262	Нововасильевка 39/1			68		
263	Новокаменка 5/1	55				
264	Ново-Подкряж 6/1					58
265	Новосадковский 19/1			69		
266	Новосадковский 1/1			126		18
267	Новосадковский 3/1				95	
268	Новосадковский 3/2				96	
269	Ново-Троицкое- I, 4/1			185	45	39
270	Новый 36/1		59			
271	Новый 3/1			70		
272	Новый 64/1			71		
273	Новый 5/1			127		19
274	Овата-XII, 2/1		27			
275	Овцевод 3/7		28			
276	Олень-Колодезь 7/1			72		
277	Олень-Колодезь 9/1			73		
278	Остроухов 2/1			165	25	
279	Остроухов 3/1			166	26	
280	Остроухов 1/1				116	48
281	Отрадный-XIII, 10/1	56				

282	Первомайский- VII, 45/1			74		
283	Первомайский- VII, 48/1			75		
284	Первомайский- VII, 60/1			128		20
285	Первомайский- VII, 52/1			167	27	
286	Перегрузное-I, 32/1			168	28	
287	Передельское, п.2	57				
288	Передельское, п.3				117	49
289	Передельское, п.4			186	46	40
290	Передельское, п.5					59
291	Передельское, п.6			129		21
292	Пески 22/1			76		
293	Пески 17/1			169	29	
294	Песковка-II, 1/1			170	30	
295	Петровск 1/2	58				
296	Подгорненский- IV, 21/1			78		
297	Подгорненский- IV, 27/1			79		
298	Подгорненский- IV, 29/1			130		22
299	Подгорненский- IV, 31/1			131		23
300	Подгорненский- IV, 18/1			187	47	41
301	Подгорненский- V, 4/2		29			
302	Подгорненский- V, 3/2			77		
303	Подгорненский- V, 2/1			132		24
304	Подгорненский- V, 4/1			133		25
305	Покровка 2/1	59				

306	Покровское			30		
307	Попов-I, 6/1			31		
308	Потемкино 8/1			32		
309	Раздорская 4/1				80	
310	Разсыпной лес 8/1				171	31
311	Ровеньки 6/1			33		
312	Родионовка 3/1				81	
313	Русский Колодец-VII, 5/1			34		
314	Русский Колодец-VII, 5/2					60
315	Русский Колодец-VII, 7/1					61
316	Русский Колодец-VII, 7/2					99
317	Русский Колодец-VII, 8/1			60		
318	Русский Колодец-VII, 8/2				83	
319	Русский Колодец-VII, 10/1				134	26
320	Русский Колодец-VII, 10/2				135	27
321	Русский Колодец-VII, 11/1					118 50
322	Русский Колодец-VII, 11/2				82	
323	Рыбинка 1/1			35		
324	Рябичев 6/2				84	
325	ст.Сайхин 3/1				90	
326	Салок-I, п.15					100
327	Салок-I, п.47			36		
328	Салок-I, п.48				136	28
329	Салок-I, п.61	60				
330	Сарепта 2/1	61				
331	Семенкин 16/1				137	29
332	Семенкин 18/1				172	32
333	Семенкин 25/1				188	48 42

334	Семенкин 26/1			101	
335	Семенкин 27/1		189	49	43
336	Семенкин 28/1		138		30
337	Семенкин 29/1		190	50	44
338	Семенкин 30/1		173	33	
339	Семенкин 31/1		139		31
340	Семенкин 40/1	64			
341	Сенной 2/1		174	34	
342	Сенной 5/1		85		
343	Сенной 5/2		86		
344	Сенной 6/1	37			
345	Сидоры 14/1		87		
346	Солодовка-I, 8/2			102	
347	Солодовка-I, 48/2		88		
348	Солодовка-II, 5/1		89		
349	Сталино (Азотный завод) 3/1		91		
350	Станция №8 (Белая гора) 2/1		92		
351	Старица 2/1	62			
352	Старица 8/1		93		
353	Старица 43/1	63			
354	Степной 10/3	38			
355	Столетовская гр. 3/1			103	
356	Столетовская гр. 5/1			104	
357	Столетовская гр. 5/2			119	51
358	Таврия-II, 4/4	39			
359	Тормосин 1/1		94		
360	Тормосин 2/1		95		
361	Третьяки-IV, 1/2	65			
362	Третьяки-IV, 4/1	40			
363	Третьяки-IV, 7/1	66			
364	Третьяки-IV, 20/1	67			
365	“Три брата”-II, 27/1	41			
366	“У” (Барун) 2/1	42			
367	“Фокин курган”, п.1	68			
368	Харинка 4/1		96		
369	Харинка 9/1		177	37	

370	Харинка 11/1				62	
371	Харинка 12/1			175	35	
372	Харинка 13/1				105	
373	Харинка 14/1			176	36	
374	Харинка 18/1				106	
375	Харьковка-А, 4/1			97		
376	Харьковка-Б, 2/1	54				
377	Харьковка-I, 9/1			98		
378	Харьковка-I, 13/1				107	
379	Хмелевой-I, 7/1				108	
380	Цаган Усн-III, 1/5	69				
381	Цаган Усн-VII, 4/19			140	32	
382	Царев 1/1			99		
383	Царев 16/1				120	52
384	Царев 32/1			100		
385	Царев 42/1				109	
386	Царев 43/1				110	
387	Царев 64/1			101		
388	Черемшина 3/1			102		
389	Черноглазово- IV, 10/1	70				
390	Чограй-IV, 6/2				111	
391	Чограй-VIII, 22/1			178	38	
392	Чугоно- Крепинка 4/1				112	
393	Шебалино 2/1			103		
394	Широкое-I, 4/1	61				
395	Шушваловка	71				
396	Элиста (м-к Промзона) 1/1			104		
397	Элиста 2/1			105		
398	Элиста 8/1				121	53
399	Элиста 24/1			106		
400	Элиста 29/1			107		
401	Ясиноватое-II, 6/1	74				
402	Яшкуль-I, 4/2	72				
403	Яшкуль-I, 9/1		55			
404	Яшкуль-II, 2/1	73				
405	Яшкуль-IX, 1/22			108		

Статья подготовлена в рамках проекта № 0122D000017 «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса», финансируемого МОН ДНР РФ

Ссылки и примечания:

1. Потемкина Т.М. Об этнокультурных признаках “монгольских” погребальных памятников Восточной Европы // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы V Международной конференции (г. Астрахань, 2-6 октября 2011 г.). – Казань, Астрахань, 2011а. – С. 112-115.
2. Потемкина Т.М. Этнодиагностические признаки монгольских погребений золотоордынского времени // Матеріали наукової конференції професорсько-викладацького складу, наукових співробітників і аспірантів Донецького національного університету за підсумками науково-дослідної роботи за період 2009-2010 рр. Т. 2. – Донецьк: ДонНУ, 2011б. – С. 163-164.
3. Потемкина Т.М. Золотоордынские кочевнические захоронения с западной ориентировкой: признаки монгольского погребального обряда // Історичні і політологічні дослідження. № 1 (49). – Донецьк: ДонНУ, 2012а. – С. 17-21.
4. Потемкина Т.М. Признаки монгольского погребального обряда у золотоордынских кочевнических захоронений с западной ориентировкой // Матеріали III Луганской международной историко-археологической конференции “Проблемы исследования памятников археологии Восточной Украины (памяти С.Н. Братченко)”. – Луганск, 2012б. – С. 461-463.
5. Потемкина Т.М. Признаки монгольской погребальной традиции (по золотоордынским кочевническим погребениям) // Донецький археологічний збірник. № 16. – Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2012в. – С. 144-151.
6. Потемкина Т.М. Специфический комплекс признаков средневековой монгольской погребальной обрядности Восточной Европы // Матеріали наукової конференції Донецького національного університету за підсумками науково-дослідної роботи за період 2011-2012 рр. Т. 2. – Донецьк: ДонНУ, 2013. – С. 116-117.
7. Потемкина Т.М. Золотоордынские кочевнические погребения с меридиональной ориентировкой: проблемы этнокультурной интерпретации // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Матеріали міжрегіональної наукової конференції “Археологія східноєвропейської лесостепі: пошуки, знахідки, проблеми”, присвяченої 125-літтю перших археологічних розкопок під егідою Імператорської Археологічної Комісії в Липецькому краї (бывшем Задонском уезде Воронежской губернии), прошедшей в г. Липецке 20-22 декабря 2013 года. – Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО “ЛГПУ”, 2014. – С. 589-593.
8. Потемкина Т.М. Монгольский погребальный обряд золотоордынских кочевнических захоронений // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ,

- 16 – 21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. – С. 167-170.
9. Потемкина Т.М., Пилипенко Д.В. К вопросу о монгольской погребальной обрядности (по материалам восточноевропейских золотоордынских погребений) // Літопис Донбасу. № 19. – Донецьк, 2011. – С. 54-62.
10. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Изд-во Московского университета, 1966. – 274 с.
11. Шнайдштейн Е.В. Нашествие монголов и кочевники Нижнего Поволжья в XIII-XIV вв. // Археологические исследования в Калмыкии. – Элиста, 1987. – С. 69-82.
12. Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1981. – 201 с.
13. Данилов С.В. Жертвоприношения животных в погребальных обрядах монгольских племен Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 86-90.
14. Хоголбоон Лхагвасурэн. Средневековые погребения монголов (XII-XIV вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 23 с.
15. Немеров В.Ф. Восточное Забайкалье в первой половине II тыс. н.э. (по материалам погребений): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1981. 34 с.
16. Именохоев Н.В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 25-48.
17. Именохоев Н.В. Древние тюрки и ранние монголы: проблемы этнической атрибуции археологических культур Западного Забайкалья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы Международной научной конференции 20-23 сентября 2010 г., Улан-Удэ / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ, 2010. С. 309-312.
18. Именохоев Н.В., Коновалов П.Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. С. 69-85.
19. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М.: Наука, 1980. – 224 с.
20. Галданова Г.Р. Ритуальная пища монгольских народов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 141-150.
21. Мэнэс Г. Материалы по традиционной похоронной обрядности захчинов МНР конца XIX – начала XX в. // Традиционная обрядность монгольских народов. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 112-127.
22. Нацов Г.Д. Материалы по истории и культуре бурят / Введ., пер. и примеч. Г.Р. Галдановой. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. Ч. 1. – 156 с.

23. Бадмаев А.А. Баранья лопатка в обрядовой практике бурят // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 7: Археология и этнография. С. 255–263.
24. Яворская Л.В. Могильники золотоордынского времени в окрестностях Царевского городища. Дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Археология. ВГУ. Воронеж, 1999. 252 с.
25. Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 484 с.
26. Васильев Д.В. Нижнее Поволжье в эпоху Золотой Орды (XIII-XIV вв.). Астрахань, 2021. – 108 с.
27. Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии) / Могильники Западной Ферганы. I. – М.: Наука, 1972. – 258 с.

УДК: 902:725.94(477.62)"1966/1970"

К.В. Карепин

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

e-mail: karepin.kostya@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ ДОНЕЦКОГО ОТДЕЛЕНИЯ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В 1966-1970 ГГ.

Аннотация.

В советский период большую роль в жизни государства играли общественные организации. Одной из таких организаций выступало общество охраны памятников истории и культуры и его областное отделение в Донецкой области. В его рамках с 1966 по 1991 годы действовала археологическая секция. В статье анализируются первые годы деятельности этой секции, формирование состава и основные цели на начальном этапе существования общества. Кратко изложены итоги работы, количество учтённых памятников археологии и роль специалистов ДонГУ и ДОКМ в работе археологической секции общества.

Ключевые слова: общественные организации, охрана памятников, история археологии, Донбасс.

Summary

During the Soviet period, public organizations played an important role in the life of the state. One of such organizations was the Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments and its regional branch in the Donetsk region. Within its framework, an archaeological section operated from 1966 to 1991. The article analyzes the first years of the activity of this section, the formation of the composition and the main goals at the initial stage of the society's existence. The results of the work, the number of registered archaeological monuments and the role of DonSU and DRM specialists in the work of the archaeological section of the society are summarized.

Keywords: public organizations, protection of monuments, history of archeology, Donbass,

Введение

На протяжении всего своего существования археология отличается большой ролью любителей, энтузиастов, совершавших открытия наравне с академическими учеными. Особенно характерно это для периода зарождения

науки в XIX в., когда предприниматель Шлиман «открывает» Трою, дипломат Поль-Эмиль Ботта вместе с Лэйярдом исследуют Ниневию и Вавилон, а юрист Джон Ллойд Стефенс, открывает руины Майя в Копане [1-2]. Подобный археологический энтузиазм мы находим и в истории отечественной археологии. Так, например, в начале XX века в связи с подготовкой и проведением XII Археологического съезда в Харькове (1903 г.) и XIII Археологического съезда в Екатеринославле (1905 г.) развернулись широкие археологические исследования Юга России, участие в которых приняло большое количество археологов-самоучек, наиболее заметным среди которых был священник из сл. Райгородок Изюмского уезда о. Василий (В.Ф. Спесивцев), который оказывал всевозможную помощь и принимал непосредственное участие в раскопках В.А. Городцова [3].

В советский период тенденция продолжилась. Ярким примером археолога-энтузиаста может послужить Николай Викентьевич Сибилев, который до революции был простым служащим, а в 1920 г., в возрасте почти 50 лет, был вынужден оставить какую-либо канцелярскую деятельность, и занялся планомерным исследованием Изюмщины. Во многом благодаря их с женой деятельности и начался новый, советский, этап в изучении археологии Донбасса и в развитии музейного дела [4-5].

И лишь после войны ситуация меняется. В Донецке окончательно формируются два научных центра изучения археологии – исторический факультет Донецкого Государственного университета и Донецкий областной краеведческий музей. Именно в них и концентрировались основные кадры археологической науки и именно силами этих учреждений проводились исследования региона.

Однако для советской системы было характерным существование большого числа общественных организаций, которые фактически учреждались указаниями партийных органов, в следствие чего обладали определёнными полномочиями. В рамках археологии также действовала подобная организация, носившая название Украинского общества охраны памятников истории и культуры (далее УООПИК), а также его археологическая секция. Благодаря оригинальной структуре было сформировано объединение энтузиастов под руководством специалистов из научных центров, а вступительные и ежегодные взносы использовались для проведения просвещения широких слоёв населения, а также для организации и проведения археологических работ и охрану памятников истории и культуры.

Исследователи отмечают вклад УООПИК в развитие археологии в крае, подчеркивая, что она дополняла государственные структуры и зачастую опережала их по количеству проводимых экспедиций и объёму средств, которые были вложены в эти работы [6-7]. В то же время, учитывая этот вклад, детального анализа деятельности этого общества, его задач и результатов деятельности не существует до сих пор. Поэтому целью данной работы является заполнение данной лакуны и выяснение того, как в советское время удалось создать

структуру, органично объединившую академическую науку и широкие массы людей, заинтересованных в древнейшем прошлом человечества.

Цель настоящей работы – анализ исследовательских проектов Секции археологии как составной части деятельности Донецкого отделения УООПИК в период становления Общества во второй половине 60-х гг. прошлого века. Для данного исследования воспользуемся материалами и документами Донецкого областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры (далее ДОО УООПИК), хранящимися в Государственном архиве ДНР (фонд Р-6158). Именно в этот период происходило формирование идеологических ориентиров деятельности Общества, закладывался основной «костяк» организации.

Материалы и наблюдения

Сама организация была создана в СССР в 1965 г. Постановлением № 882 Совета министров РСФСР, а фактически начало свою работу с июля 1966 г. Инициаторами создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры выступили заместитель председателя Совета министров РСФСР В.И. Кочемасов, писатели Л.М. Леонов и О.В. Волков, художник И.С. Глазунов, директор Эрмитажа Б.Б. Пиотровский и академик АН СССР Б.А. Рыбаков [8]. В декабре того же 1966 г. подобные организации появляются и в других союзных республиках, и среди них 21 декабря 1966 г. было создано УООПИК. Возглавил его историк П.Т. Тронько, а в состав в том числе входили такие выдающиеся украинские археологи того времени, как П.П. Толочко и Д.Я. Телегин [9].

Следующим шагом было создание региональных отделений республиканского Общества. Иными словами, структура общества была сетевой и включала в себя региональные отделения, которые, в свою очередь, имели представительства в каждом городе или районе соответствующей области. Кроме того, количество секций и отделений могло быть различным в зависимости от условий того или иного района или города. Сам вопрос с созданием отделения УООПИК в Донецкой области был решен весьма оперативно. Фактически, 3 декабря 1966 г., то есть, за двадцать дней до официального создания УООПИК было принято решение о создании Донецкой областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры (ДОО УООПИК), а уже 23 января 1967 г. было проведено I заседание Президиума правления ДОО УООПИК.

Основными целями заседания была организация работы общества. В Президиум конференции были избраны З.Д. Ильяшенко, Г.Ф. Кобец, В.Ф. Близнюк (проректор ДонГУ, который также был избран председателем правления общества), П.М. Щербина, писатель П.А. Байдебуря и другие [10]. Целью общества стала организация «шефства предприятий, учреждений, учебных заведений над историческими и культурными памятниками, привлечение широкой общественности к их охране и упорядочению» [11]. Среди задач на ближайшее время выделялись:

- 1) разработка конкретных мероприятий по благоустройству памятников истории и культуры;
- 2) изучение памятников истории, археологии, искусства;
- 3) организация широкой популяризации памятников, путём публикации материалов о памятниках в местной прессе, проведения экскурсий к памятным местам, организации лекций и т.д.
- 4) рассмотрение вопросов о более широком использовании памятников истории и культуры в процессе обучения и воспитания детей и молодёжи [12];
- 5) проведение постоянного учета и мониторинга состояния памятников истории и культуры.

Затем была создана структура общества, которая долгие годы будет оставаться неизменной. При правлении были созданы следующие комиссии: археологическая, историческая, изобразительного искусства, исторической литературы и письменности, по работе с юными исследователями и охранниками памятников, архитектурная [13]. Руководителем археологической секции стала преподаватель ДонГУ Доротея Самойловна Цвейбель [14]. Также было решено, что «членами общества могут быть граждане начиная с 16 лет. В школьных организациях члены с 8 до 16 лет» [15]. Фактически это решение позволило обществу привлечь в свои ряды максимально широкие слои населения.

В первые годы существования общества (1966 – 1970) его работа в основном была нацелена на благоустройство существующих, а также создание новых памятников, связанных с историей советской власти и памятников в ознаменование событий Великой Отечественной войны. Отдельной категорией также были памятники В.И. Ленину. Все это было связано с тем, что на изучаемый период выпали 25-я годовщина освобождения Донбасса, 25-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне, 50-летие Советской власти и 100-летие со дня рождения В.И. Ленина. Соответственно, именно эти темы будут звучать на всех заседаниях и отчетных конференциях общества на протяжении пяти лет, ораторы будут указывать необходимость создания большего количества памятников, посвященных перечисленным событиям, и большая часть денежных средств, которыми располагало общество также будут выделяться на реализацию указанных планов. В одном из документов даже встречаем следующую фразу: «Недостатки: слабо пропагандируются памятники В.И. Ленину, многочисленные документы, говорящие о заботе Ильича о Донбассе» [16]. Конечно же, в таких условиях, археологической секции было крайне тяжело себя проявить, поскольку археологические памятники не имели никакого отношения к советскому периоду истории, а значит секция археологии оставалась как бы в стороне. Тем не менее, перед секцией также были поставлены определённые цели, в достижении которых, как мы ещё увидим, археологическая секция была успешна и обогнала другие.

Задачей, которая была непосредственно поставлена перед археологической секцией на 1968 – 1969 гг. стала паспортизация археологических памятников [17]. Также, директор ДОКМ Гусинский указывал,

что ведется «преступная распашка курганов и никого это не волнует... Общество должно заняться этим вопросом, не допускать уничтожения археологических памятников» [18]. Сама же Д.С. Цвейбель указывала, что необходимо больше внимания уделить охране, пропаганде и изучению памятников, особенно в связи с тем, что ряд памятников был открыт ещё в 1930-ых и не был исследован и в то же время были открыты новые памятники [19]. В следующем 1968 г. также была поставлена задача на 1969-1970 гг. провести изучение археологических памятников Донецкой области. Было решено назначить проведение экспедиции на 1970 г. [20].

В конце того же 1968 г. на IV пленуме правления начали звучать упреки в сторону археологической секции в связи с ее бездействием и молчанием на конференции [21]. Однако, такие упреки как минимум абсурдны, потому что те, кто их выдвигал забывали, что фактически весь пленум был посвящен деятельности в области охраны и пропаганды памятников революции и Великой Отечественной войны, следовательно, поучаствовать в этой дискуссии археологическая секция в лице ее руководителя Д.С. Цвейбель просто не могла. В протоколе № 17 от 7 апреля 1968 г. археологическая секция решила взять на учет памятники и пещеры возле Амвросиевки и с. Широкое, провести работы по охране этих памятников, а также ходатайствовать перед ректором ДонГУ о выделении помещения для хранения найденных артефактов [22]. Затем, результаты этих работ были освещены Д.С. Цвейбель на страницах самого авторитетного археологического журнала СССР – «Советской археологии» [23]. Постоянно о необходимости охраны памятников археологии выступал директор ДОКМ Гусинский. Иными словами, археологическая секция проводила работу и имела эта работа более важный, практический характер.

В 1968 году также сформировалась археологическая секция на базе археологического кружка СШ №11 в Артемовском районе под руководством С.И. Татарина, известного ученого, а в то время студента Харьковского университета. Большую роль в формировании этой секции сыграл руководитель общества в Артемовском районе В.В. Дригин. При его посредничестве школьники под руководством Татарина смогли принять участие в экспедиции В.К. Михеева в Маяках (Славянский район) [24]. На IV пленуме Дригин также активнее других выступающих указывал на проблемы охраны памятников археологии в области и требовал сосредоточить внимание на этом вопросе [25].

К 1969 г. археологическая секция становится лидером по количеству достижений. Было взято на учет 349 памятников археологии [26], была составлена картотека археологических памятников, организованы и осуществлены раскопки на тер. Константиновского, Артемовского, Амвросиевского районов и проведены разведки по среднему течению Северского Донца [27]. Археологическая секция Артемовского района, которая состояла в основном из школьников, в ходе разведок взяла на учет 51 курган, 11 древних поселений, 5 каменных баб. Также были собраны артефакты и более 300 находок переданы в местные музеи [28]. Возникает также археологическая

секция в Енакиево на базе археологического кружка №5 и археологической экспедиции «Эврика». Руководителем её становится В.Ф. Клименко [29]. В дальнейшем эта секция также много сделала для изучения и популяризации памятников археологии, в чём немалая заслуга поддержки, оказываемой ДОО УООПИК.

На исследования в 1969 г. впервые археологическая секция ходатайствовала о выделении денежных средств. Всего было запрошено 7 тыс. руб. [30]. После пересчета сметы было решено выделить 1 784 руб. 50 коп. на проведение разведок, секции археологии на разведки и раскопки выделить «1 365 руб. двум группам (39 чел.) на 20 дней с 4 июля сего года в Константиновский и Краснолиманский районы, руководители Цвейбель Д.С. и Шаповалов Т.А.» [31]. Также учет и выявление курганов было выделено 2 770 руб. областному краеведческому музею [32]. Начиная с этого момента материальная помощь будет оказываться секции ежегодно.

Благодаря увлеченности Д.С. Цвейбель и Т.А. Шаповалова, а также благодаря оказанной обществом денежной помощи, были проведены исследования стоянки каменного века у села Белокузьминовка [33], а также Ильичевского поселения бронзового века. В дальнейшем результаты этих исследований также были опубликованы на самом высоком уровне [34-36].

В 1970 г. подводились итоги деятельности общества за период от создания ДОО УООПИК. За это время было учтено 1714 памятников, из них 374 памятника археологии. В области было создано 19 городских и 18 районных организаций, всего в областной организации состояло 570 326 членов, в том числе 300 740 в юношеской секции; 1667 предприятий, учреждений, колхозов и совхозов стали юридическими членами; ежегодные поступления составляли 327 697 руб. членских (коллективных) взносов и 131 003 руб. индивидуальных членских взносов [37]. Был также создан Народный университет охраны и популяризации памятников истории и культуры, опубликовано большое количество статей в периодической печати, написаны брошюры и выпущены плакаты.

Археологическая секция за этот период отличилась широким фронтом работ по учету и организации охраны памятников. Также были исследованы несколько памятников (Широкино, Белокузьминовка, Ильичевка). Также членами областной секции написаны 5 лекций о памятниках археологии. Причём лекция В.Ф. Клименко «Древние памятники рассказывают» была отмечена премией на республиканском конкурсе [38].

Большая работа была проведена по популяризации археологии среди школьников. Были созданы археологические кружки при СШ №1 и СШ №151 г. Донецка, СШ №5 г. Енакиево, Ново-Амвросиевской школы и в ряде школ Артемовского района. Школьники Артемовска под руководством Татарина открыли местонахождение палеолита в с. Звановка, 19 поселений эпохи бронзы, городище с могильником салтово-маяцкой культуры, 5 каменных половецких изваяний и стелу с изображением скифа [39]. Школьники Енакиево в 1969-70 гг.

под руководством В.Ф. Клименко проводили раскопки курганов эпохи бронзы близь города [40].

Заключение

Таким образом, все это указывает на укрепление организации за короткое время. Указанные выше цифры говорят о том, что организация смогла вызвать интерес среди широких слоев, а денежные средства, находившиеся в ведении организации помогали успешно выполнять все, поставленные задачи. Конечно, были и минусы, среди которых самым важным, пожалуй, можно назвать идеологическую заикленность на памятниках, связанных с деятельностью В.И. Ленина, в следствие чего на их охрану, а также популяризацию тратилось большинство средств, и основная работа была сосредоточена вокруг них.

Относительно развития археологии в регионе ДОО УООПИК также сыграло огромную роль. Во многом это стало возможным благодаря увлеченным энтузиастам, таким как Д.С. Цвейбель, С.И. Татаринев, В.Ф. Клименко и т.д., которые составили костяк общества. Но также, благодаря деятельности общества, удалось привлечь к изучению и охране памятников археологии огромное число несвязанных с наукой людей. Особенно важной была работа по популяризации археологической науки среди подрастающего поколения. Также, общество позволяло решить важную проблему, которая всегда встает перед исследователями – финансирование. Предоставление денежных средств из фонда сделало возможным проведение множества экспедиций, которые в противном случае могли бы просто не состояться или носили бы значительно меньший характер.

В целом же, стоит заключить, что благодаря существованию организации, подобной УООПИК был решен целый ряд задач, среди которых вовлечение большого числа людей в дело охраны и изучения памятников, а также создание источника финансирования, для проведения научных исследований памятников (в том числе и археологических) за счёт средств фонда, который формировался из ежегодных взносов физических и юридических лиц-участников общества.

Статья подготовлена в рамках проекта № 0122D000017 «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса», финансируемого МОН ДНР РФ

Ссылки и примечания:

1. Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2-х томах. – СПб., 2011. – Т.1. – 688 с.
2. Косидовский З. Когда солнце было богом. – М.: Детская литература, 1970. – 352 с.

3. Косиков В.А., Косикова Е.В. Священнослужитель-краевед Василий Феоктистович Спесивцев (1861 – 1905 гг.) // Донецкий археологический сборник. – Донецк: Изд-во «Юго-Восток», 1997. – Вып. 7. – С. 5-14.
4. Колесник А.В. Н. Сибилев и С. Н. Одинцова: грани одной судьбы // Святогорский альманах. – Донецк, 2009. – С. 174-188.
5. Никольский В. Н., Колесник А. В. Основы периодизации археологии Донбасса // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – Донецк: ДонНУ, 2015. – №1 (1). – С. 7-18.
6. Принь О.В. Історичний нарис діяльності Українського товариства охорони пам'яток історії та культури у Донбасі (друга половина 60-х – 80-ті роки ХХ ст.) // Праці Центру пам'яткознавства: Зб. наук. пр. – 2009. – Вип. 16. – С. 16-28.
7. Kolesnik A. V. Milestones of the history Donbass archaeology // Вестник СПбУ. Серия 2. 2016. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2016. – Вып. 3. – С. 145-153.
8. Ливцов В.А. Участие Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) в сохранении культурного наследия народов Российской Федерации // 75 лет Пакту Рериха. – М.: Международная общественная организация «Международный Центр Рерихов», 2010. – С. 317-336.
9. Заремба С.З. Українське товариство охорони пам'яток історії та культури. Історичний нарис. – К., 1998. – 244 с.
10. ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
11. ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
12. ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.
13. ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
14. ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.
15. ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.
16. ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 23. Л. 53.
17. ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 3. Л. 37.
18. ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 3. Л. 32.
19. ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.
20. ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 7. Л. 44.
21. ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.
22. ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 9. Л. 17.
23. Цвейбель Д.С. Древние каменные выработки у с. Широкое в Донбассе // СА. – 1970. – № 1. – С. 227-233.
24. Татаринов С.И. Дорога, длиною в 50 лет, продолжается... // Біографія та бібліографічний покажчик наукових та науково-популярних праць Татаринова Сергія Йосиповича. – Харків, 2019. – С. 34-42.
25. ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 8. Л. 32.

- 26.ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 14. Л. 68.
- 27.ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 14. Л. 74.
- 28.ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 14. Л. 72.
- 29.Клименко В.Ф. Мой путь в археологии: Романтика и реальность. – Донецк, 2008. – 39 с.
- 30.ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 16. Л. 16.
- 31.ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 16. Л. 28.
- 32.ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 16. Л. 30.
- 33.Колесник А.В., Панасенко А.В. Доротея Самойловна Цвейбель. Историко-биографический очерк // Літопис Донбасу. Краєзнавчий збірник. №20. – Донецьк, 2012. – С. 35-42.
- 34.Цвейбель Д. С. Раскопки стоянки с «зубчатым мустье» у с. Белокузьминовка в Донбассе // АО 1970. – М.: Наука, 1971. – С. 228.
- 35.Цвейбель Д.С. Стоянка с «зубчатым мустье» у с. Белокузьминовка на Донетчине // АИУ 1968. – Вип. 3. – К.: Наукова думка, 1971. – С. 108-113.
- 36.Шаповалов Т.А. Поселение эпохи бронзы у села Ильичевки на Северском Донце // Науч. конф. Донецкого ун-та, посвящ. 50-летию АН СССР: матер. секций ист. и филол. наук. – Донецк: Изд-во Дон ГУ, 1970. – С. 85-90.
- 37.ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.
- 38.ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 27. Л. 10.
- 39.ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 24. Л. 4-5.
- 40.ГА ДНР. Ф. Р-6158. Оп. 1. Д. 26. Л. 10.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902 (477.6):316.347

М.И. Агаркова

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

e-mail: m.agarkova@donnu.ru

КУРГАННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ДОНЕЦКОГО КРАЯ В СВЕТЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Аннотация

Обозначены проблемы изучения начальных этапов курганного строительства в степной зоне Восточной Европы, освещена краткая история исследования курганов в свете индоевропейской проблематики и дискуссионный характер поиска индоевропейской прародины.

***Ключевые слова:** индоевропейские племена, мифология, этническая идентификация, древнейшие курганы, степи Восточной Европы, Донецкий край, Понто-Каспийские степи.*

Summary

The problems of studying the initial stages of kurgan construction in the steppe zone of Eastern Europe are outlined, a brief history of the study of mounds in the light of Indo-European issues and the controversial nature of the search for an Indo-European ancestral homeland is shown.

***Keywords:** Indo-European tribes, mythology, ethnic identification, ancient burial mounds, steppes of Eastern Europe, Donetsk region, Ponto-Caspian steppes.*

Ранняя этническая история народов Причерноморско-Каспийских степей относится к проблемам, вызывающим оживленные дискуссии. Вопрос о том, что представляло собой население степной Евразии, в том числе Северного Приазовья и Подонцовья в эпоху бронзы, связан с проблемой формирования индоевропейской языковой общности, ее локализации и распада.

Междисциплинарный характер проблем, очерченных этнической историей, требует комплексного исследования всех категорий источников – письменных, этнографических, археологических, а также антропологических данных.

К сожалению, вопреки теоретическому тезису о необходимости комплексного подхода к решению этногенетических проблем, научных исследований, в которых бы с успехом сопоставлялись данные различных наук,

недостаточно. Разобщенность, которая проявляется во взглядах специалистов при постановке и попытках решения этногенетических проблем в истории синполитейных обществ, не может быть оставлена без внимания. Очевидно, сложность предмета такова, что сохраняют силу слова: «Наука – это диалог, и никто из нас не может претендовать на то, что он сказал последнее слово» [1, С.2].

В данной работе предлагается оценить место археологических материалов в решении проблемы индоевропейского единства и его распада.

Усилиями нескольких поколений археологов и историков установлено, что территория Донецкого края была заселена на протяжении весьма длительного времени. Но в силу исторических причин и природно-климатических условий плотность и характер заселения в различные эпохи были неодинаковы. Благодаря своему географическому положению Северо-Восточное Приазовье являлось важной контактной зоной, во многом определяя судьбы народов, прежде всего, кочевников, населявших южную часть Восточной Европы [2].

Систематические исследования памятников археологии Донбасса успешно осуществляются более ста лет и прочно вписываются в археологическую науку Восточной Европы. Археология Донбасса – важная составная часть археологии Советского Союза, России и Украины, и в таком историческом формате неоднократно становилась объектом оценки в археологической историографии [3, С.7].

Длительный процесс изучения проблем генезиса культурно-исторических образований эпохи бронзы можно разделить на три периода: 1) период накопления и первичного осмысления источников (конец XIX – середина XX вв.); 2) моделирование исторической ситуации на основе археологических источников и выявление степени их информативности (середина XX – 80-е гг. XX в.); 3) разработка концепций взаимосвязи культурных ареалов и этнических общностей (90-е гг. XX – начало XXI вв.). Каждый из периодов характеризуется количественным ростом базы источников, расширением ее качественного разнообразия, выработкой авторских подходов к их интерпретации. Широкий спектр проблем культурогенеза скотоводческих племен никогда не замыкался исключительно Понто-Каспийскими степями, однако именно памятники этого региона часто становились ключевыми для решения наиболее важных и дискуссионных вопросов формирования и развития археологических культур и их блоков.

Задача культурно-хронологической интерпретации археологических коллекций, собранных до начала XX в., была успешно решена В.А. Городцовым, который провел в 1901 и 1903 гг. раскопки курганов на территории Изюмского уезда Харьковской губернии и Бахмутского уезда Екатеринославской губернии Российской империи. Благодаря использованию типологического метода и стратиграфических наблюдений, В.А. Городцов на основании южнорусских погребальных комплексов доказал наличие на территории юга Восточной Европы эпохи полиметалла, а также выделил ямную, катакомбную и срубную

культуры. Захоронения в катакомбных сооружениях были объединены исследователем в Донецкую катакомбную культуру. В аналитическом труде по выделению новых культур В.А. Городцов тщательно исследовал варианты могильных сооружений, характер позы погребенных, их ориентировку по сторонам горизонта, состав погребального инвентаря [4].

Палеометаллическая эпоха была поделена на этапы ранней и развитой бронзы. Касательно выделения новых археологических культур, В.А. Городцов рекомендовал уделять особое внимание «комплексам вещественных памятников». В результате, методы, которые были апробированы исследователем во время выделения культур эпохи бронзы – стратиграфические, типологические, классификации – стали базовыми для отечественных и зарубежных специалистов. Фактически исследователь предоставил в распоряжение отечественной археологической науки целостную и передовую для своего времени схему анализа и сопоставления общих результатов полевых работ. Пространственно-временные рамки выделенных им на материалах юга России ямной, катакомбной и срубной культур впоследствии были расширены на степную и лесостепную зоны Европы, но именно «городцовские» древности до сегодняшнего дня остаются эталонами соответствующих культурных образований [5].

Начало новой археологии приходится на период крупнейших строек первых пятилеток советской эпохи, прежде всего работ в зоне Днепростроя (1927 – 1932 гг., общее руководство Д. И. Яворницкого) и др. [6]. Среди этих ранних новостроечных раскопок выделяются исследования Н.Е. Макаренко грунтового неолитического могильника и курганов на месте строительства завода «Азовсталь» и в других районах Мариуполя (1930 – 1933 гг.), а также курганов близости «Азотного завода» в окрестностях г. Сталино – ныне – Донецка (1930 г.) [7]. Мариупольская культура считается частью большой культурной общности, в состав которой входили также волынская, верхнеднепровская, киево-черкасская, надпорожская, донецкая и нижнедонская культуры [8]. По представлениям некоторых археологов, этнокультурная общность, положившая начало древнейшим индоевропейским культурам, к которым он относит мариупольскую, среднестоговскую, ямную, шнуровой керамики, была локализована между Рейном и Северским Донцом в VI – V тыс. до н. э. [9, С.44]. К ним относится археолог Л.Л. Зализняк, который в своих современных трудах обобщает исследования в рамках теории «украинства в этнокультурных процессах», определяя территорию Украины якобы колыбелью индоевропейской культуры и цивилизации, причем вся ее территория (к востоку от Карпат) оказывается исконной территорией «украинских славян». Это позволяет, во-первых, легитимизировать права украинцев на всю территорию Украины в границах 1991 г., а во-вторых, предоставить им привилегированный статус среди всех остальных славянских народов, так как «из Украины вышли все современные индоевропейские народы» [10, С.52].

Если за рубежом для решения вопросов этнической идентификации, археологические источники начинают применяться еще в конце XIX – начале XX вв., то первые отечественные разработки в этом русле датируются лишь послевоенными годами.

В 40-50-гг. XX в. полевые исследования отечественных археологов свернулись до минимума, но наука продолжала развиваться путем осмысления полученных ранее материалов. Исследователи Г.В. Подгаецкий, Т.Б. Попова, Б.А. Латынин выясняют характер происхождения катакомбных древностей, пытаются выделить локальные варианты культуры. Всю катакомбную культуру Т.Б. Попова поделила на ранний, развитый и поздний этапы и связала ее генезис с ямными древностями.

На следующем этапе (середина XX – 80-е гг. XX в.) изучения курганных памятников появляются обобщающие работы, в которых археологический материал используется в качестве источника для реконструкции определенного исторического процесса.

В опубликованном в 50-х гг. XX в. монографическом исследовании О.А. Кривцовой-Граковой, приводится мнение о преемственности населения срубной культуры эпохи поздней бронзы и скифской культуры раннего железного века, что демонстрируется постепенной эволюцией позднерубной керамики и переходом ее в скифскую [11, С.33-38]. Исследовательница признала, что срубная культура формируется в степях левого берега Волги, на основе определенной П. Д. Рау стадии Полтавка, непосредственно связанной с ямной [12]. Этот этап можно также считать началом нового периода в изучении срубных древностей. Он характеризуется исследованием серии поселений в Северном Приазовье и на сопредельных территориях, а также первыми обобщениями полученных материалов, сопровождающимися незначительными раскопками погребальных памятников на территории Приазовской низменности [13].

Идея преемственности населения срубной культуры и скифов Причерноморья приводится в работах, посвященных проблематике скифского мира. Опираясь на ретроспективный метод, М.И. Артамонов и Б.Н. Граков приходят фактически к тому же выводу, что и О.А. Кривцова-Гракова [14].

По мнению М.И. Артамонова, скифы происходили от этнической группы носителей срубной культуры, которые продвинулись в степи юга России из-за Волги во II тыс. до н.э. и ассимилировали местное население. Важным также является его мнение, что древние носители срубной культуры в степях Евразии являются важнейшей основой для образования позднейших иранцев. Похожие положения были высказаны в докладе Б.Н. Гракова и А.И. Мелюковой, где генезис культуры степных скифов связывался с развитием позднерубной культуры [15].

А в связи с тезисом об ираноязычии скифов, был поставлен вопрос об отношении языка населения срубной общности к североиранской языковой группе [16].

Серия раскопок в Донецком крае предоставила материал для развития идей древних миграций и происхождения индоевропейских народов.

В начале 1960-х гг. были заложены основы концепций культурогенеза эпохи средней бронзы. С.С. Березанская по материалам поселений типа Бабино 3 выделила культуру многоваликовой керамики [17]. С.Н. Братченко предоставил детализированную характеристику катакомбных погребальных комплексов Северского Донца и Нижнего Дона (донецкая культура, бахмутская и манычская смешанные позднекатакомбные группы) [18]. Конец периода средней бронзы, представлены культурой многоваликовой керамики (КМК), которая появилась в результате миграционных процессов в позднекатакомбное время [19].

С конца 60-х гг. XX в. осмысление накопленного материала позволило перейти к выделению крупных культурно-исторических общностей (КИО).

Переход от понятия археологическая культура к КИО происходит, в т. ч., и благодаря памятникам Донецкого края. Отмеченное сходство и различия локальных вариантов материальной срубной культуры, в пределах степной и лесостепной зон Восточной Европы между Днепром и Уралом, с отдельными памятниками в Западной Сибири и на Северном Кавказе (Н. Я. Мерперт [20] и Е. Н. Черных [21]), выражает одновременно культурную целостность и её культурную неоднородность.

Разнообразие катакомбных древностей на больших просторах юга Восточной Европы привело О.Г. Шапошникову к выделению катакомбной культурно-исторической общности как совокупности отдельных катакомбных культур, и этот тезис был принципиально поддержан Л.С. Клейном. Фактически на ближайшую перспективу перед исследователями ставилась задача углубленного изучения локальных особенностей катакомбной общности (области). В конце 1970-х гг. О.Г. Шапошниковой была выделена Ингульская катакомбная культура [22], занимающая западную часть ареала катакомбной общности.

В это же время (вплоть до 80-х гг. XX в.) происходили грандиозные по масштабам работы по сооружению каскада Днепровских водохранилищ, а также гидромелиоративных систем, реке – разнообразных коммуникаций, карьеров и шахт, охвативших преимущественно южные степные и лесостепные районы области УССР.

Благодаря деятельности «новостроечных экспедиций», 1970-80 гг. стали десятилетиями бурного роста источниковедческой базы. В год в среднем раскапывалось до 150-200 курганов. При этом каждый курган в среднем содержал 5-7 захоронений [23, С.5]. Общий фонд источников увеличился за эти годы на 20-25 тыс. единиц. Раскопки в зонах мелиорации впервые предоставили возможность изучать все курганы подряд, не делая исключений для больших или малых. Это позволило перевести вопросы реконструкции этнической и социальной структуры древнего населения из плоскости теоретической в практическую, то есть говорить о зарождении социархеологии.

Существенным вкладом в разработку проблемы стали труды В.Н. Даниленко, Н.Я. Мерперта, В.А. Сафронова, посвященные ямной культурно-исторической общности, которые вышли в свет в конце 1960-х - 1970-х гг. [24]. Наиболее основательно и подробно касается индоевропейской проблематики В.Н. Даниленко в монографиях «Неолит Украины» (1969 г.), «Энеолит Украины» (1974 г.). Согласно построениям автора, на протяжении VII-V тыс. до н.э. из Волго-Уральских и Прикаспийских степей в Приазовско-Причерноморские степи продвигались волны населения, которые принесли сюда первые навыки земледелия, скотоводства, производства керамики. С началом энеолита и утверждением развитого скотоводства в степях, значение восточных влияний не прекращается – все основные группы носителей ямной культуры (к которой В.Н. Даниленко относит и памятники среднестоговского типа) также прибывают с востока, имея прикаспийские, приволжские или северо-кавказские корни [25]. Прародина индоевропейцев, по В.Н. Даниленко, таким образом, находилась в Прикаспийских степях. В.А. Сафронов предложил отождествлять носителей ямной культурно-исторической общности с индоиранцами. Он опирался при этом на работы своих предшественников, а также лингвиста В.И. Абаева, обнаружившего доскифский иранский пласт (до нач. II тыс. до н.э.). Соответственно, В.А. Сафронов атрибутировал полтавкинскую и срубную культуры как иранские.

В 1970-е гг. оформились и приобрели значительный авторитет региональные центры исследования степной археологии, такие как Днепропетровский под руководством И.Ф. Ковалевой, Запорожский под руководством Г.Н. Тощева и др. Плодотворно работали, особенно в 1980-е годы, в сфере степной археологии ученые Одессы, Донецка, Херсона, Николаева, Луганска, Харькова, Полтавы и других городов.

Увеличение количества погребальных источников бронзового века, часто опережало аналитические возможности исследователей.

Территория Донецкого края интенсивно исследовалась несколькими археологическими центрами. Следует отметить Северскодонецкую экспедицию, возглавляемую в 1976-1981 гг. И.А. Писларием. На материалах Восточной Украины ему удалось определить погребальные памятники КМК и связать их происхождение с ямной, позднекатакомбной и абашевской культурами.

На территории Луганщины в течение 1977 – 1980 гг. под руководством С.Н. Братченко работала еще одна мощная археологическая экспедиция – Донецкая. За десятилетие масштабных раскопок лишь на Луганщине, по некоторым данным, было раскопано более полутысячи курганов, а также в разной степени исследовано несколько поселений [26, С.56]. Важным приобретением «новостроечной» эпохи, кроме, собственно, огромного массива накопленных археологических источников, стал приобретенный опыт по методике полевых археологических работ.

Учитывая дальнейший рост мелиоративного строительства в Донбассе, возникла необходимость привлечения к академическим экспедициям нового

исполнителя, которым стал Донецкий государственный университет, при котором было создана постоянно действующая научно-исследовательская группа, которая проводила новостроечные археологические раскопки до 1992 г.. Научными руководителями этого коллектива в разные годы были А.А. Моруженко (1978 –1985, 1987 – 1991 гг.), Т.А. Шаповалов (1985 – 1987 гг.), В.А. Посредников (1990 – 1996 гг.). За период существования экспедиции ее сотрудниками было исследовано до 300 курганов, содержащих около 1 100 захоронений от позднего энеолита до средневековья [27, С.4].

В течение 20 лет «новостроечного» периода в Донецкой области было исследовано около 530 курганов [28, С. 56] Доминирующая часть курганных комплексов принадлежала КИО древнеямной, катакомбной, срубной.

Стремление рассмотреть исторический процесс по реальным этнолингвистическими общностям является положительным. Однако, отнесение конкретных археологических культур к языковым общностям без надлежащей аргументации вызывает недоверие. В конкретно-научных исследованиях должно утвердиться направление этнических и социальных реконструкций на конкретном материале. Это даст возможность создать общую этническую и социальную историю региона. Очень перспективными являются и этнолингвистические исследования. Современные разработки компаративистики предлагают новые схемы развития языков и этносов на территории Понто-Каспийских степей в эпоху бронзы.

Ссылки и примечания:

1. Трубачев О. К истокам Руси. Народ и язык. – М.: Алгоритм, 2013. – 301 с.
2. Шепко Л.Г. Изучение скифских и сарматских памятников на территории Донецкого края [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы истории Донбасса. Сборник материалов Второй научной конференции историков ДНР. Донецк, 2019 URL: http://parasoma.narod.ru/books/kraev_sborniky/actual_problems_2019.pdf (дата обращения: 15.10.2022).
3. Никольский В.Н., Колесник А.В. Основы периодизации истории археологии Донбасса // Журнал исторических, политологических и международных исследований. Донецк, 2015. №1 (55). – С.7-19.
4. Гей А.Н. Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности // Краткие сообщения института археологии. 2011. № 225. – С.3-9.
5. Горбунова Т.Г., Тишкин А.А. Методика системного изучения археологических памятников // Теория и практика археологических исследований. Алтайский государственный университет. – Барнаул, 2005. № 1. – С.11-18.
6. Горішній П.А. Дослідження на новобудовах України / П.А. Горішній, В.В. Отрощенко, О.Г. Шапошникова // Археологія. 1987. Вип. 57. – С. 67-74.

7. Соколова П.Ю. Исследования Н.Е. Макаренко в Северном Приазовье в 30-е гг. XX в. // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Історія. Політологія. – Мариуполь, 2012. № 4-5. – С.87-91.
8. Мариупольская культура // Генофонд.РФ [Электронный ресурс] – URL http://генофонд.рф/?page_id=8217 (дата обращения 03.05.2023)
9. Археологія України: Курс лекцій: Навч. посібник / Л. Л. Залізняк, О. П. Моця, В. М. Зубар та ін.; за ред. Л. Л. Залізняка. К.: Либідь, 2005. – 504 с.
10. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. Т.1. М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 536 с.
11. Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в позднем бронзовом веке // МИА. 1955. Вып. 46. – 167 с.
12. Клейн Л.С. Происхождение донецкой катакомбной культуры: автореф. дис...к. и. н. / АН СССР. Ин-т археологии (Ленингр. отд-ние). – Ленинград, 1968. 19 с.
13. Забавін В. О. Історія досліджень поховальних пам'яток зрубної культури Надазов'я // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Історія. Політологія. Мариуполь, 2012. № 4-5. С.73-87.
14. Граков Б.Н. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). – М.: Изд-во Московского университета, 1977. – 232 с.
15. Николаева Н.А. Некоторые замечания к гипотезам о происхождении скифов // Иранский мир. – М., 2013. – С. 56-63.
16. Овчинников А.В. Проблемы древней и средневековой археологии и истории кочевых народов евразийских степей в трактовке А.П. Смирнова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. – Новосибирск, 2007. Т.6. №3. – С.25-34.
17. Березанская С.С. Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979. – С.4-6.
18. Братченко С.Н. К вопросу о сложении бабинской культуры многоваликовой керамики // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. – Киев, 1977. – С.21-43.
19. Власкин Н.М. Ростово-луганская позднекатакомбная группа на Нижнем Дону // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.): матер. круг. стола, посвященного 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко. – СПб, 2016. – С.70-74.
20. Мерперт Н. Я. Древнейшая история степной полосы Восточной Европы III – начало II тыс. до н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1968. – 63 с.
21. Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1970. № 172. – 180 с.
22. Шапошникова О.Г. Ингульская культура // Тез. докл. XVII конференции Института археологии АН УССР. – Ужгород, 1978.

23. ИПС. Информационно-поисковая система по погребальным памятникам / Е.П. Бунятян, В.Ф. Генинг, С.Ж. Пустовалов, Н.А. Рычков. – К.: Ин-т археологии, 1989. – 45 с.
24. Сафронов В.А. Катакомбные памятники предгорной зоны Северной Осетии // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоннидзе, 1981. – С. 51-76.
25. Археология: Учебник / А.И. Мартынов. 5-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., 2005. – С.160-168.
26. Братченко С.Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Ч.І. - Луганськ: Шлях, 2001. 76 с.
27. Косиков В.А., Шепко Л.Г. Кафедра археологии, истории древнего мира и средних веков. – Донецк: Истоки, 1999. – 48 с.
28. Свод данных об исследованиях курганов на территории Донецкой области / Авторы-составители Усачук А.Н., др. // Археологический альманах. № 14. Донецк: ООО «Лебедь», 2004. – С. 56-109.

УДК 94:2-524.6(477.62-21Святогорск):81'373.21

Е.А. Шкрибитько

кандидат исторических наук,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
e-mail: shela28@gmail.com

К ВОПРОСУ О ДАТЕ ОСНОВАНИЯ СВЯТОГОРСКОГО СВЯТО-УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В СРЕДНЕМ ПОДОНЦОВЬЕ

Аннотация

В статье, на основе комплексного анализа материалов церковных и светских исследователей конца XIX – XX вв., рассматривается проблема основания Святогорского Свято-Успенского мужского монастыря в меловых горах правого берега Северского Донца. Приведены гипотезы и легенды, связанные с освоением древнего пещерника и появлением здесь культового православного комплекса.

Ключевые слова: архимандрит, Афонский монастырь, гипотеза, Киево-Печерская лавра, монахи, Московское государство, народные предания, пещерный комплекс, Святогорский Свято-Успенский монастырь, Святые Горы, Северский Донец.

Summary

In the article on the basis a comprehensive analysis of ecclesiastical and secular researchers of the late XIX – XX centuries materials the problem of the foundation of the ancient Svyatogorsk Holy Dormition Monastery in the chalk mountains of the right bank of the Seversky Donets is studied. Hypotheses and legends related to the development of the ancient cave and the appearance of a cult Orthodox complex here are given.

Keywords: archimandrite, Athos Monastery, hypothesis, Kiev-Pechersk Lavra, monks, Moscow state, folk legends, cave complex, Svyatogorsky Holy Dormition Monastery, Holy Mountains, Severskiy Donets.

Святогорский Свято-Успенский монастырь (в XVII - начале XX вв. – Святогорская Успенская пустынь, с 2004 г. – Лавра) является одним из первых постоянных поселений на территории Донбасса, уникальным историко-архитектурным памятником, а также духовным центром региона.

Следует отметить, что до сих пор точно невозможно ответить на поставленные вопросы, что и составляет актуальность данной темы. Прошлым

Святогорья интересовались настоятели монастыря в XVII веке, а с 1990-х гг. проблема была поднята на научный уровень.

Среди исследователей указанную тему рассматривали дореволюционные (архиепископ Харьковский Филарет», протоиерей Харьковской епархии П. Фомин, А.Н. Муравьев, Г. Кульжинский и другие) и советские (В.А. Пирко, В.Н. Дедов, Э.Е. Кравченко) исследователи. В их работах отображены основные версии, связанные с топографическим названием местности и основанием тут Святогорской пустыни.

Следует отметить, что до 70-х гг. XVII в. монахи-святогорцы вели аскетический образ жизни и практически не покидали пещерник меловой горы из-за угрозы постоянных татарских набегов. Монастырь находился на правом («крымском») берегу Донца.

Еще в 1679 г. архимандрит Иоиль не смог ответить на вопрос о первоначальной истории Святогорского монастыря, поскольку писал: «В которых годах тот (Святогорский) монастырь устроен того он не ведает. Писания о том у них в монастыре нет» [1].

Фактически первым историком монастыря можно считать святогорского монаха, анонимного автора «Синодика (Поминальника)» 1710 г., который первым зафиксировал утрату первоисточников о ранней истории обители и отметил, что про этот период в монастыре «писания не обретохом» [2]. В то же время, в документе указывается, что «...обитель начая прежде или с начала царствования Царя и Великого князя Михаила Федоровича от сего (1710 г. – времени составления «Синодика») прежде сто лет быти» (таким образом примерно в 1610 г.) [3].

В связи с отсутствием достоверных сведений об основании Святогорского монастыря, появились многочисленные гипотезы о его первоначальной истории.

Так, церковные историки дореволюционного периода относили появление первых монахов-аскетов в меловых ущельях Подонцовья к периоду от середины IX до XIV вв. В частности, директор Харьковского епархиального музея протоиерей Харьковской епархии П.Г. Фомин обратил внимание на архитектурно-планировочную застройку первых монастырских пещерных сооружений. Он отмечал, что Никольский (ныне – Иоанно-Предтеченский храм) и трапезная (расположены на втором ярусе меловой горы) более древние по сравнению с другими помещениями и использовались задолго до появления тут иноков. П.Г. Фомин считал, что в IX в. уже существующий пещерный комплекс в Святых Горах приспособил под монастырь монах Киево-Печерской лавры отец Никон, побывавший в этих местах на пути в Тмутаракань (современную Тамань). По мнению исследователя, именно к этому периоду следует отнести обустройство в древней пещере меловой горы церкви (до 1637 г. – Успенской, после 1637 г. и до середины XIX в. – Никольской, с середины XIX в. – Иоанно-Предтеченской), келий возле нее и усыпальницы, а также приспособление трапезной пещеры для потребностей монашеской обители [4].

Среди светских исследователей дореволюционного периода следует выделить Помпея Шабельского, который связывал появление пещерного монастыря в меловых горах Подонцовья с просветительской деятельностью Кирилла и Мефодия среди народов Хазарского каганата в середине IX в. [5].

Еще один светский исследователь начала XX в. Е. Марков связывал заселение прилегающих к Святогорскому монастырю территорий с язычниками, которые осуществляли тут свои культы. Он обратил внимание на скит св. Арсения (Святое место), расположенный среди меловых гор на правом берегу Донца, в 1,5 км от монастыря на месте древнего дохристианского Святогорского городища. Известно, что в VIII-IX вв. на территории Среднего Подонцовья проживали славянские племена северян. После христианизации Киевской Руси тут сохранились языческие верования и именно на территории Святогорского городища язычники продолжали поклоняться своим богам-идолам [6].

Известный историк Д.И. Багaley выделил в своих работах несколько возможных периодов основания Святогорской обители. По одной из его версий, появление монастыря или церкви в меловых горах на правом берегу Северского Донца может относиться к середине XIII в. (до монголо-татарского нашествия), когда местное славянское население построило на этих землях оборонительный пункт от набегов кочевников [7]. Первым это предположение выдвинул Харьковский архиепископ Филарет (Д.Г. Гумилевский). Следует отметить, что действительно в окрестностях Святогорского монастыря археологами был обнаружен ряд древних пещерных скитов, выкопанных в береговых скалах и лесах, которые тянулись на 14 км и представляли некий пещерный городок [8].

Церковные деятели середины XIX в. допускали, что среди первооснователей Святогорской обители могли быть и монахи Киево-Печерской лавры (после разорения Киева в 1240 г. ордами Батыя) [9], а иноки Афонского монастыря только возобновили древнюю обитель в XV в. Приводилась и определенная система аргументации в пользу предложенных гипотез [10]. На рубеже XV – XVI вв. крымские татары не нападали на южные границы Великого княжества Московского, а традиции Афона имели на этих землях значительное влияние. Тем более, что новый настоятель Святогорского монастыря в 40-х гг. XIX в. – архимандрит Арсений был большим почитателем традиций Афона. Однако, явных доказательств о якобы афонском обряде захоронения святогорских монахов, в обители выявлено не было. Относительно киево-печерских монахов, то эта версия сомнительна, поскольку не подтверждается документально. Кроме того, навряд ли православная обитель могла существовать рядом с татарскими поселениями XIII – XVI вв. на правом берегу Донца вблизи сел Райгородок и Сидорово. Этот факт подтверждается археологическими раскопками.

Учитывая отсутствие конкретных документальных и материальных подтверждений в пользу предложенных гипотез, церковные деятели, обосновывая свои гипотезы, преимущественно опирались на некие исторические экскурсы. Авторами гипотез подбирались определенные факты, аналогии (в том

числе идентичность в названиях храмов, престолов и праздников Киево-Печерской лавры и Святогорского монастыря). Однако, это были не прямые аргументы. Следует, например, отметить, что культ Богородицы особо почитаем на Руси. Во многих православных монастырях храм Успения Божьей Матери в большинстве является соборным (например, пещерные монастыри в Крыму).

Современные донецкие археологи, работавшие на территории Святогорского монастыря в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., считали, что топографическое название «Святые Горы» и культовые строения на этой территории появились только во второй половине XIII-XIV вв. В это время существовала как мелкие поселения (например, Зливки), так и крупный центр (Царино городище), часть жителей которых исповедовала христианство по греческому обряду. Непосредственным доказательством этого факта являются археологические находки из этих поселений (христианские могильники, днища керамических горшков с клеймами в виде греческих буквенных монограмм, шиферная иконка с изображением св. Николая и семи спящих отроков Эфесских, выполненная в ныне утраченной технике перегородчатой эмали и другие находки). Найденная культовая атрибутика принадлежала как высшему духовенству, так и рядовому христианскому населению. Возможно, что в указанный период вблизи Святых Гор существовал некий центр по производству христианских культовых предметов. Однако, можно и предположить, что эти вещи оказались на этой территории случайно – были утеряны пленными русичами, попавшими в плен к татарам [11].

Впервые уже существующий монастырь в Святых Горах был зафиксирован в документе от 9 марта 1619 г. [12]. В 1620 г., за службу Московскому государству на приграничных с Крымским ханством территориях, монахи получили первую жалованную грамоту от московского царя Михаила Федоровича [13]. Тогда в Святых горах проживало 12 иноков с настоятелем отцом Ефремом [14]. Уже в 1624 г. монастырь получил вторую жалованную грамоту [15]. По мнению донецкого историка В.А. Пирко, освоение пещер в меловых горах над Донцом было тесно связано с отходнической деятельностью населения приграничных городов на промыслы (соледобыча, охота, рыболовство) на территорию Среднего Подонцовья и организацией на рубеже XV-XVI вв. станично-сторожевой пограничной службы на южных рубежах Московского государства [16].

Профессор В.А. Пирко считал, что еще австрийский посол при Московском дворе С. Герберштейн в своих «Записках» под названием «Святые горы» подразумевал если не действующий монастырь, то некое поселение монахов-аскетов [17].

Историк В.Н. Дедов также, как и В. Пирко, считал, что пещеры меловых гор Подонцовья русская сторожа могла использовать в качестве сторожевого наблюдательного пункта на татарском пограничье, но постоянного поселения – монастыря тут еще не было [18].

Очевидно, на рубеже XV – XVI вв. в меловых горах Среднего Подонцовья уже существовала небольшая пещерная обитель, которую в конце XVI – начале XVII вв. расширили и древний монастырь стал значительным колонизационным центром.

Исследователи В.Н. Дедов и Э.Е. Кравченко считают, что православный монастырь в меловых выступах над Донцом появился в первой четверти XVII в. По мнению Э. Кравченко, дата основания пещерного Святогорского монастыря хронологически ограничивается периодом 1596 – 1620 гг. Свою гипотезу он обосновывает, прежде всего, историческими материалами. Так, отмечается, что в 1596 г. в результате Брестской церковной унии прекратила существование православная епархия в Украине. Возобновили ее только в 1620 – 1621 гг. при гетмане П. Сагайдачном и при активной поддержке Запорожской Сечи [19].

По одной из версий упомянутой выше Д.И. Багалея также связывал основание или возобновление Святогорской обители с периодом после Брестской церковной унии 1596 г., когда православные монахи бежали от католиков-поляков с Правобережной Украины в южные степи [20].

В.Н. Дедов отмечает, что в большинстве архивных документов первой половины XVII в. относительно основания Святогорского монастыря указывалось, что «основан монастырь с давних лет в степи за Цареборисовым городом» [21]. Историк считает, что такое указание ограничивается не только конкретной географической привязкой, но и временем. Из этого следует, что дата основания пещерного монастыря в меловых горах хронологически ограничивается периодом между 1599 – 1600 гг. (строительство крепости Цареборисов) и 1624 г. (жалованная грамота московского царя Михаила Федоровича Святогорскому монастырю). Именно строительство русского города-крепости Цареборисов далеко в степи способствовало основанию Святогорского монастыря [22].

Очевидно, что Святогорский Свято-Успенский мужской пещерный монастырь в меловых горах Подонцовья существовал уже до 1624 г.

Таким образом, приведенные в статье материалы и факты не дают однозначного ответа на вопрос о времени появления топографического названия «Святые горы» и православного монастыря в меловых горах правого берега Северского Донца. Большинство гипотез научно не подтверждены и излагаются в виде народных преданий и легенд. Однако, отдельные версии содержат обоснованную информацию относительно вторичного использования некоторых пещерных сооружений меловой скалы правого берега Северского Донца в разные исторические периоды, поскольку указанная территория активно заселялась с древнейших времен.

Ссылки и примечания:

1. Дедов В.Н. Святые горы: От забвения к возрождению. – К.: РПО «Полиграфкнига», 1995. – С.14.

2. Дедов В.Н. Святые горы. От забвения к возрождению. – 2-е изд., перераб. и доп. – Славянск: «Печатный двор», 2004. – С.19.
3. Скибінський А.О. Рання архітектура Святогірського Свято-Успенського монастиря// Історія України. Маловідомі імена, події, факти: Зб. статей. – Київ-Донецьк: Рідний край, 2001. – Вип.17. – С.186.
4. Фомин П., протоиерей. Церковные древности Харьковского края: Ист.-археолог. очерк // Вера и разум. – Харьков, 1913. - №19. – С.90; №20. – С.219-222.
5. Шабельский П. Историческое описание реки Северского Донца, близ Святых гор // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т.2. – Отд.3. – Одесса, 1848. – С.290.
6. Меняйленко О. Тайны скита Святого Арсения // Донбасс. – 2001. – 13 февраля. – С.4.
7. Багалея Д.И. Из прошлого Святогорского монастыря // Багалея Д.И. Очерки из русской истории. – Х., 1913. – Т.2. – С.45.
8. Меняйленко О. Скит: Легенда Слов'яногір'я // Вісті. – 2000. – 11 липня. – С.4.
9. Поучения, произнесенные преосвященным Иннокентием в Святогорской Успенской общежительной пустыни // Святогорская общежительная Успенская пустынь, Харьковской губернии, в Изюмском уезде, при реке Северном Донце. – М.: Тип. Бахметева, 1868. – С.61-62.
10. Кульжинский Г. Святогорская Успенская общежительная пустынь в Харьковской епархии. – Х., 1880. – С.9-10.
11. Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. Новые данные о христианском населении края в XIII-XIV вв. // Материалы исследований, реставрации и использования памятников истории и культуры (к 15-летию основания заповедника): Науч.-практ. семинар, 29-30 мая 1995 г. – Славянск: СГИАЗ, 1995. – С.71,77.
12. Акты Московского государства, издаваемые Императорской академией наук / Под ред. Н.А. Попова и Д.Я. Самоквасова. – СПб.: Тип. АН. – Т.1. – С. 176.
13. История родного края. (Часть первая): Учеб. пособие для 6-9 кл. / А.В. Колесник, В.А. Пирко и др. – Донецк: «Кардинал», 1998. – С.95.
14. Пирко В.О. Заселення Донеччини у XV-XVIII ст.: (короткий історичний нарис і уривки з джерел). – Донецьк: Схід. видав. Дім, 2003. – С.11.
15. Филарет (Гумилевский Д.Г.), архиеп. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – М, 1852. – Отд.1. – С.110.

- 16.Пірко В. Заселення Степової України в XVI-XVIII ст. – Донецьк, 1998. – С.82.
- 17.Пирко В.А. Заселение Донбасса в XVI-XVIII вв. // Новые страницы в истории Донбасса: Ст. Кн.1 / Сост. З.Г. Лихолобова. – Донецк: Донбасс, 1992. – С.27.
- 18.Дедов В.Н. Как рождаются легенды // Анналы: Науч.-публицистич. альманах / Гл. ред. И.Т. Пасько. – Донецк, 1990. – Вып.І. – С.83.
- 19.Кравченко Э.Е. Новые данные о Святогорском монастыре // Новые страницы в истории Донбасса: Ст. Кн.1 / Сост. З.Г. Лихолобова. – Донецк: Донбасс, 1992. – С.25.
- 20.Багалея Д.И. Очерки из истории и быта степной окраины Московского государства. – М.: тип. Ун-та, 1887. – Т.1. – С.511-512.
- 21.Дедов В.Н. Как рождаются легенды. – С.87.
22. Дедов В.Н. Святые горы: От забвения к возрождению. – К, 1995. – С.15.

УДК 94:339.165.4(477.62)

Н.Н. Разумная

кандидат исторических наук,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
e-mail: n.razumnaya@donnu.ru

А.Р. Дягло

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
e-mail: anastasiia.diaghlo.00@mail.ru

МАРИУПОЛЬСКИЙ ТОРГОВЫЙ ПОРТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация

В статье рассматривается процесс обустройства глубоководного торгового порта в г. Мариуполе во второй половине XIX – начале XX веков. Улучшение инфраструктуры порта осуществлялось за счет Комиссии по устройству коммерческих портов. Работы по усовершенствованию сооружений на его территории продолжаются и в 1913-1916 г. В условиях военного времени работа Мариупольской таможенной заставы приобретает специфические черты.

Ключевые слова: Юг России, Мариуполь, порт, морская торговля.

Summary

The article deals with the process of Mariupol deep-water trading port development in the second half of the XIXth – beginning of the XXth centuries. Expansion and equipping of Mariupol port contributed to developing of steam cabotage which specialized in coal transportation but because of its shallow water was a problem of grain bread transportation. The works on improvement of constructions on its territory were continued in 1913-1916. Under wartime conditions the work of Mariupol customs outpost acquires peculiar features.

Keywords: South of Russia, Mariupol, port, sea trade.

С первых дней своего существования Мариуполь является портовым городом. Важнейшее значение для развития города имела торговля с портами Азовского и Черноморского побережья, с государствами Средиземноморья. В Грецию, Турцию, Италию экспортировали главное богатство Юга России – пшеницу «арнаутку». Отсутствие закрытой гавани и мелководье были существенными недостатками для Мариупольского порта.

Изучению проблематики истории строительства Мариупольского порта посвящены публикации А. А. Щипцова [1] и статья публицистического характера

С.Д. Булова [2], в которых фрагментарно рассматривается данная проблема. Отдельные тезисы по данному вопросу были изложены в публикации автора А. Р. Дягло [3].

Целью данного исследования является изучение процесса строительства и дальнейшей реконструкции Мариупольского торгового порта во второй половине XIX – начале XX вв.

Источниками исследования являются материалы Государственного архива Донецкой Народной Республики, а именно фонд 117 – Мариупольского портоуправления, а также материалы для описания русских портов и истории их сооружения, составленные М. Л. Лисовским в 1896 году [4].

В 60-х гг. XIX в. начинается обсуждение вопроса о реконструкции и углублении азовских портов. Позже при Министерстве путей сообщения создается Временная комиссия по устройству коммерческих портов. С 1874 г. разрабатывается проект строительства глубоководного Мариупольского порта. Расширению грузооборота Мариупольского порта способствовала прокладка железной дороги, соединившей в 1878 – 1882 гг. Мариуполь с Донецким бассейном. Необходимость ее строительства была вызвана увеличением угледобычи и потребностью удешевления его отправки в черноморские и азовские порты. Быстрое увеличение подвоза угля, а затем и зерна еще больше обозначило неудобства старой Мариупольской пристани, возникла крайняя необходимость сооружения глубоководного порта. [2, С. 141-142]. Многочисленные проекты неоднократно обсуждались не только специалистами. Работала комиссия Городской думы, в составе которой были представители администрации и купцы, непосредственно заинтересованные в предстоящих работах. Эта комиссия категорически отвергла вариант строительства порта на Белосарайской косе, ссылаясь на большую удаленность ее от города.

27 ноября 1884 г. император Александр III утвердил окончательный вариант проекта и смету расходов. 8 марта 1886 г. работы по устройству порта были сданы с подряда инженерам. Непосредственно к началу работ приступили уже летом 1886 г. К августу 1889 г. порт был открыт для судоходства. А в ноябре этого же года были окончены все главные сооружения. Углепрокидыватели, маяки, внутренний мол и волнолом, мертвые якоря были построены в период с 1890 по 1891 гг. [4, С. 5].

К 1891 г. были построены: железная дорога от ст. Мариуполь к порту; шоссированная и частью мощеная дорога от города к порту; канал для отведения Зинцева ручья; молы и волноломы с восточной и западной стороны, на них были устроены стремянки. Была спроектирована планировка портовой территории с производством необходимых земляных работ. Для отведения воды с портовой территории был устроен мощный кювет; углублено водное пространство гавани до 14 футов ниже ординара (средний многолетний уровень воды в водоемах) и за пределами порта был вырыт открытый пробный канал глубиной до 17,5 футов, шириной 50 и длиной 100 саженей [4, С. 6-7].

Приспособления для погрузки угля на суда (углепрокидыватели), приводимые в действие водой под высоким давлением, были сделаны в основном в

Великобритании. Сами приспособления состояли из следующих частей: машинного здания с паровым котлом, паровой машины, железного бака и аккумулятора. Была налажена подача вагонов к углепрокидывателям.

Под портовую территорию было выделено 24,1 десятины, под железнодорожную ветвь (при подсчете от станции до канала для отведения Зинцева ручья) – 38,25 десятины и под шоссе – 11,8 десятины. Общее количество отчужденной земли составило 74,15 десятины. Собственникам отчужденных на строительство железной дороги и портового сооружения участков выдавалось вознаграждение [5]. Под устройство ковша в р. Кальмиус земля отводилась городом безвозмездно. Устроенный у Зинцевой балки порт прилегал к обширной песчаной низменности, которой и оканчивалась в конечном итоге балка. Почти вся эта низменность была отдана для потребностей порта.

Железная дорога, соединявшая станцию Мариуполь и торговый порт, являлась непосредственным продолжением основного железнодорожного пути. Во время проведения работ по строительству порта дорога после пересечения Зинцева ручья разделялась на несколько путей: основной и дополнительные. Все дополнительные пути впоследствии были разобраны и перенесены ближе к набережной. С использованием этих путей первоначально производилась подача вагонов нагруженных углем и другими материалами. Железная дорога проходила по местности, состоящей из сыпучего песка, используемого при ее строительстве. Также Управлением донецкой железной дороги были произведены необходимые дополнительные работы для ее беспрепятственной эксплуатации. Были значительно расширены портовая станция и пути, построены постоянные железные мосты, переезды, сторожевые и жилые дома, пассажирская станция, товарная контора и т.д.

В Мариупольском порту был построен комплекс ограждающих сооружений. В него включались молы – оградительные гидротехнические сооружения, примыкающие к берегу и призванные защитить территорию порта от волн, цунами и льда [4, С. 11-12]. Он обустроивался главным образом для того, чтобы усовершенствовать отправку каменного угля в Черное море, способствовать развитию угольной промышленности на Юге России [2, С. 143].

Определенные металлические конструкции были выпущены и затем закуплены за границей. В Великобритании был заказан один полный комплект углепрокидывателя. Для второго были необходимы железная башня и желоб, которые были сделаны Брянским заводом. В Великобритании же для него были заказаны лишь специальные материалы. С боку башни, с наружной стороны, против средней стойки, помещены вертикально три гидравлических прессы, служащих для подъема и опускания бады. Пара нижних прессов, поставленных параллельно друг другу, служила для подъема и опускания платформы. Ныряла этих прессов выдвигались по направлению сверху вниз. Концы этих нырял были соединены вместе. Верхний пресс служил для наклона платформы.

Вскоре после открытия Мариупольского порта выяснилась необходимость и целесообразность использования вдоль набережных мертвых якорей. Это было связано с тем, что прибывшие в порт суда, как правило, выбрасывали у набережных

якоря с кормы или с носовой части корабля. В связи с определенным климатом и частыми сильными восточными ветрами эти якоря дрейфовали, а корабли при этом сильно напирали на набережную. Шкиперы, посещавшие за это время Мариупольский порт, неоднократно информировали об этом управление. Выход из сложившейся ситуации нашли, было решено установить по линии, параллельной набережной 7 мертвых якорей. В состав якорей входил чугунный сегмент, бакен и цепь. Бакены устанавливались в виде вертикально расположенных цилиндров. Их преимущество заключалось в том обстоятельстве, что они были удобны не только для закрепления концов судна, но и при одинаковом весе их подъемная сила была вдвое больше. Бакен с принадлежностями и с установкой на место обошелся в сумму 1 419 руб. 22 коп. [4, С. 29-30]. Были закуплены землечерпательница «Нева №3», разъездной пароход, 7 железных шаланд, мастерские и т.д. Улучшение инфраструктуры порта осуществлялось за счет Комиссии по устройству коммерческих портов.

Мариупольский порт был открыт в конце августа 1889 г. – на два года раньше указанного в контракте срока. После реконструкции число зимующих судов значительно увеличилось. Среднее время разгрузки одного вагона с помощью углепрокидывателей занимало менее 5 минут.

В новый порт привозили в основном: цемент, запчасти для машин, огнеупорный кирпич, марганец и лес для шахт. Вывозили в первую очередь каменный уголь. Каменная соль, как и зерновой хлеб, вывозились в незначительных объемах. Сложности возникали в связи с отсутствием складских помещений и амбаров. Было принято решение углубить порт еще на 18 футов, поскольку хлеб из порта приходилось возить на рейд, ввиду мелководности, а это означало, что загрузка и выгрузка груза происходила на значительном расстоянии от берега. Плавсредствам, которые осуществляли перевоз груза, приходилось по несколько раз совершать пробеги к судну и обратно, что приводило к снижению темпов грузовых работ и увеличивало время стоянки судна.

Качественное использование углепрокидывателей зависело от количества приспособленных для них вагонов и своевременной их подачи. С началом погрузки в новом порту возникали определенные сложности в связи со слабой заселенностью прилегающих территорий и обеспечением рабочими кадрами. Поскольку рабочие, нанятые в городе, на работу приходили поздно и рано уходили. Естественно, на продаже земли прибрежных территорий, наживались спекулянты, что не позволяло приобрести ее малоимущему населению. Поэтому часть отчужденной земли была разделена на участки, площадью около 100 кв. саж., и была отдана желающим за арендную плату 5 коп. в год с кв. саж. Поэтому уже к 1891 г. у порта появился небольшой посёлок.

В Мариупольском порту были установлена квота за подачу вагонов с углем (1 руб. 50 коп.), с другими грузами (от 3 до 6 руб.). С 1 июля 1891 г. были установлены новые сборы за использование углепрокидывателей по 1 руб. с вагона; за использование участков для складов каменного угля по 1 руб. 25 коп. и 75 коп. за кв. саж. в год, в зависимости от расстояния между участком и причальной линией.

Мариупольский порт приобрел большое значение, как порт-убежище, во время бурь число укрывающихся судов достигало 70 [4, С. 33-34].

Расширение и обустройство Мариупольского порта способствовало развитию парового каботаж, специализирующегося на транспортировке каменного угля. С Мариупольского порта, ввиду его мелководности проблематично было осуществлять перевозки зернового хлеба. В связи с замерзанием порта зимой мелководный угольный каботаж тоже был проблематичен. Поэтому пароходы, перевозящие уголь, зимой осуществляли перевозку хлеба из черноморских портов за границу.

В 1890 г. обсуждался вопрос о расширении глубины Мариупольского порта во Временной Комиссии по устройству коммерческих портов. Было решено вырыть вне молов пробный открытый канал глубиной 17 фут. Наблюдения показали незначительную зависимость канала и возможность дальнейшего углубления порта. Было принято решение по устройству двух дополнительных бассейнов – восточного под номером 1 и западного под номером 11. Первый бассейн предназначался для ремонта судов частично наплаву, частично в доках и на эллинге. Второй – для расширения угольной гавани и для доставки керосина и нефти. Восточный мол (А) предполагалось приспособить – для нужд срочного пароходства, и частично для мелких судов, отвозящих грузы на рейд. Устройство двух внутренних молов, расширение части западного мола (В) проводилось для увеличения протяжения набережных для угля и прочих грузов [4, С. 34].

Работы по обустройству порта активно продолжались и в начале XX в. В 1913 – 1915 гг. велись переговоры между Мариупольским портовым управлением и Краматорским металлургическим обществом о поставке оборудования для механизации погрузочных операций [7, л. 18-37]. Для обеспечения порта электричеством в 1913 г. было начато строительство электростанции, и уже к 1916 г. электростанция была полностью оборудована. Работами по строительству руководил инженер Г. А. Спальвинг. Для землечерпательных работ в Мариупольский порт была командирована из Керчи шаланда «Диоскурия», капитаном которой являлся К. П. Авдеев [8, л. 68].

27 апреля 1914 г. Управление работ по устройству Мариупольского порта заключило договор с Правлением общества мариупольских греков о передаче в долгосрочную аренду участка земли близ Мариупольского порта возле дачи М. А. Водницкой. Срок договора составлял 99 лет, а арендная плата – 250 руб. за весь срок. Заключенный договор предусматривал возможность выкупа данного участка [9, л. 6-7].

О том, что опыт обустройства порта был положительным свидетельствуют материалы переписки управления работ Мариупольского порта с Порт-Петровским в Дагестанской области в ноябре 1915 г. Отделом торговых портов был рекомендован к использованию тип волнолома, построенного в Мариупольском порту, для устройства волнолома в Порт-Петровском порту. Просили прислать детальные чертежи деревянных и металлических частей этого волнолома, а также сообщить по какой цене и какой завод изготовил стяжные болты с муфтами и

чугунными подушками; если же эти части были изготовлены хозяйственным способом в портовой мастерской, об этом также сообщить [10, л. 6].

30 июня 1916 г. по управлению работ Мариупольского порта от инженера Г. А. Спальвинга был получен наряд на дополнительных рабочих. Для усиления работ по созданию берегового укрепления со стороны моря. Одного мостовщика и одного чернорабочего было недостаточно для данных работ [10, л. 46].

В то же время есть информация о подрядчиках, задействованных в производственном процессе на территории порта. 19 апреля 1916 г. от крестьянина Курской губернии, Дмитриевского уезда, Семеновской волости Алексея Афанасьевича Родионова была получена расписка о следующем: «Я, Родионов, принимаю на себя работы по выгрузке камня из деревянных и железных шаланд управления работ в профиль берегового укрепления ремонтного бассейна как со стороны моря, так и внутри бассейна, всего в количестве до одного миллиона пудов. Договорная цена. Я, Родионов, получаю по 4 рубля за каждые 1 000 пудов камня, выгружаю в профиль сооружения непосредственной выкидкой из судов и т. д. [10, л. 87].

На рубеже XIX – XX вв. Мариупольская таможня переехала в новое двухэтажное здание на пересечении улиц Георгиевской и Марии-Магдалининской. Здесь же во дворе находились склады и кладовые. В конце XIX в. управляющим Мариупольской портовой таможней стал Ефим Данилович Навроцкий, прослуживший в Мариуполе около десяти лет. В 1914 –1917 гг. работа Мариупольской таможни была сосредоточена на борьбе с контрабандой. Поскольку был запрещен вывоз из страны платины, золота, серебра, алюминия и других стратегических товаров и материалов. Был запрещен ввоз товаров германского производства и других враждебных для России стран, был ограничен ввоз и торговля спиртными и винно-водочными изделиями. Таможенники также задерживали и изымали революционные листовки, воззвания, литературу, досматривали посылки для военнопленных. В 1916 г., когда усилилась морская блокада, закрывшая торговые пути, когда цены на продукты питания и предметы первой необходимости выросли в несколько раз, объектами контрабанды становятся табачные и винные изделия, а также чай, перемещавшийся мелкими партиями.

В условиях военного времени были отмечены случаи контрабанды чая незначительными партиями (от 1 до 5 фунтов). Так, в ноябре 1915 г. в Мариупольскую таможню было выслано 3 фунта чая иностранного происхождения, задержанного в магазине Общества потребителей рабочих заводов Гартмана в г. Луганске. В 1917 г. ввиду отмены денежного взыскания и замены его личным наказанием по контрабандным делам, возбужденным до 17 марта 1917 г. настоящее делопроизводство было прекращено, а проходящий по этому делу товар подлежал конфискации [11, л. 5-8, 24].

Подводя итоги, следует отметить, что за три года проведения строительства (1886 – 1889 гг.) был проделан колоссальный объем работ. Ввод в действие нового Мариупольского порта способствовал увеличению грузооборота, расширению торговых операций. Уголь, зерно, марганцевая и железная руда, рельсы, балки, чугунные болванки и многие другие грузы проходили через порт, отправлялись в

азовские и черноморские города, в Турцию, Грецию, Италию, Аргентину, Великобританию, Мексику.

Грузооборот Мариупольского торгового порта резко увеличился, количество торговых судов, посещавших город, возросло. Это событие стало важной вехой в развитии морской торговли не только на Азовском, но и Черноморском побережье. Дальнейшие работы по улучшению порта позволили максимально приспособить его для коммерческой деятельности. На протяжении конца XIX – начала XX вв. Мариупольская портовая таможня осуществляла активную деятельность в сфере торговых операций.

Ссылки и примечания:

1. Щипцов А. А. Транспортное освоение Азовского моря. Исторический экскурс и современность / А. А. Щипцов, В. С. Ефремов. – К.: Будівельник, 1995. – 191 с.
2. Буров С.Д. Первый Мариупольский порт // Буров С.Д. Мариуполь и мариупольцы / С.Д. Буров. – Мариуполь: Сигма-ТВ: Газета «Приазовский рабочий», 2011. – С. 141-145.
3. Дягло А.Р. Развитие Мариупольского торгового порта в конце XIX – начале XX века // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Донецк: ДонНУ, 2020. – Вып. 12, том 2: Социально-гуманитарные науки, часть 1. – С. 89-93.
4. Материалы для описания русских портов и истории их сооружения / Комис. по устройству коммер. портов. 19: Мариупольский порт. Постройка и оборудование / сост. М.Л. Лисовский, 1896. – 35 с.
5. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР). – Ф.113. Оп.1 Д. 82. Л.4-8.
6. ГА ДНР. – Ф.117. Оп.1 Д. 9. Л.18-37.
7. ГА ДНР. – Ф.117. Оп.1 Д. 37. Л.68.
8. ГА ДНР. – Ф.117. Оп.1 Д. 20. Л 6-7.
9. ГА ДНР. – Ф.117. Оп. 1 Д. 29. Л. 6.
10. Там же. – Л. 46.
11. Там же. – Л.87.
12. ГА ДНР. – Ф.134. Оп.1 Д. 8. Л. 5-8,29.

УДК 93/99(419)(477.6)(045)

В.В. Липинский

доктор исторических наук,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

e-mail: lipinskiyv@mail.ru

Ю.А. Никулин

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет»

e-mail: yuri_a_nikulin@mail.ru

ГЕРМАНСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДОНБАССА И ЮГА РОССИИ КАК ФАКТОР НЕМЕЦКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

В статье рассматриваются особенности немецкого капиталовложения в промышленность Юга России в контексте развития германских геополитических идей накануне Первой мировой войны. Выделены ключевые принципы германского капиталовложения, его удельный вес и отраслевая направленность, а также их соотношенность со стратегической значимостью отрасли промышленности и региона.

Ключевые слова: *«восточный вопрос», империализм, Донбасс, Юг России, иностранный капитал, горнодобывающая промышленность, химическая промышленность.*

Summary

The article discusses the features of German investment in the industry of the South of Russia in the context of the development of German geopolitical ideas on the eve of the First World War. The key principles of German investment, its specific weight and industry focus, as well as their correlation with the strategic importance of the industry and the region are highlighted.

Keywords: *«Eastern question», imperialism, Donbass, South of Russia, foreign capital, mining industry, chemical industry.*

Особое место в немецкой геополитике начала XX века занимает «восточный вопрос», который по мере развития российско-германских отношений перед Первой мировой войны набирал все большую остроту и значение. Очевидным являлся тот факт, что война между двумя стремительно развивающимися державами, вступающими в стадию империализма, являлась не только неизбежной, но и вполне закономерной, ввиду общих

внешнеполитических сфер интереса и влияния, необходимость контроля которых была естественной потребностью дальнейшего развития.

Целью данной статьи является изучение целей и задач германской инвестиционной политики в промышленность Донбасса и Юга России накануне Первой мировой войны.

Экспансионистские планы Германской империи конца XIX – начала XX века наглядно иллюстрируют примат буржуазных мотивов во внешней политике. Так как, в сущности, они представляют попытку создания общеевропейского подобия «таможенного союза», который предоставил бы возможность германским капиталистам монополизировать основные сырьевые и промышленные регионы, эксплуатировать плодородные сельскохозяйственные регионы и получить контроль над основными сухопутными и морскими путями.

Все включенные в аннексионистскую программу регионы Российской империи, помимо периферийного положения, имели доминантное положение в отечественной экономике. Прибалтийские губернии, имея высокое промышленное значение, были также родиной уникальных для Российской империи отраслей – электротехнической и авиационной. Домбровский каменноугольный бассейн в Царстве Польском был вторым по производительности в империи. Территория Малороссии и Юга России представлена мощным экономическим комплексом продуктивного сельского хозяйства и развитой промышленности.

Наиболее стремительно развивающаяся в конце XIX – начале XX века промышленность Юга России и Донбасса по мере собственного развития и по мере эскалации дипломатических отношений Германии и России все чаще обращала на себя внимание германских империалистов. Если ранее территории Юга России и Донбасса лишь вскользь рассматривались немецкими геополитиками и идеологами «Серединой Европы», то к началу Первой мировой войны эти регионы занимают значимое место в планах германского империализма.

Так, меморандум Августа Тиссена, поданный канцлеру 28 августа 1914 года, выдвигал требование о присоединении к Германии балтийских провинций России, Польши, Донской области, Одессы, Крыма, Азовского побережья и Кавказа [1]. Реализация подобного плана позволяла Германской империи не только захватить морские пути, крупные промышленные регионы с богатыми месторождениями каменного угля в Донбассе и нефтеносные регионы Кавказа, но и завершить создание плацдарма для продвижения на Ближний Восток, сформировав два основных вектора: западный – Багдадскую железную дорогу и восточный – Кавказ.

Высокая значимость тяжелой промышленности и топливных месторождений, сконцентрированных на Юге России, в условиях войны выдвигала их на приоритетное место в стратегических планах Германии, сопоставимое по значению со столицей государства. Так, сообщение немецкого

генерального штаба от 10 июня 1915 года о нанесении решающего удара по России, выдвигает два основных направления – «действие против Петербурга» на севере и «разрушение угольных шахт и нефтяных вышек» на юге [2].

Становление и развитие промышленности в Российской империи, как и форсированная индустриализация страны во второй половине XIX века обязаны в первую очередь притоку иностранного капитала и специалистов. Привлечение иностранного капитала, с одной стороны, оказывало благоприятное воздействие на экономическое развитие страны: интенсивная индустриализация, развитие промышленности, вытеснение феодальных пережитков капиталистическими отношениями.

Обратная же сторона этого процесса заключалась в отсутствии стимулирования развития отечественной промышленности и ее неконкурентоспособности в силу технологического отставания, вследствие этого и невозможность протекционизма, отток промышленного капитала за границу, частичная или полная регламентация промышленных отношений иностранными капиталистами. В подобных условиях целые отрасли народного хозяйства Российской империи оказывались «в руках» у иностранных акционерных обществ, которые были заинтересованы в его развитии только в рамках потенциальной эксплуатации.

Учитывая исключительное значение иностранного капитала в экономике Российской империи конца XIX – начала XX века, а также все вышеперечисленные факторы, можно заключить, что отечественная экономика не только зависела, но и преимущественно определялась национальными интересами капиталовкладчиков. Что позволяет предположить, что удельный вес иностранного капитала, вложенного в российскую экономику пропорционален возможности прямого воздействия на экономику Российской империи той державы, национальные интересы которой он представляет.

Как правило, общую долю иностранного капитала в фабрично-заводской промышленности в начале XX века исследователи оценивают свыше 40% [3]. При этом вычисление доли иностранного капитала в значительной мере осложнено тем, что официальная статистика регистрировала лишь предприятия с публичной отчетностью, включая в иностранные компании лишь те, которые были основаны за рубежом или являются отделениями зарубежных предприятий [4].

Со второй половины XIX века доля притока иностранного капитала в отечественную промышленность постоянно растет, особенно с 1870-х годов. Динамика данного процесса отражена в следующих цифрах: на 1870 год приходится 26,5 миллионов рублей, на 1880 г. – 97,2, на 1890 г. – 214,7, на 1900 г. – 911 и на 1915 год – 2 205,9 миллионов рублей, соответственно. Следовательно, мы наблюдаем интенсивный рост иностранного капиталовложения в отечественную промышленность, который к началу войны – на 1914 год исчислялся в сумме 2 125,1 миллионов рублей [5]. По национальному признаку наиболее значимые капиталовкладчики представлены

французским, английским, германским и бельгийским промышленным и банковским капиталом, которые с определенными периодическими изменениями в среднем занимали 1, 2, 3 и 4 места, соответственно.

Непосредственно интересующий нас германский иностранный капитал в среднем занимал 3 место по масштабам в Российской экономике. Если в 1880 году приток германского капитала в отечественную промышленность составил 29,8 миллионов рублей (31% от общего иностранного капиталовложения), то в 1890 году германские капиталы выходят на первое место – 79 млн. рублей, что составило соответственно 36,7%. К 1900 году объем германских инвестиций достиг рекордного значения в 219,3 млн. руб., но при этом его совокупная доля снизилась до 24,1% [6].

По отраслевой направленности иностранный капитал вкладывался главным образом в горнопромышленные предприятия, наиболее активно развивающиеся на Юге России. «Свыше 9/10 иностранных капиталов было вложено в южную металлургию и в угольную промышленность Донбасса» [7]. Динамика притока иностранного капитала в горную промышленность исчисляется в следующих показателях: в 1880 году – 27,5 млн. руб., что составляет 28%, в 1890 году – 70,1 млн. руб., составляющих 32,7%, 1900 году – 437,9 млн. руб., то есть 48,1% от общего внешнего капиталовложения в отрасль.

Удельный вес германского капитала в горнодобывающей и металлургической промышленности был сравнительно небольшой и в значительной мере уступал французскому, английскому и бельгийскому. Так, на 1912 год немецкий капитал, вложенный в горную промышленность, составлял 5 946,7 млн. рублей, из которых 5 253,2 млн. руб. приходилось на железорудное производство, а 694,5 тыс. рублей – на остальную горную промышленность. Кроме этого, немецкие капиталовложения в металлургию составляли – 1 950 млн. рублей [8].

Однако сравнительно невысокая доля германского капитала, вложенного в горнодобывающую и металлургическую промышленность, не говорит об отсутствии влияния в данных отраслях, так как политика немецких капиталовложений имела несколько значительных особенностей. Во-первых, германский империализм не поощрял внешние капиталовложения, если их целесообразность не была продиктована политическими и военно-стратегическими интересами. Во-вторых, германские капиталисты, в отличие от других негативно относились к учреждению в России самостоятельных предприятий, ссылаясь на скорую при подобной политике «денационализацию капитала».

Немецкие капиталисты отдавали предпочтение филиальной системе или так называемой «*Interessengemeinschaft*». Первое предполагает открытие отделения уже существующего в Германии крупного предприятия, часть капитала которого выделяется для функционирования филиала, при этом, чистая прибыль филиала возвращается на счет правления. Во втором случае при содействии главного предприятия в Германии организовывается

самостоятельное предприятие в России, главным акционером которого становится первое.

Следовательно, даже в тех отраслях, где германский капитал занимал второстепенное значение, объекты немецкого капиталовложения находились под полным контролем Германии. Так, на Юге России функционировали два немецких акционерных общества: «Акционерное общество русской железной промышленности» с правлением в Берлине и агентством в Екатеринославле, основной капитал которого составлял 4,5 миллиона марок, а также «Краматорское металлургическое общество» с правлением в Варшаве и машиностроительным, литейным и чугуноплавильным заводами в Изюмском уезде Харьковской области, акционерный капитал – 7 225 млн. марок [9].

Более значительным было влияние Германии в отраслях, в которых немецкий капитал имел доминантное значение, а сами области имели стратегический приоритет. Например, развитие химической промышленности Российской империи было полностью подчинено Германии, вернее полное отсутствие данного развития было вызвано сложившейся конъюнктурой русско-германских экономических отношений. Если в горнопромышленных и металлургических предприятиях доля германского капитала значительно уступала французскому и английскому, то в химической промышленности немцы имели лидирующие позиции, что позволило им полностью контролировать работу отрасли и блокировать любые потенциальные процессы, направленные на создание отечественной химической промышленности.

Однако основополагающей проблемой отечественной химической промышленности в предвоенный и военный периоды было не само «немецкое засилье», а созданная им промышленная конъюнктура. В рамках сформированных конъюнктурных рамок невозможно было отладить отечественное производство сырья и полуфабрикатов для химической промышленности, в том числе и военной.

Немецкие промышленники на территории Российской империи вкладывали капитал в химические заводы, специализирующиеся на производстве готовой химической продукции, которая сбывалась также в России. При этом отсутствие государственного стимулирования отечественной химической промышленности и отсутствие зарубежных инвестиций в производство сырья и полуфабрикатов приводило к удовлетворению внутренней потребности в них за счет закупки за рубежом – в Германии. Данный экономический просчет стал одним из наиболее трагических в условиях Первой мировой войны, так как производство взрывчатых веществ, как и вся химическая промышленность, функционировало за счет Германии, вступление в войну, с которой уже к концу 1914 года привело к «снарядному голоду» на фронте.

Основа военной химической промышленности – толуол, использующийся для создания тротила, производится из неочищенного бензола, который в свою очередь является побочным продуктом коксования угля. Донецкий бассейн, обслуживавший развитие всей металлургической промышленности Юга России

был центром коксовальной промышленности, однако, имея исключительный потенциал, практически не имел бензольного производства.

Это объясняется несколькими причинами, которые напрямую зависят от значительного влияния Германии в данной отрасли. Во-первых, в России в мирное время отсутствовал широкий спрос на бензол и его производные, который использовался исключительно для нужд анилиновой промышленности, которая, имея сложные договорные отношения с Германией, использовала поставляемый ею бензол [10]. Во-вторых, «все договоры иностранных строительных фирм с владельцами рудников на устройство коксовых печей одновременно оговаривали за этими фирмами исключительное право на постройку при печах бензольных заводов», что ставило всю российскую коксобензольную промышленность, дававшую всего 3 % от требуемого количества бензола, в полную зависимость от иностранных (в первую очередь, германских) фирм» [11].

Строительство коксовальных заводов в Донецком бассейне обеспечивалось шестью иностранными фирмами, из которых три были немецкими – «Генрих Копперс», «Дюссельдорф» и «Коллин», а также две бельгийские и одна французская [12].

Так, когда в конце первого года войны 15 ноября 1914 года в Донбасс Главным артиллерийским управлением была направлена комиссия генерал-майора В. Н. Ипатьева для исследования возможности наладить производство бензола, ею было исследовано 11 заводов, из числа которых только три имели приспособления для улавливания ароматических углеводородов. При этом все три завода: при Щербиновском руднике Общества разработки каменной соли и угля в Южной России (современный Дзержинск), при руднике Русско-Бельгийского анонимного общества Государево-Байракских каменноугольных копей, рудников и заводов (современная Горловка) и при Петровском заводе Русско-Бельгийского металлургического общества (современное Енакиево), создавались бельгийскими фирмами [13].

Германский же капитал всячески подавлял возможность производства химических полуфабрикатов при коксовании угля, опираясь на лидирующие позиции в сооружении коксовых батарей. В. Н. Ипатьев, описывая результаты комиссии, писал: «Нам пришлось убедиться, что фирма немецкая Копперс, которая до войны сооружала у нас коксовые печи, не старалась на всех заводах, где имелись богатые коксовальные угли, строить рекуперационные заводы для добывания бензола и толуола. Было несомненно, что эта и другие фирмы сознательно оберегали интересы Германии, которая поставляла бензол и толуол для нашей промышленности взрывчатых веществ и красок» [14].

Колоссальное влияние Германии косвенно иллюстрирует и тот факт, что на Макеевском коксобензольном заводе Оливье Пьетта – основателя одноименной бельгийской фирмы, имеющей право на строительство коксовых заводов, из семи коксовых батарей четыре были немецкой фирмы «Collin» [15].

Таким образом, германский империализм, помимо эфемерных геополитических теорий и аннексионистских программ предпринимал вполне конкретные дальновидные стратегические шаги для реализации этих планов, их географический ареал подчеркивает стратегическую ценность Юга России и Донбасса в экспансионистских устремлениях Германской империи. Одним из факторов подготовки плацдарма для дальнейшей экспансии можно считать немецкое капиталовложение в отечественную промышленность, которое основывалось на принципах протекции национального интереса капиталовкладчика и соотносилось с внешнеполитическими интересами Германии. Повышение удельного веса немецкого капитала в промышленности Юга России, а также узкая отраслевая направленность инвестиций позволили сконцентрировать преобладающее германское влияние в химической промышленности, что обеспечило достаточное воздействие для дестабилизации военной экономики России с началом войны.

Ссылки и примечания:

1. Теодорович И. М. Разработка правительством Германии программы завоеваний на Востоке в 1914-1918 / И.М. Теодорович // Первая мировая война 1914-1918 / Отв. ред. А. Л. Сидоров. – М. «Наука», 1968. – С. 112.
2. Там же. – С. 115.
3. Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну / Г. И. Шигалин. – М.: Воениздат, 1956. – С. 140.
4. Зак А. Н. Немцы и немецкие капиталы в русской промышленности / А. Н. Зак. – СПб.: типография Л. Я. Ганзбурга, 1914. – С.6.
5. Оль П. В. Иностраннные капиталы в народном хозяйстве довоенной России / П. В. Оль. – Л., 1925. – С. 25.
6. Там же. – С.17.
7. Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну / Г. И. Шигалин. – М.: Воениздат, 1956. – С. 147.
8. Зак А. Н. Немцы и немецкие капиталы в русской промышленности / А. Н. Зак. – СПб.: типография Л. Я. Ганзбурга, 1914. – С. 10.
9. Там же. – С.16-17.
10. Ерохина О. В. Германский капитал в российской экономике в конце XIX – начале XX века / О.В. Ерохина // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). С. 38.
11. Дмитриев И. С. Бензольное кольцо Российской империи (создание коксобензольной промышленности на Юге России в годы Первой мировой войны) / И. С. Дмитриев // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. – СПб.: Нестор-История, 2007. – С. 424.

12. Лазар И. В. Химико-технологические аспекты «снарядного голода» русской армии в годы Первой мировой войны / Лазар И.А. // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 74-1. – С. 276.
13. Декабрь 1915 г. – февраль 1916 г. – Свод сведений о снабжении армии взрывчатыми веществами // Военная промышленность России в начале XX в. (1900-1917): сборник материалов и документов. – М.: Новый хронограф, 2004. – С. 761-773.
14. Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика: воспоминания. Том I: 1867-1917 / В. Н. Ипатьев. – Нью-Йорк, 1945. – С. 437-438.
15. ГА ДНР. ф. Ф-150. оп. 1. д. 150. л. 366. – Ежедневные сведения о выработке заводской продукции (1 июня 1915 г. – 29 мая 1916 г.).

УДК 94:334.754(477.6):005(622)

В.И. Шабельников

доктор исторических наук,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

e-mail: shabelnikov36@mail.ru

СОЗДАНИЕ ТРЕСТОВСКОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ УГОЛЬНОЙ И МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ ДОНБАССА В 1920-е ГОДЫ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ

Аннотация

В статье раскрывается процесс организации промышленных трестов Донбасса в условиях НЭПа, определены его хронологические рамки и причины, выявлены преимущества новой формы управления в угольной и металлургической промышленности, трудности и достижения в трестировании предприятий.

***Ключевые слова:** НЭП, тресты, управление промышленностью, предприятия, шахты, заводы, объединения, народное хозяйство.*

Summary

The article reveals the process of organizing industrial trusts in Donbass under the conditions of the New Economic Policy, defines its chronological framework and causes, identifies the advantages of a new form of management in the coal and metallurgical industries, difficulties and achievements in trusting enterprises.

***Keywords:** NEP, trusts, industry management, enterprises, mines, factories, associations, national economy.*

Вопросы восстановления Донбасса в 1920-е годы всегда привлекали к себе внимание историков, экономистов и других специалистов. Это вполне объяснимо, так как в Донецком бассейне была сосредоточена значительная часть тяжелой промышленности РСФСР. От результатов ее работы зависело восстановление народного хозяйства региона и страны в целом.

Публикации в научной литературе и многочисленных сборниках, посвященных общей проблематике НЭПа, свидетельствуют, что проблема управления промышленностью путем трестирования крупных предприятий не является новой. Их авторы вопросы управления государственной промышленностью в условиях НЭПа основательно не рассматривали. Лишь в некоторых работах сосредоточено внимание на отдельных аспектах управления в угольной и металлургической промышленности РСФСР. Среди них следует отметить работы Л. И. Лютова [1], И. Б. Орлова [2], С. В. Виноградова [3].

В 1990-х годах появляются работы, выполненные на региональном уровне. Для лучшего понимания особенностей НЭПа в Донбассе представляет интерес монография В. Н. Никольского и В. И. Изюмова [4], в которой приводятся многочисленные факты и статистические данные в реализации НЭПа в регионе, затронуты вопросы управления промышленностью.

Проблеме историографии развития угольной промышленности в условиях НЭПа посвятили свои работы З. Г. Лихолобова [5] и В. С. Бондаренко [6], но вопросы управления промышленностью Донбасса в них не были предметом специального рассмотрения, а сам период исследования выходит за хронологические рамки нашей темы.

Специальных работ, в которых бы основательно исследовались вопросы управления крупной промышленностью Донбасса в период НЭПа нет, что и побудило автора к написанию данной статьи.

Исходя из того, что специальные исследования по избранной автором теме отсутствуют или изложены фрагментарно, ставится цель проанализировать вопросы организации и функционирования системы управления промышленностью Донбасса на примерах трестов «Донуголь» и «Югосталь» в 1920-х годах.

Донецкий край после гражданской войны представлял собой наиболее пострадавший регион России. Почти все промышленные предприятия были разрушены. Из 64 доменных печей работала лишь одна на Петровском заводе в Енакиево. Более половины шахт были затоплены. К 1920 году добывалось угля в 6 раз меньше, чем в 1913 году.

За годы войны донецкая промышленность потеряла значительную часть рабочих. Как отмечал И. В. Сталин на IV конференции Компартии Украины в марте 1920 года, в каменноугольной промышленности Донбасса насчитывалось всего 80 тысяч рабочих из 250 тысяч до революции [7].

Характеризуя экономическую ситуацию в России, В.И. Ленин в работе «Лучше меньше, да лучше» (март 1923 г.) писал, что западноевропейские государства «сделали все возможное, чтобы отбросить нас назад, чтобы использовать элементы гражданской войны в России для возможно большего разорения страны» [8].

В этих условиях РСФСР очень нуждалась в производстве угля, металла, продукции машиностроения. Поэтому руководство РСФСР считало, что реализация этой задачи возможна путем восстановления индустрии Донбасса, благодаря чему можно будет вытащить из экономической разрухи страну.

К 1921 году методы управления страной на основе политики военного коммунизма себя исчерпали. Перед страной встала очень сложная и трудная задача: научиться управлять производством.

В марте 1921 года X съезд РКП(б) принял решение о переходе к новой экономической политике и определил задачи по совершенствованию управления экономикой, созданию экономической базы социализма.

Перестройка хозяйственной жизни в стране началась с реорганизации старой системы управления производством. Считалось, что «локомотивом» хозяйственных преобразований является тяжелая промышленность, которая способна преодолеть разруху и восстановить народное хозяйство. В годы гражданской войны были разорваны производственные связи между предприятиями тяжелой промышленности. Молодое советское государство вынуждено было управлять большим количеством разнообразных предприятий, обслуживание которых не соответствовало сырьевым и производственным государственным ресурсам.

9 августа 1921 года Совет Народных Комиссаров (СНК) РСФСР издал «Наказ о проведении в жизнь начал новой экономической политики» [9], согласно которому промышленные предприятия были разделены на три группы: 1) крупные предприятия, которые работают на принципах хозрасчета; 2) предприятия, которые не могут быть запущены и подлежат сдаче в аренду частным предпринимателям, кооператорам и артелям; 3) предприятия, которые подлежат закрытию.

Следующим шагом на пути перестройки хозяйственной жизни стал переход от абсолютной централизованной системы управления к рыночному предпринимательству. С этой целью центральные и местные органы власти встали на путь объединения однородных предприятий тяжелой промышленности на основе территориально-производственного принципа.

С этой целью главки, как органы управления отдельными отраслями промышленности, получившие развитие в период военного коммунизма, стали заменяться государственными трестами и синдикатами, основанными на принципах хозрасчета и самокупаемости. Происходит процесс трестирования предприятий промышленности. Тресты в отличие от главков становились территориально-отраслевыми объединениями, в которые входили предприятия родственных отраслей промышленности, расположенной на определенной территории. Так, в начале 1920-х годов в Донбассе были образованы тресты «Югосталь», «Донуголь», «Южмаш», «Химуголь» и другие [10], которые стали основной низовой формой хозяйствования в различных районах региона.

Трестирование промышленности внесло значительные изменения в структуру управления народным хозяйством Донецкой губернии, созданной еще в 1920 году. Одновременно с началом формирования крупных промышленных трестов Донбасса были определены границы Донецкой губернии. В 1923 году на основании ВУЦИК от 7 марта 1923 года «Об административно-территориальном делении Донецкой губернии» [11] было образовано 7 округов: Бахмутский (с 1924 г. – Артемовский), Луганский, Мариупольский, Старобельский, Таганрогский, Шахтинский и Юзовский (с 1924 г. – Сталинский) вместо более мелких волостей и уездов. Преимущество округов состояло в том, что они в большей мере соответствовали задачам экономического развития территорий, обладали значительной площадью и численностью населения. В 1925 году власть начала второй этап реформы административного управления, согласно

которой Донецкая губерния, как единый экономический регион, была ликвидирована и на ее месте созданы пять единиц территориального деления: Артемовский, Луганский, Мариупольский, Сталинский и Старобельский округа [12].

Изменения административно-территориального деления в Донбассе, как и во всей стране, были направлены на дальнейшее совершенствование управления экономическими структурами, в том числе и в тяжелой промышленности, в целях более тесного сочетания общегосударственных и местных интересов при определяющей роли центра. Ставилась задача установления непосредственных отношений между центром и округом, чтобы предотвратить волокиту и сократить время для прохождения в жизнь директив центра на местах. Таким образом, мы можем констатировать факт стремления власти создать наиболее оптимальный вариант увязки административного и экономического управления в регионах.

Однако промышленность в то время была еще слаба, области и губернии были еще недостаточно развиты в административных и хозяйственных вопросах. Поэтому управление промышленностью по вертикали дополнялось управлением по горизонтали. Это нашло свое отражение в постепенном расширении прав местных партийных, советских и хозяйственных органов, особенно в вопросах управления промышленностью.

Отметим, что трестирование проводилось почти одновременно в угольной и металлургической промышленности, от подъема которых во многом зависело восстановление народного хозяйства как в регионах, так и в стране в целом.

Основной целью власти в центре и в Донбассе было восстановление угольной промышленности, рост добычи угля. Для руководства горной промышленностью на территории региона в октябре 1921 года было образовано управление государственной каменноугольной промышленностью (УГКП). В его подчинение входило 200 наиболее крупных и средних шахт с добычей 56 % всего угля страны. В 1923 году с целью повышения уровня эффективности управления шахтами УГКП был преобразован в каменноугольный трест «Донуголь» во главе с М. А. Рахимовичем с числом рабочих 122 300 человек [13].

В результате перестройки управления в угольной промышленности произошли значительные позитивные изменения. Так, если в 1921 году 934 шахты давали 2,7 млн тонн угля, то в 1922 – 1923 хозяйственном году добыча угля выросла в полтора раза [14], в 1924 – 1925 году количество крупных шахт уменьшилось до 238, а добыча угля достигла 12,4 млн тонн [15].

Перестройка системы управления промышленностью требовала ее финансирования. Уже в 1923 – 1924 годах началось интенсивное финансирование с государственного бюджета, а также кредитование тяжелой промышленности. Достаточно отметить, что из общей суммы затрат по общесоюзным трестам на долю треста «Донуголь» приходилось в 1925 – 1926 году 87 %, в 1926 – 1927 году – 86 %, а в 1927 – 1928 году – 82 % общих

ассигнований [16]. Характерно, что развитие промышленности обеспечивалось в те годы исключительно за счет внутренних ресурсов.

Большие расходы государства на развитие угольной промышленности дали ожидаемый результат. В 1927 – 1928 году добыча угля в Донбассе составила свыше 27 млн тонн, превысив уровень 1913 года более чем на 10 процентов [17].

Важное значение стало придаваться механизации производственных процессов и повышению производительности труда. Так, по тресту «Донуголь» в 1925 – 1926 году после начала применения врубовых машин механическая добыча угля составила 7,8 % общей добычи, а в 1927 – 1928 году – 22,9 %. Угольные предприятия треста производили до 80 % всей добычи угля в Донбассе. В 1930 году на шахтах Донбасса насчитывалось 587 врубовых машин, 1 507 отбойных молотков и 31 электровоз [18].

Однако, несмотря на достигнутые успехи, в тресте «Донуголь» проявлялись бесхозяйственность, необоснованные растраты денежных средств и распродажи имущества. В резолюции Луганского окружного съезда профсоюзов в 1926 году указывалось на низкий уровень руководства центрального аппарата треста, что проявлялось в чрезмерной централизации управления и ограничении прав предприятий, детальной регламентации и бюрократизме всех сторон жизни и деятельности в трестовской системе управления сверху донизу [19].

Мелочная опека трестов препятствовала предприятиям проявлять самостоятельность в решении производственных вопросов и тормозила таким образом развитие угольной отрасли Донбасса.

По мере восстановления угольной промышленности все больше возрастала потребность в металле. В 1921 году три донецких завода: Юзовский, Макеевский и Петровский с 14 доменными печами и принадлежащими им 37 угольными шахтами объединились в мощный металлургический трест «Югосталь» во главе с инженером И. И. Межлаук. К началу 1923 года в трест были объединены все металлургические предприятия Юга СССР с центром правления в Харькове. На предприятиях треста трудились 69,3 тыс. рабочих и 4,8 служащих [20]. Советское правительство в целях технического перевооружения этих заводов выделило 10 млн. рублей золотом.

Ленин тогда же отметил первые успехи донецких металлургов. Выступая на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 года, он отмечал: «Как ни тяжело наше положение, мы здесь видим успех громадный. Мы в первой половине 1921 года выплавляли ежемесячно 70 тысяч пудов чугуна, в октябре – 130 тысяч, в ноябре – 270 тыс., т. е. почти вчетверо больше» [21].

Донецкая губернская партийная конференция в декабре 1921 года выдвинула требование сосредоточить силы и средства прежде всего на восстановлении крупных предприятий, наладить тесные связи с руководством трестов и предприятий без вмешательства в их повседневную хозяйственную жизнь [22].

Характерной особенностью работы местных партийных и хозяйственных органов в вопросах управления производством являются многочисленные

примеры обеспечения предприятий, входящих в состав треста, необходимыми материальными, финансовыми и продовольственными ресурсами как из общесоюзных, так и местных фондов.

1924 год стал переломным в металлургии. Рабочие и инженерно-технический персонал провели громадную работу по подготовке к пуску предприятий, цехов, доменных печей. Так, в 1924 году были пущены доменные и мартеновские цеха на металлургических заводах Краматорска, Сталино, Мариуполя. Введение в строй дополнительных металлургических мощностей дало возможность резко увеличить производство продукции металлургии. В 1924 году производство чугуна по «Югостали» увеличилось более чем в два раза, стали на 83 % [23]. Однако почти все эти достижения осуществлялись на устаревшем оборудовании. Основные фонды производства нуждались в обновлении. В мае 1924 года состоялся XIII съезд РКП(б), который выдвинул в качестве главной задачи быстрее восстановление металлургии на основе ее реконструкции. На всестороннюю помощь «Югостали» были направлены решения майской (1924 г.) конференции Донецкой губернской партийной организации [24]. В мае 1924 года проходило также собрание Донецкого губернского хозяйственного актива, на котором было отмечено, что заводы Югостали с их устаревшим и изношенным оборудованием уже не удовлетворяют возрастающую потребность народного хозяйства страны в металле. Поэтому необходимо провести реконструкцию и расширение металлургических заводов Донбасса [25].

На эти цели выделялись огромные по тому времени деньги. По заводам «Югостали» в 1924 – 1925 годах было выделено 20 млн. рублей, в 1925–1926 году – 41 млн. рублей, а в 1926 – 1927 году – 70 млн. рублей [26].

Мощная финансовая поддержка «Югостали» со стороны государства способствовала резкому увеличению продукции донецких металлургических заводов. Удельный вес Донбасса в металлургии СССР вырос к 1926 году до 75,8 % [27].

Тресты «Югосталь», «Донуголь», «Химуголь» и другие отличались высокой концентрацией рабочей силы. Только на заводах «Югостали» работало 72 тыс. рабочих, а на его рудниках – 31,5 тыс., в том числе на Сталинском металлургическом заводе – 11,4 тыс., на Мариупольском и Макеевском заводах – более чем по 6 тыс. человек [28].

С целью подготовки рабочих кадров создавались специальные учебные центры. Только в 1927 – 1928 учебном году по тресту «Югосталь» была создана следующая сеть профученичества: школы ФЗУ – 2 000 человек, бригадное ученичество – 1 020 человек, курсы – 3 850 человек [29].

Такая форма подготовки квалифицированных рабочих кадров давала не только общеобразовательную подготовку, но и практические знания.

Одним из существующих недостатков «Югостали» как и других трестов были чрезмерно увеличенные штаты управленцев. Так, только с октября 1924 года по март 1926 года численность аппарата управления «Югостали» выросла

более чем в три раза, достигнув 870 человек. За это время руководство треста создало 460 подразделений, каждое из которых издавало разного рода директивные распоряжения [30]. Такая структура и многочисленный кадровый состав не могли не породить бюрократизм, затягивание прохождения дел, излишнюю переписку и формализм.

Несмотря на несовершенство структуры управления и слабый кадровый потенциал, тресты в целом справлялись со своим предназначением и внесли весомый вклад в восстановление и развитие тяжелой промышленности. Однако выделение крупных предприятий из-под прямого государственного подчинения, организация и углубление планирования в системе управления экономикой по мере сворачивания НЭПа вело к тому, что тресты все более переходили в зависимость от ВСНХ. Хозяйственная система, которая основывалась на рыночных отношениях, сменялась жестко централизованной государственной системой управления. Промышленность страны стала получать уголь, продукцию металлургии, химии и машиностроения не по коммерческим ценам рынка, а по ценам, установленным органами государственной власти.

В декабре 1929 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О реорганизации управления промышленностью» [31], согласно которому вводился приоритет государственного плана над рынком. Главным звеном управления промышленностью становилось предприятие, а не трест. Однако той степени экономической самостоятельности, которую имели тресты, предприятия не получили. К началу 1930 года тресты и вовсе были ликвидированы. Первый пятилетний план (1928 – 1932 гг.) уже в самом начале фактически создавал условия для формирования командно-административной системы управления промышленностью. Вводился принцип единоначалия на предприятиях. Заработная плата рабочих уже не зависела от результатов работы предприятия, так как регламентировалась установленными главками нормами, тарифами и расценками.

Вместе с тем, трестовская система управления промышленностью Донбасса обеспечила восстановление тяжелой промышленности и создала условия для индустриализации края в годы первых пятилеток. По своему значению и техническому оснащению угольная и металлургическая промышленность Донбасса стали передовыми отраслями народного хозяйства страны.

Ссылки и примечания:

1. Лютов Л. И. Государственная промышленность в годы НЭПа (1921–1929 гг.) / Л. И. Лютов. – Саратов: Изд-во СГУ, 1996. – 220 с.
2. Орлов И. Б. Государственная промышленная политика в 1920-е годы: антикризисная или кризисная модель? / И. Б. Орлов // Российские регионы: взгляд в будущее, 2015. – Т. 2. – № 1. – С. 57–84.

3. Виноградов С. В. Начало нэповской реформы в промышленности: создание трестов и синдикатов (1921–1922 гг.). / С. В. Виноградов // Современная научная мысль. НИИ истории, экономики и права. – М., 2017. – № 4. – С. 38–46.
4. Никольский В. Н. НЭП в Донбассе / В. Н. Никольский, В. И. Изюмов. – Донецк, 1992. – 126 с.
5. Лихолобова З. Г. Вугільна промисловість України 1920-х – початку 2000-х років: історіографія // Нові сторінки історії Донбасу: зб. наукових статей. – 2008. – Кн. 15/16. – С. 90–113.
6. Бондаренко В. С. Вугільний Донбас в умовах радянської модернізації країни (1925–1941 рр.): радянська історіографія / В. С. Бондаренко. – Донецьк: ДонНУ. – 268 с.
7. Сталин И. В. Выступление на IV конференции КП(б)У 17 марта 1920 года / И. В. Сталин. – Соч. Т. 4. – М.: Изд-во Политической литературы, 1947. – С. 297, 301.
8. Ленин В. И. «Лучше меньше, да лучше» / В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. – М.: Политиздат, 1974. – Т. 40. – С. 401.
9. Собрание узаконений Украины (СУ УССР). – 1920. – № 59. – Ст. 403. – С. 92.
10. Донецкий регион в период НЭПа. – Режим доступа: <https://infopedia.su/30x18d5a.html>.
11. ГА ДНР. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1747. – Л. 19.
12. СУ УССР. – 1925. – № 29/30. – Ст. 233. – С. 435–437.
13. ГА ДНР. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1467. – Л. 109.
14. ГА ДНР. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 11, 20, 22.
15. История технического развития угольной промышленности Донбасса. – К., 1969. – Т. 1. – С. 284.
16. Развитие Донбасса в 20–30-е годы. Режим доступа: <https://zdamsam.ru/a7174.html>
17. Щербань А. Н. Страницы летописи Донецкой / А. Н. Щербань, А. А. Рутенко. – К. : Изд-во Академии наук, 1963. – С. 129.
18. Книга о Донбассе. Природа. Люди. Дела. – Донецк: Донбасс, 1977. – С. 51.
19. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). – Ф. 5451. – Оп. 10. – Д. 147. – Л. 122.
20. Киричек М. С. Музей под открытым небом / М. С. Киричек. – Таганрог, 2010. – С. 75.
21. Ленин В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Т. 44. – С. 3019.
22. ГА ДНР. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 399. – Л. 69.
23. Промышленность СССР в 1924 году. Ежемесячник ВСНХ. – М-Л., 1925. – С. 183.
24. Книга о Донбассе. Природа. Люди. Дела. – Донецк: Донбасс, 1977. – С. 48.
25. ГА ДНР. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 91. – Л. 24.
26. Отчет о работе «Югостали» за 1926–1927 год. – Харьков, 1927. – С. 15.
27. Промышленность СССР в 1925–1926 году. – М., 1926. – Ч. 2. – С. 140.

28. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 927. – Л. 163, 164, 198.
29. Ковалев С. А. Рабочие кадры Донбасса в 20–30-е годы XX в. / С. А. Ковалев // Вестник Брянского государственного ун-та. – 2021. – № 1. – С. 64.
30. Хромов С. С. Ф. Э. Дзержинский во главе металлургической промышленности / С. С. Хромов. – М., 1977. – С. 305.
31. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.): сб. документов за 50 лет. – М., 1967. – Т. 2. – С. 136–142.

УДК 94: 356.15 (477.6) «1941-1943»

Г.В. Мишечкин

кандидат исторических наук,

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли им.

Михаила Туган-Барановского»

e-mail: mishechkin2213@mail.ru

ТАЙНАЯ ПОЛЕВАЯ ПОЛИЦИЯ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В СТАЛИНО (февраль – сентябрь 1943 г.)

Аннотация

В статье анализируется деятельность тайной полевой полиции в городе Сталино в феврале-сентябре 1943 года. Автор акцентирует внимание на структуре, методах и результатах работы указанной карательной организации.

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, Сталино, Тайная полевая полиция, нацистский оккупационный режим.*

Summary

The activities of the secret field police in the city of Stalino in February-September 1943 is analyzed in the article. The author focuses on the structure, methods and results of the work of this punitive organization.

***Keywords:** The Great Patriotic War, Stalino, Secret field police, Nazi occupation regime.*

Великая Отечественная война представляет собой одновременно беспримерные героические и глубоко трагические страницы истории советского государства и общества. На фронте и в тылу советские люди совершили огромное количество подвигов, стали яркими примерами и образцами для воспитания будущих поколений. Очень тяжелая ситуация сложилась особенно в тех регионах СССР, которые были оккупированы нацистами. Одно из ключевых мест в планах нацистского руководства и лично А. Гитлера отводилось Донбассу. В г. Сталино – административном центре Сталинской области – немецкие власти сформировали исполнительные, военно-полицейские, карательные, разведывательные и контрразведывательные органы, которые функционировали на протяжении всего периода оккупации (20 октября 1941 г. – 7 сентября 1943 г.).

В системе нацистского оккупационного режима особое место занимала тайная полевая полиция (на нем. Geheime Feld Polizei – GFP; далее по тексту – ГФП). Одна из групп тайной полевой полиции – ГФП-721 с начала февраля 1943

г. и до начала сентября указанного года находилась в центре г. Сталино в 7-этажном доме № 7 по ул. Почтовой (на пересечении пр. Комсомольского и бульвара Пушкина), в здании бывшего коммунального банка, недалеко от средней школы и напротив хлебозавода [1]. Есть информация, что в начале февраля 1943 г. ГФП-721 находилась в г. Снежное, и только с 14 февраля ее штаб обосновался в г. Сталино [2].

Деятельность ГФП анализировалась в ряде работ российской и зарубежной историографии [3-5]. В последние годы опубликованы отдельные документы, в которых отражены те или иные аспекты функционирования обозначенной организации в целом, и группы ГФП-721 в частности [6]. Не вызывает сомнения тот факт, что в небольшом исследовании невозможно дать широкий историографический и источниковедческий обзор указанной проблематики. Учитывая вышесказанное, в статье поставлена цель: предпринять попытку очертить штрихи к деятельности ГФП-721 в г. Сталино в феврале-сентябре 1943 г.

Представленная проблема в 2023 году получила дополнительный весомый повод для ее изучения, так как в этом году отмечается 100-летие со Дня рождения выдающегося советского контрразведчика Ибрагима Хатямовича Аганина (в отечественной и зарубежной литературе часто упоминается под именем Игоря Харитоновича Аганина), который выдавая себя за немецкого офицера Георга Вебера, на протяжении трети года работал секретарем-переводчиком в ГФП-721 и находился в Сталино.

Предварительно следует заметить, что ГФП функционировала в качестве органа немецкой контрразведки и дислоцировалась в тыловых районах вермахта. Основные ее задачи сводились к выявлению и ликвидации антинацистского сопротивления местного населения, контрразведывательному обеспечению тылов германских войск. До февраля 1944 г. ГФП подчинялась Абверу, затем перешла в ведение IV Управления Главного управления имперской безопасности Третьего рейха. Группы и команды ГФП являлись исполнительными органами полевых и местных комендатур, действовали в контакте с полицией безопасности и СД. ГФП-721 действовала в полосе группы армий «Юг» и в большей степени осуществляла контрразведывательную деятельность в тылу 6-й армии и армейской группы «Холлидт».

В феврале 1943 г. ГФП-721 состояла из 89 человек основного состава и 14 т. н. добровольцев. Начальником группы ГФП-721 с декабря 1942 г. был комиссар полевой полиции А. Майсснер. По сведениям советского контрразведчика И.Х. Аганина, Майсснер был родом из Кенигсберга, где работал в гестапо начальником отделения [7].

В основной состав организации входили: 1 чиновник полевой полиции в качестве командира подразделения, 5 чиновников полевой полиции, 42 помощника чиновников полевой полиции, 2 военных переводчика, 2 зондерфюрера, 7 языковых посредников, 4 писаря, 5 ординарцев, 1 санитар, 1 командир отряда, 3 командира отделения, 16 водителей [8]. Большинство из

сотрудников ГФП-721 в недалеком прошлом были работниками гестапо или криминальной полиции, что было характерно для многих групп ГФП.

Численность группы соответствовала среднестатистическим показателям для групп ГФП. Одним из важнейших критериев для ГФП-721 была мобильность, о чем говорит большой штат водителей. Однако, из документов указанной организации видно, что за конец января – первую половину февраля 1943 г. было потеряно не менее 5 грузовых (трофейных) и 2 легковых автомашин, в связи с чем «группа 721 имеет недостаточно автомашин и не в состоянии перевезти всех лиц этой группы». Прямо указывалось на необходимость предоставления автомашин для деятельности ГФП-721 [9].

В отчете о деятельности ГФП-721 за февраль 1943 г. зафиксировано, что за данный период было задержано 138 человек. Основаниями для задержания были определены следующие позиции:

- а) преступления, совершенные населением;
- б) преступления против безопасности войск;
- в) другие основания задержания;
- г) преступления, совершенные военнослужащими вермахта.

По основанию – преступления против безопасности войск – было задержано 48 человек. 32 человека из них были прямо названы «партизанами» и «их сообщниками», а также «шпионами». За антинемецкую пропаганду и распространение листовок привлекли соответственно 7 человек и 4 человека, за незаконное владение оружием – 3 человека, а 2 задержанных передали абверкоманде. По преступлениям, совершенным населением, были задержаны 8 человек, обвиненные в краже посылок. Судя по немецким документам, эти 8 человек не имели отношение к подпольно-партизанской деятельности. Двое немецких военнослужащих были привлечены: один за самовольную отлучку, второй за запрещенную торговлю с гражданским населением. По позиции «другие основания для задержания» отмечено 80 человек. Среди этого числа 2 человека – «бежавшие и вновь пойманные военнопленные», 4 человека были переданы полевой жандармерии, 43 человека – «непойманные военнопленные», 31 человек – «освобожденные как благонадежные». В последней группе видимо находились информаторы, «подставные утки», которых пытались внедрять в подпольные группы и партизанские отряды. Необходимо указать, что часть задержанных относилась к периоду, когда штаб ГФП-721 находился на территории Ростовской области.

Всего же за отчетный период было расстреляно по приказу 54 человека. Кроме этого, был проверен 431 человек, у которых не было оснований для ареста. При этом следует подчеркнуть, что февраль 1943 г. был временем проведения Красной Армией операции «Скачок» в Донбассе. Поэтому в отчете ГФП-721 прямо указывается, что «Ввиду запланированного отступления деятельность группы за отчетный период была значительно ограничена, вследствие чего ее приходилось перебрасывать на значительные расстояния, что не позволяло ей вести активные действия». Соответственно, наиболее

пристальное внимание было сконцентрировано на борьбе со шпионажем, особо подчеркивалось «уничтожение партизанских групп в Сталино» [10].

На протяжении февраля – сентября 1943 г. ГФП-721 в г. Сталино проводила массовые аресты, истязания и расстрелы советских граждан. Арестованные ГФП советские патриоты содержались в местной тюрьме по адресу: 3-я Линия, 18 (ул. Красноармейская, 18), допросы их проводились в помещении ГФП-721, а расстрелы чаще всего на территории шахты № 4/4-бис «Калиновка», которая стала местом массовой казни военнопленных и гражданского населения с самого начала оккупации города. Ауссенкоманда (выездная команда ГФП) Рунцхаймера в г. Сталино находилась примерно с 20 февраля и до апреля 1943 г., затем выбыла в г. Серго/Кадиевку (ныне г. Стаханов, ЛНР). В июне 1943 г., по другим данным в августе указанного года, ауссенкоманда Рунцхаймера из г. Серго/Кадиевки возвратилась в г. Сталино и находилась при штабе ГФП до начала сентября 1943 г. [11]. В этом отделении ГФП-721 на луганской земле работал переводчиком советский контрразведчик Лев Моисеевич Бреннер (под псевдонимом Леонид Дубровский), который, к сожалению, был расстрелян нацистами 22 сентября 1943 г. в Днепропетровской тюрьме.

Одним из методов работы ГФП-721 было активное использование агентуры, так называемых Фау-людей (V-Männer). Тех, кто был особо предан Рейху, «очень надежных» тайная полиция забрасывала в партизанские отряды и подпольные группы, использовала для перепроверки некоторых своих же ставленников – бургомистров, старост, других Фау-людей и т. д. Так, в немецких документах отмечено, что 21 февраля 1943 г. в Сталино удалось обнаружить группу, «члены которой были одеты в немецкую униформу», вооруженную автоматами и пистолетами. Расположение группы определил, что характерно, одетый в гражданское, переводчик ГФП. Группа, которой руководил младший лейтенант, предположительно состояла из восьми человек. В немецком документе утверждается, что в планах группы было формирование в Сталино крупной организации численностью до 200 человек. Советские диверсанты, после того как их окружили, отклонили предложение сдаться, оказали вооруженное сопротивление, были атакованы ручными гранатами, а их убежище подожжено. В немецком отчете указано, что «четверо из них [диверсантов] были уничтожены, а женщина получила тяжелое пулевое ранение в рот» и схвачена [12]. Информация о дальнейшей судьбе трех членов группы в немецком документе отсутствует.

В рамках изучаемой проблемы представляет интерес документ «Выписка из отчета фельдполицай-директора тайной полевой полиции группы войск «Юг» Арльта о деятельности полиции в августе 1943 г.», так как он датируется 10 сентября 1943 г., т. е. затрагивает последний месяц нацистской оккупации Сталино. В документе подчеркивается, что деятельность групп тайной полевой полиции в этот период была направлена, прежде всего, «на борьбу с бандами, парашютистами, агентами». Напомним, что «бандитами» в немецких

документах назывались участники подпольных групп и партизанских отрядов. Арльт указывает на определённый спад в деятельности групп ГФП, который связан с «меняющейся обстановкой» – наступлением Красной Армии. В то же время он констатирует рост «бандитской деятельности», в т. ч. в лагерях для военнопленных. Особо выделяет группу, которую возглавляет «русский под псевдонимом Доля или Донской». Численность группы по немецким данным – 70 человек (на сегодняшний день известно, что в подпольно-партизанский отряд имени И.В. Сталина под руководством В.Д. Авдеева входило не менее 170 человек).

Кроме того, в представленном документе анализируется деятельность арестованного «капитана Красной Армии Александра Шведова» по «созданию партизанской организации Донбасс» и замечается, что «Шведов бежал из-под стражи в ночь на 20.08.43 г.». В разделе «VII. Аресты» анализируемого документа подводятся итоги деятельности ГФП в зоне группы армий «Юг» за август 1943 года: 5758 человек проверено; 2961 – арестован; 284 – казнены; 264 – переведены в лагеря для военнопленных; 234 – переданы в СД; 92 – переданы военным судам; 488 – переданы ортскомендатурам, полевым комендатурам, контрразведке и другим службам; 758 – освобождено; 843 – еще находятся под арестом; 6 – убиты в бою или при оказании сопротивления. Всего группами ГФП армейской группировки «Юг» за август 1943 г. отрабатывалось 2068 дел [13].

Опираясь на указанные выше данные и осознавая, что они далеко не окончательные, можно сделать вывод, что в августе 1943 г. из задержанных тайной полевой полицией группы армий «Юг» лиц только 13 % были освобождены. Все остальные были убиты или переданы другим спецслужбам и подразделениям, т. е. в той или иной форме подвергнуты жесточайшим репрессиям.

Помимо немцев, в злодеяниях ГФП-721 определенную роль играли «добровольные помощники», «переводчики», вступившие на тропу коллаборационизма. В пытках над подпольщиками, партизанами, военнопленными, мирным населением особо «отметились» А. Потемин, Л. Лурга, А. Сидоренко, А. Юхновский [14]. Приведем только небольшой пример злодеяний нацистского прихвостня, сотрудника ГФП-721 А. Юхновского (также известного как Алекс Лютый), совершенных в начале сентября 1943 года.

В первые дни сентября 1943 г. на шахте № 4/4-бис «Калиновка» в г. Сталино Юхновский вместе с другими сотрудниками тайной полевой полиции непосредственно принимал участие в расстреле не менее 100 советских граждан, лично сделал 8 выстрелов в двух из них, имена которых, к сожалению, установить не удалось, и упавших в ствол шахты. В приговоре Московского городского суда от 28 апреля 1976 г. было отмечено, что «подсудимый Юхновский в суде подтвердил свое участие в операции по расстрелу советских граждан на шахте № 4/4-бис «Калиновка» и пояснил, что лично произвел 8 выстрелов в двух мужчин, которые упали в ствол шахты». Коллаборационист, который в послевоенный период скрывался под именем добропорядочного

советского гражданина Александра Мироненко, пытался уходить от ответственности, позже настаивать на том, что выстрелы были сделаны по указанию немецкого следователя. Однако, «виновность Юхновского в операции по расстрелу на шахте № 4/4-бис «Калиновка» в начале сентября 1943 г. подтверждается, помимо признания своей вины подсудимым Юхновским, показаниями свидетеля Корженевской», в которых указывалось, что Юхновский лично участвовал в расстреле советских граждан на упомянутой выше шахте [15].

Факт массовых расстрелов гитлеровцами советских граждан на шахте № 4/4-бис «Калиновка» подтверждается актом специальной комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских оккупантов на шахте № 4/4-бис г. Сталино и отчетом ГФП-721 за сентябрь 1943 г., приобщенным к материалам дела в суде. Закономерно, что в общих выводах «Акта специальной комиссии по расследованию зверств немецко-фашистских оккупантов на шахте № 4/4-бис в г. Сталино УССР» непосредственно указывалось, что «История человечества не знает другого такого прецедента, когда бы в одном месте было умерщвлено столь огромное количество невинных жертв» [16]. Напомним, что только по официальным данным, в шурф шахты № 4/4-бис г. Сталино за период нацистской оккупации было сброшено 75 тыс. человек. К этим массовым убийствам советских граждан имеет непосредственное отношение и ГФП-721.

Таким образом, даже краткий анализ деятельности ГФП-721, дислоцировавшейся в феврале-сентябре 1943 г. в Сталино, позволяет характеризовать данную организацию как преступную, а ее сотрудников как палачей, устроивших, совместно с другими нацистскими спецслужбами и вермахтом, геноцид на земле Донбасса. Безусловно, материал, приведенный в исследовании лишь схематично и отдельными штрихами обозначил проблему, которая нуждается в более глубоком анализе преступной деятельности карательной организации ГФП-721.

Ссылки и примечания:

1. Справка УКГБ по г. Москве и Московской области о преступлениях, совершенных с начала февраля по начало сентября 1943 г. группой ГФП-721 в г. Сталино УССР в период немецко-фашистской оккупации // Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Город Москва: Сборник документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. Я.А. Онопенко; сост. Е. Д. Алексеева (отв. сост.), В.В. Буркацкий, С.С. Войтиков, С. Д. Гарнюк, С.А. Уваров. – М.: Фонд «Связь Эпох», 2020. - С. 249.
2. Обзор преступной деятельности группы ГФП-721 на временно оккупированной территории СССР в 1942–1943 гг., составленный

в Институте немецкой военной истории Национальной народной армии ГДР // Там же. – С. 226.

3. Оришев А. Б., Ряполов В. В. Абвер-3: методы контрразведывательной деятельности на территории СССР (июнь 1941 – февраль 1942) // История: факты и символы. 2023. № 1 (34). С. 130-139.
4. Богданов С.В., Мартынов Б.С. Тайная полевая полиция в системе германской милитаристской машины (на материалах архивно-уголовных дел Управления КГБ СССР по Белгородской области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4. Ч. 1. С. 32-35.
5. Brown P. The Senior Leadership of the Geheime Feldpolizei, 1939-1945 // Holocaust and Genocide Studies. 2003. Vol. 17. № 2. P. 278-304.
6. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Город Москва: Сборник документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. Я.А. Онопенко; сост. Е. Д. Алексеева (отв. сост.), В.В. Буркацкий, С.С. Войтиков, С. Д. Гарнюк, С.А. Уваров. – М.: Фонд «Связь Эпох», 2020. – 336 с.
7. Докладная записка бывшего советского контрразведчика И.Х. Аганина в УКГБ по Донецкой области УССР о преступлениях группы ГФП-721, совершенных в 1943–1944 гг. // Там же. – С. 228-239.
8. Обзор преступной деятельности группы ГФП-721 на временно оккупированной территории СССР в 1942–1943 гг., составленный в Институте немецкой военной истории Национальной народной армии ГДР // Там же. – С. 226.
9. Из отчета о деятельности группы тайной полевой полиции ГФП-721 за февраль 1943 г. // Там же. – С. 192.
10. Из отчета о деятельности группы тайной полевой полиции ГФП-721 за февраль 1943 г. // Там же. – С. 192-195.
11. Справка УКГБ по г. Москве и Московской области о преступлениях, совершенных с начала февраля по начало сентября 1943 г. группой ГФП-721 в г. Сталино УССР в период немецко-фашистской оккупации // Там же. – С. 249.
12. Из отчета о деятельности группы тайной полевой полиции ГФП-721 за февраль 1943 г. // Там же. – С. 194.
13. Выписка из отчета фельдполицей-директора тайной полевой полиции группы войск «Юг» Арльта о деятельности полиции в августе 1943 г. // Там же. – С. 197-199.
14. Докладная записка бывшего советского контрразведчика И.Х. Аганина в УКГБ по Донецкой области УССР о преступлениях группы ГФП-721, совершенных в 1943–1944 гг. // Там же. – С. 228-239.

15. Приговор Московского городского суда по обвинению А.И. Юхновского в совершении преступления по ст. 64а УК РСФСР «Измена Родине» // Там же. – С. 294.
16. Акт специальной комиссии по расследованию зверств немецко-фашистских оккупантов на шахте № 4/4-бис в г. Сталино УССР // Там же. – С. 215-223.

УДК 94(477.62) «1943.09/12»:351.824.1:622

В.Л. Агапов

доктор исторических наук,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

e-mail: agarov_donetsk@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ УГЛЕДОБЫЧИ В КОМБИНАТЕ «СТАЛИНУГОЛЬ» В СЕНТЯБРЕ – ДЕКАБРЕ 1943 Г.

Аннотация

В статье исследуются первые шаги ГКО по организации угледобычи на территории Сталинской области, освобожденной в ходе Донбасской наступательной операции, показаны ключевые проблемы, на решении которых были сконцентрированы усилия ГКО, результаты восстановительных работ.

Ключевые слова: ГКО, Донбасс, Сталинуголь, угледобыча.

Summary

The article is devoted to the first steps of State Defense Committee to organize coal mining in the territory of the Stalino region, liberated during the Donbass offensive operation shows the key problems on which efforts of State Defense Committee were concentrated, the results of restoration work.

Keywords: State Defense Committee, Donbass, Stalinugol, coal mining.

Донецкая Народная Республика приближается к знаменательной дате в своей истории – 80-летию освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков. В дни проведения Специальной военной операции общественное сознание постоянно обращается к опыту Великой Отечественной войны не только в поисках ответа на вопрос «Как выстояли и победили?», но для понимания того, как, благодаря чему сумели в кратчайшие сроки восстановить промышленный потенциал Донбасса.

Проблема его восстановления не нова в исторической литературе и довольно обстоятельно освещена. Начало научной историографии проблемы связано с публикацией А.Ф. Хавина «Восстановление промышленности Донбасса в период Великой Отечественной войны» (1956 г.) [1]. Среди наиболее крупных работ, изданных до 1991 г. и в которых затрагивался интересующий нас аспект отечественной истории, отметим монографии В. И. Мавроди «Коммунисты Донбасса в борьбе за восстановление тяжелой промышленности в годы Великой Отечественной войны (1943 - 1945 гг.)» (1962 г.) [2], Н.Ф. Хорошайлова «Коммунистическая партия Украины - организатор

восстановления и развития промышленности Донбасса (1943-1945)» [3]. Само название работ дает представление о предмете изучения авторов данных исследований и их направленности. В последующие годы процесс восстановления угольной промышленности Донбасса изучали А.А. Саржан [4], А.В. Броварь [5] и другие.

Проведенная к 2015 г. сотрудниками Российского архива социально-политической истории работа по оцифрованию документов ГКО позволила активизировать изучение его роли в достижении экономической Победы над фашистской Германией. Увидели свет, в частности, исследования Е. И. Подрепного [6], Н. С. Симонов [7]. Выяснена роль ГКО в восстановлении угольной промышленности Восточного Донбасса [8 - 9], Ворошиловградской области [10]. Деятельность же ГКО по организации восстановительных работ и возобновлению угледобычи на предприятиях комбината «Сталинуголь» не подвергалась предметному изучению. Заполнить этот пробел призвана предлагаемая читателю статья.

Освобождение от врага большей части Сталинской области, ее шахтерских городов и поселков происходило в ходе Донбасской стратегической наступательной операции. Район Красного Лимана был освобожден от врага в результате Ворошиловградской наступательной операции в начале февраля 1943 г., северная же часть Славянского района была частично освобождена в результате Изюм-Барвенковской наступательной операции в июле 1943 г.

1-го сентября 1943 г. войсками 5-й ударной армии Южного фронта был освобожден первый из шахтерских городов Сталинской области – г. Снежное, 8 сентября – была освобождена не только столица Донбасса – г. Сталино, но и Красноармейск, Селидово, Доброполье и другие шахтерские населенные пункты, находящиеся в западной части Сталинской области. Несмотря на то, что бои за освобождение области продолжались еще 11 дней, Донбасс как угольные регион 8 сентября был освобожден полностью.

Дефицит в воюющей стране угля, в том числе коксующегося, перспектива увеличения производства взрывчатых веществ, многочисленных химических соединений на основе коксового газа, выдвигали перед военно-политическим руководством страны в качестве первоочередной задачу восстановления крупнейшего в довоенный период среди угольных объединений СССР, передового в техническом и технологическом отношении комбината «Сталинуголь». Из добытых в 1940 г. в стране 166 млн. т угля на долю горняков Сталинской области пришлось 29,5%. Тогда они добыли 48,9 млн. т угля – 57 % из поднятого на-гора в Донбассе. Комбинат включал 15 трестов, объединявших 152 шахты.

Накануне вступления советских войск в Донбасс, оккупанты вели планомерную работу по его разграблению и уничтожению. 28 августа начался вывоз материальных ресурсов из Сталино. 2-го сентября Остгезельшафт окончательно прекратил угледобычу на Красноармейских шахтах. Повсеместно взрывались устья стволов, подъемные машины, вентиляторные и компрессорные

установки, электрические коммуникации. Оккупанты сбрасывали в стволы шахт вагонетки, электровозы и другое оборудование, намереваясь разрушить крепление стволов, вызвать завалы. Насосы, электрооборудование, электродвигатели, кабель, трансформаторы и т.д., которое в октябре 1941 г. не сумели вывезти в советский тыл горняки комбината или было доставлено в 1942 г. оккупантами из Германии для возобновления угледобычи, демонтировалось. Шахтным оборудованием было загружено 248 вагонов. Всего из района Сталино было вывезено 1 050 вагонов [11]. После того, как советские войска вошли в г. Снежное, газета «Правда» писала: «В городе Снежном немецкие бандиты в ночь перед освобождением города устраивали завалы в шахтах, взрывы, пожары..., горели станционные пакгаузы, бункеры шахт, городские здания». Количество уничтоженной ведомственной площади составило 1 127 тыс. кв. м. В целом, ущерб в угольной промышленности Донбасса исчислялся в 13 млрд. рублей. Уцелели только 12 мелких шахт с суточной добычей 500 т угля.

Руководители комбината «Сталинуголь» во главе с А.Ф. Засядько организационно были готовы к проведению восстановительных работ. Еще до освобождения области Народным комиссариатом угольной промышленности (далее - НКУП) был осуществлен подбор руководящих кадров комбината. В освобожденной 3 сентября Горловке специалисты-угольщики приступили к работе и обследованию шахт уже 6 сентября. 8 сентября приступили к работе специалисты комбината в г. Сталино. 9 сентября были восстановлены в правах и начали работу аппараты трестов «Макеевуголь», «Красногвардейскуголь» и «Советскуголь». Управленцам предстояло выполнить три задачи: определить степень урона, возобновить угледобычу там, где это представлялось возможным, подготовить план восстановительных работ. Руководителям комбината и трестов, начальникам шахт предстояло приступить к формированию трудовых коллективов, проведению инвентаризации, охране уцелевшего имущества, начать очистку от разрушений промышленных площадок.

К середине сентября было установлено, что каждая из шахт комбината лишилась подавляющей части своих производственных фондов. Из 268 надшахтных сооружений были взорваны или сожжены 241 (89,9%). Оккупанты уничтожили 192 копра, 266 машинных зданий, 183 здания трансформаторных подстанций. Были приведены в негодность 154 шахтных ствола протяженностью 15,5 км, 292 подъемные машины, 189 вентиляторов. Перед отступлением оккупанты уничтожили и затопили в шахтах 1900 врубовых машин, 1 209 конвейерных установок, 802 электровоза, 760 насосов, 1 065 скреперных лебедок и 4155 отбойных молотков. Из 526 паровых котлов было выведено из строя 393 (74,7%) [12].

Приблизительно в равной степени пострадал каждый из угольных трестов. В тресте «Артемуголь» не осталось ни одной паровой подъемной машины. Из 26 электрических подъемных машин, которые находились в эксплуатации в довоенный период, в рабочем состоянии не были ни одной, поврежденных было 5. Из 56 имевшихся компрессоров в исправном состоянии был 1, ремонта

требовали 5. Из 22 вентиляторов годными были 2, еще 9 могли быть восстановлены. Часть шахтных стволов была разрушена частично. Из 32-х стволов полностью разрушенных было 5, с разрушенными штреками их было 15, в удовлетворительном состоянии находилось 12 [13].

Таблица № 1

Наличие шахтного оборудования в тресте «Артемуголь» [14]

Машины и оборудование	1.06.1941 г.			1.10.1943 г.					
	Электр.	Паров.	Всего	Электрические			Паровозные		
				Уничт.	Необходим ремонт	годных	Уничт.	Необходим ремонт	годных
Подъемные машины	26	10	36	21	5	-	10	-	-
подъемные лебедки	31	-	31	17	9	2	-	-	-
Вентиляторы	22	-	22	10	9	2			
Насосы	-	-	-	-	14	31	-	4	2
Компрессоры	56	-	56	50	5	1	-	-	-
котлы	-	70	70	-	-	-	25	24	21

Символом Донбасса до и после Великой Отечественной войны была горловская шахта «Кочегарка» треста «Артемуголь». Это было в довоенный период одно из крупнейших в СССР угольных предприятий с ежесуточной добычей 3,2 тыс. т. Осенью 1943 г. поверхностный комплекс «Кочегарки» представлял собой груды развалин. Глыбы взорванного бетона и кирпича затрудняли доступ к шахтным стволам. Деревянные конструкции повсеместно выгорели. Один из копров высотой 35 м обрушился на здание вспомогательного подъема. Взорванный металлический копер оккупанты по мере возможности разрезали и по частям вывезли. Степень разрушений шахтных объектов составляла 50% – 80%. Объем хлама от разрушенных зданий и конструкций, подлежащий расчистке на территории промплощадки, определялся в 5 400 м³. Из общей кубатуры 104185 м³ подлежало восстановлению 28,7% площади.

Что касается подземных коммуникаций, то они были приведены в негодность. Ствол №1 был взорван на глубине 310 м. Ствол №2 остался цел, но требовал серьезного ремонта. Верхнее строение ствола № 3 было взорвано на глубину 6,5 м. Оба поврежденных ствола в своей нижней части были захлаплены разрушенным бетоном, породой и оборудованием. Все подъемные машины были взорваны и восстановлению не подлежали. Тоже можно сказать о 4-х вентиляторах, с той лишь разницей, что два их узла могли использоваться при последующем ремонте сохранившихся. Все 5 компрессоров были также взорваны. В дальнейшем можно было использовать только отдельные их

фрагменты для восстановления 2-х моторов. Из насосных установок неповрежденной была одна, находившаяся над затопленными горизонтами. Из 14 паровых котлов сохранились 5, которые были выведены из эксплуатации еще в довоенный период в связи с необходимостью их ремонта. Остальные были взорваны. Лишь отдельные агрегаты и блоки после ремонта могли использоваться при проведении восстановительных работ. От оборудования шахтной подстанции и распределительной системы неповрежденными были 5 трансформаторов и 12 выключателей. Из 4 подводящих напряжение кабелей 3 были демонтированы и вывезены. Общий размер ущерба, понесенный шахтой, оценивался в 4561,9 тыс. руб. [15].

Шахта «Красный Профинтерн» треста «Орджоникидзеуголь» (г. Енакиево) лишилась 315 отбойных молотков, 56 бурильных молотков, 5 врубовых машин, 8 компрессоров, 9 насосов, 11 котлов с паровыми турбинами, 3 паровых машин, 20 трансформаторов, 186 электромоторов и проч. Потери шахты им. К. Маркса этого же треста составили 380 отбойных молотков, 60 бурильных молотков, 19 насосов, 5 компрессоров, 3 вентилятора, 15 электровозов, 9 подъемных лебедок и т.д. Даже в случае возобновления производственного цикла добытый уголь было бы нечем вывозить на поверхность. До войны для транспортировки угля на обеих шахтах использовались 260 лошадей, 1 700 вагонеток, которыми теперь шахты не располагали. Подобной участи потери производственных фондов избежали только мелкие шахты.

За период оккупации на неработавших шахтах подземные воды не откачивались. Поэтому 90% шахт к началу восстановительных работ были затоплены. Количество воды в шахтах комбината «Сталинуголь» было наибольшим в Донбассе.

Таблица № 2

Объемы затопленных выработок шахт Донбасса (млн м куб) [16].

Комбинат	Всего	В восстанавливаемых шахтах
Сталинуголь	393	370,7
Ворошиловградуголь	244	190,6
Ростовуголь	53	48,7

В горных выработках шахт «Юнком», «Красный Октябрь», «Красный Профинтерн», им. Карла Маркса и № 8 треста «Орджоникидзеуголь» скопилось свыше 20 млн. куб. м воды. Здесь образовался огромный подземный водоем, получивший название Горловско-Енакиевского бассейна. В подземных выработках шахт треста «Макееуголь» скопилось 45 млн. м куб. воды. Вода продолжала заполнять выработки. В области приток воды составлял 75 тыс. м³ в час. Повсеместно в воде находилось оставленное или сброшенное оккупантами

оборудование. Деревянная крепь под действием воды гнила и, как следствие, в силу горного давления шло разрушение выработок. На шахтах треста «Макеевуголь» таковых было 400 км. Тем не менее, на некоторых шахтах верхние горизонты были доступны для угледобычи. Так, на шахте «Кочегарка» вода находилось на глубине 377 м, горизонт 310 м был от воды свободен. Насосная установка на горизонте 310 метров находилась в рабочем состоянии и в последующем была использована для откачки шахты, которая началась только 13 сентября 1944 г. В этот день вода стояла отметке 340 м от поверхности. Через 30 м от зеркала воды находился восстанавливаемый рабочий горизонт.

Специалисты разработали мероприятия по возрождению комбината и добыче угля, используя стратегию, которая реализовывалась ранее в комбинатах «Ростовуголь» и «Ворошиловградуголь» – ввод в эксплуатацию мелких шахт и поэтапное восстановление средних и крупных угольных предприятий. В сентябре добыча шла на 141 мелкой шахте, ранее не входивших в комбинат «Сталинуголь». В сентябре суточная добыча составляла 2500 т – 0,6% довоенной.

После анализа полученной информации о степени разрушений шахт, специалисты пришли к выводу, что в течение 6 месяцев можно будет восстановить 88 шахт, в течение года – 37, через год – 51 шахту [17]. Руководители комбината предполагали в октябре выйти на рубеж 6 тыс. 820 т угля в сутки, в начале ноября – 9015 т. В тресте «Артемуголь» было намечено восстановить 8 основных шахт из 21, в том числе: Кочегарку, №5 им. Ленина, №19-20, Рудуч, 13-бис, Подземгаз, №4–5 и Ново-Кондратьевку. Общее число шахт, на которых в Горловке велись восстановительные работы, составляло 17.

На 1 октября 1943 г. на угольных складах уже находилось 191 тыс. т угля и в глубинных пунктах 320 тыс. т, в том числе в тресте «Снежнянтрацит» – 52 тыс. т, «Орджоникидзеуголь» – 54 тыс. т, «Зуевантрацит» – 40 тыс. т. [18]. На 8 мелких шахтах треста «Артемуголь» было добыто к 1 октября 1943 г. 1700 т угля, а отгружено 180 т. Трудники отрасли столкнулись с проблемой вывоза добытого, которая в значительной мере была связана с разрушениями и демонтажем железнодорожных линий, проведенной оккупантами «перешивки» железнодорожного полотна под западноевропейские стандарты. В условиях осенней слякоти приходилось осуществлять подвозку угля к станциям, используя автотранспорт Наркомата обороны СССР. Автомобильный батальон, насчитывавший 150 грузовиков, по просьбе Первого секретаря ЦК КП(б)У Н.С. Хрущева был передан в помощь угольщикам комбината «Сталинуголь» в соответствии с распоряжением ГКО от 16 сентября 1943 г. «О передаче тылом КА грузовых и легковых автомашин для СНК УССР, предприятий Наркомата угольной промышленности и Наркомата черной металлургии Донбасса...». [19].

Насущным требованием было восстановление шахтных подъездных путей и «перешивки» на широкую колею железнодорожных дорог. В тресте «Артемуголь», к примеру, предстояло восстановить 39 км железнодорожного полотна.

Первый из документов ГКО, принятый после полного освобождения Донбасса и направленный на восстановление экономического потенциала Сталинской области, был подготовлен в Наркомате путей сообщения (далее – НКПС). Речь идет об утвержденном 13 сентября 1943 г. постановлении «О восстановлении и организации движения на железных дорогах Донбасса». Предложенная программа восстановительных работ предполагала их проведение в основном на территории Сталинской области, так как в Ворошиловградской области этому времени были восстановлены и сданы в эксплуатацию более 1 100 километров главного пути, 95 мостов, были перебиты 1 290 км станционных путей, заменены 47 тыс. шпал и т.д. [20].

В соответствии с утвержденной программой восстановительных работ на Северо-Донецкой и Южно-Донецкой железных дорогах перспективу скорой привязки к железнодорожным магистралям получали шахты Горловки, Хацапетовки (совр. Углегорск) и Чистяково (совр. Торез). К 1 октября предусматривалось восстановление участков Харьков - Славянск - Никитовка - Горловка - Иловайск - Ростов; Горловка - Зверево; Горловка - Миллерово; Горловка - Яма (совр. Северск); Дебальцево-Бесчинская (через Чистяково). К 10 октября должны были завершиться работы на участках Горловка - Попасная и Сталино - Константиновка. Принятый документ «отстал» от стремительно развивавшихся событий в полосе наступления Южного и Юго-Западных фронтов. В нем предполагалась программа восстановительных работ на участках Горловка - Мариуполь, Ясиноватая – Красноармейск - Чаплино, Иловайская - Доля «в срок освобождения от противника», хотя и Красноармейск, и Мариуполь, и Доля в этот момент были уже освобождены. Для реализации разработанной программы ГКО утвердил подготовленные НКПС предложения: возвращение из эвакуации в Донбасс 5,5 тыс. работников отрасли, 520 паровозов, командировка 1,5 тыс. чел. работников соседних железных дорог. ГКО дал поручения по материальному обеспечению восстановительных работ Народным комиссариатам черной металлургии, электропромышленности, Главснаблесу и др.

Не в состоянии обеспечить потребности железнодорожников в рельсе, ГКО согласился с тем, что будут разбираться подъездные и стационарные пути эвакуированных и не действующих предприятий, по крайней мере, тех из них, которые в ближайшее 3–6 месяцев реэвакуироваться или восстанавливаться не будут. В Сталинской области местное население к работам не привлекалось, в то время как в Ворошиловградской области предстояло мобилизовать 10 тыс. чел., в Ростовской области – 5 тыс. чел. [21]. ГКО использовал малейшую возможность для оснащения шахтного транспорта техникой и материалами. 17 сентября ГКО дал распоряжение Трофейному комитету выделить НКУП со складов 9 паровозов и 80 вагонов узкой колеи. 3 октября ГКО своим распоряжением предоставил шахтерам 55 трофейных узкоколейных мотовозов, 5 узкоколейных паровозов, 10 км рельсы и 80 вагонеток [22]. В связи с полным разрушением в Сталинской области энергетических предприятий 17 сентября

ГКО утвердил распоряжение о дополнительных мерах по обеспечению оборудованием электростанций, восстанавливаемых в Донбассе и других освобожденных районах.

Опыт восстановительных работ, накопленный ГКО в первой половине 1943 г., показывал, что без обеспечения угольной промышленности рабочей силой, кадрами специалистов достичь результатов нереально. После освобождения Сталинской области начался призыв в Действующую армию мужчин призывного возраста. С целью сохранения на предприятиях мужчин, приступивших к работе или намеревавшихся это сделать, несмотря на то, что в период немецко-фашистской оккупации многие из них трудились на врага, 10 сентября ГКО принял постановление «О прекращении с 12 сентября 1943 г. призыва в Красную Армию рабочих металлургических заводов, угольных шахт и электростанций Донбасса» [23]. Но это важное решение только частично решало проблему обеспечения восстановительных работ рабочей силой. Предстояло исправить ситуацию, которую создали органы Госплана СССР, намеревавшиеся использовать население освобожденных территорий Ворошиловградской, части Сумской и Харьковской областей не только для восстановления угольной промышленности Донбасса, но и для выполнения работ по возведению промышленных объектов на Урале и в Сибири.

В соответствии с предложениями Госплана на восстановление шахт Донбасса предусматривалось мобилизовать 10 тыс. чел., а еще 14,5 тыс. чел. предполагалось вывезти на промышленные площадки Сталинграда, Урала и Сибири. Эти планы были утверждены распоряжениями и постановлениями ГКО «О восстановлении в г. Сталинграде завода № 221 Наркомата вооружения» от 15 июня 1943 г., «Об обеспечении строительства Миасского автомобильного завода имени Сталина Наркомата среднего машиностроения» от 11 августа 1943 г., «О мобилизации 9,5 тыс. человек в сельской местности УССР, ТАССР, БАССР, Калининской и Курской областей для работы на строительстве заводов черной металлургии» от 14 августа 1943 г., а также постановлением Комитета по учету и распределению рабочей силы «О мобилизации 2000 чел. для строительства Губахинского коксхимзавода» от 17 августа 1943 г. Комитет по учету и распределению рабочей силы не осознавал всей сложности демографической ситуации в восточных регионах УССР. В Сталинской области, в которой накануне войны проживало 3388,5 тыс. чел., в ноябре 1943 г. насчитывалось 1 506 тыс. чел., т. е. 47,1% довоенной численности, к декабрю она возросла до 1 577,6 тыс. чел. Особенно сократилось количество городского населения. Если до войны оно составляло 2,5 млн. человек, то в ноябре 1943 г. - 946,8 тыс. чел., сократившись на 62,1%. Количество сельского населения уменьшилось за этот же период на 20,2%. По подсчетам правительства УССР на освобожденной территории проживало только 385 тыс. чел. трудоспособного населения. В это же время, по оценкам ЦСУ, только в государственных учреждениях, кооперативах и колхозах должны были приступить к работе 342,6 тыс. чел. Органы партийно-государственной власти УССР предполагали мобилизовать на

восстановление шахт в 1943 году 125 тыс. чел. из числа трудоспособного сельского населения, а также 50 тыс. призывников старшего возраста.

Установленные предварительные объемы ущерба, который понесла угольная промышленность в освобожденных районах Ворошиловградской и в Сталинской областях убеждали руководителей ЦК КП(б)У, СНК УССР, обкомов КП(б)У в том, что украинский Донбасс столкнется с нехваткой рабочих рук. Н.С. Хрущев обратился к Сталину с письмом, в котором проинформировал о дефиците рабочей силы, необходимости отмены принятых ГКО решений и возможного завоза «некоторого количества рабочих в промышленные районы УССР».

13 сентября 1943 г. ГКО своим постановлением «О мобилизации рабочей силы в освобожденных районах УССР для промышленных предприятий других районов СССР», предполагая необходимость иметь резерв рабочих рук для восстановительных работ, в том числе, угольной промышленности Донбасса [24]. Решение ГКО от 13 сентября 1943 г. только предотвратило усугубление кадровой ситуации в угольной отрасли. Количество подземных рабочих на шахтах области исчислялось десятками. В тресте «Артемуголь» количество подземных рабочих в середине сентября 1943 г. составляло 1 038 чел., из которых забойщиков было 423 чел. [25]. На шахте «Кочегарка» подземных рабочих было 95 чел., из них забойщиков 31, на шахте им. Ленина подземных рабочих было 90 чел., в том числе забойщиков 44, на шахте им. Сталина соответственно 81 чел. и 29 чел. Всего на шахтах Сталинской области в первых числах октября трудились 48 тыс. рабочих [26].

Укомплектованность восстанавливаемых шахт треста «Артемуголь» составляла 44% (трудились 1 октября 1943 г. 4 222 чел. при потребности 9505). Напомним, что до войны только на 3-х шахтах из 12, входивших в трест «Артемуголь» (им. Ленина, Кочегарка и Рудуч) трудились 7,3 тыс. чел. Несколько лучшей была ситуация на действующих мелких шахтах, где коллективы были укомплектованы на 59% (трудились 1 002 чел. при потребности 1695) [27]. Необходимость привлечения в отрасль дополнительных рабочих рук была налицо. В связи с этим в Донбассе началась пропагандистская кампания по вовлечению в отрасль женщин. В Горловке в 1943 г. овладели шахтерскими профессиями 400 женщин. Женщины работали навалотбойщиками, проходчиками, крепильщиками, на водоотливах и подземном транспорте. Но эти чрезвычайные меры не могли решить проблему крайнего дефицита инженерно-технических кадров. Решения об отзыве специалистов-угольщиков, эвакуированных в комбинаты Урала, Сибири и других угольных бассейнов СССР ГКО не принимал. Но 6 октября ГКО дал указание начальнику инженерных войск Красной армии отобрать и направить в распоряжение Главшахтостроя НКУП 50 инженеров-строителей, горных инженеров и инженеров-механиков для их использования на восстановительных работах [28].

Приступившие к работе рабочие поверхности решали несколько задач. Первая из них – расчистка территории предприятий. Работали вручную. Металл резали автогенном. Громадные глыбы железобетонных стен и конструкций взрывали. Хлам разбирали, растаскивали, грузили в автомашины и вывозили на свалки. О сложности проводившихся работ свидетельствует тот факт, что на «Кочегарке» освобождение от завалов шахтной территории завершилась только в мае 1945 г.

Только после расчистки около ствольного пространства горняки приступали к восстановлению вертикальных стволов, наклонных шурфов и штреков. Перед отступлением немцы их минировали, и без помощи саперов приступать к восстановительным работам было невозможно. На шахте «Кочегарка» работы по восстановлению горных выработок начались во второй половине ноября 1943 г. после того, как появилась возможность спускаться в шахту. Бригады, в составе которых было много женщин и девушек, приступили к разборке подземных завалов. В связи с невозможностью отгрузки породы на гора, ее растаскивали в свободное пространство, в соседние выработки, освобождая путь к угольному пласту. Осуществлялось крепление горного пространства. Работы велись в загазованной обстановке из-за отсутствия вентиляции.

Для откачки воды на шахтах, где не было электричества и насосов, использовали барабаны на конной тяге. На мелких шахтах для подъема устанавливались маломощные передвижные электростанции, паровые лебедки. Велось восстановление копров, машинных зданий и надшахтных сооружений. Одновременно велся ремонт пригодных для восстановления механизмов, демонтаж и монтаж электромеханического оборудования. Запчасти для электроподъемных машин, паровых лебедок, паропровода и прочих механизмов собирали на пожарищах, на свалках заводов. На страницах газет пропагандировался опыт горняков шахты «Ново-Мушкетово» треста «Буденовуголь». Они из отдельных узлов машин и механизмов, разысканных на свалках соседних разрушенных шахт, смонтировали две электроподъемные и две паровые машины. Подземная угледобыча в зимних условиях предусматривает обогрев стволов для предотвращения их заледенения с помощью паровых котлов. В описании очевидцев на шахту «Благовещенка» массивный ланкаширский паровой котел площадью 90 м кв. был доставлен следующим образом: «Погрузили котел на большой лафет. Запряглись в лафет 80 женщин и повезли. Местность пересеченная, много спусков и подъемов. На крутых спусках женщины вцеплялись в колеса – живой тормоз. Картина – потрясающая. «Бурлаки» Репина ничего не стоят по сравнению со сценой перетаскивания ланкаширского котла» [29]. Горняки шахты № 15-бис треста «Снежнянантрацит» обнаружили котел на соседней уже не действовавшей шахте № 19. Для его транспортировки были из бревен сделаны сани, были пошиты широкие ляжки для охвата туловища человека и «впрягшись», шахтеры около

шести суток везли котел на свою шахту. Для подъема добытого угля на поверхность, как это делали в XIX в. применяли ворот на конной тяге.

На шахтах пытались решить проблему отсутствия или дефицита электроэнергии. К октябрю на Горловской ЦЭС №1 уже были восстановлены и готовы к пуску 3 котла, конденсационная часть, велись работы по восстановлению котельной, турбин, генераторов, трансформаторов и здания электростанции. Из Рутченково были привезены два турбогенератора и проведен их монтаж. На центральных электростанциях Рутченково и Горловки участвовали в восстановительных работах юноши, направленные в Донбасс из восточных регионов СССР в соответствии с постановлением ГКО от 7 сентября 1943 г. «Об организации из числа учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО бригад государственных трудовых резервов по восстановлению и монтажу энергетических и металлургических предприятий Донбасса». На шахтном дворе «Кочегарки» была смонтирована передвижная паровая электроустановка, которая позволила производить спуски в шахту, электрифицировать некоторые критически важные работы. Передвижная электростанция прибыла в Горловку только в январе 1944 г., а полное обеспечение шахты электроэнергией состоялось в апреле 1944 г. Пока же «Кочегарка» находилась в крайне сложном положении, так как горнякам приходилось делиться небольшим объемом вырабатываемой электроэнергии с машиностроительным заводом им. Кирова, центральными электромеханическими мастерскими и железнодорожной станцией.

26 октября ГКО принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донецкого бассейна». Сталинскому обкому КП(б)У, как и Ворошиловградскому, и Ростовскому обкому ВКП(б), поручалось провести неотложные мероприятия для обеспечения углем железнодорожного транспорта, электростанций, черной металлургии и заводов военной промышленности Юга и центральных районов Советского Союза, мобилизовать для восстановления шахт, заводов угольного машиностроения, шахтных поселков все местные материальные и человеческие ресурсы.

Утвержденная программа была рассчитана на ее выполнение в течение оставшихся месяцев 1943 г. и 1944 г. За это время предусматривалось восстановить 120 основных шахт, в том числе 61 по добыче коксующихся углей. Предполагалось при этом восстановить 209 стволов, из которых в Сталинской области – 105 (50,2%). Их общая протяженность должна была достичь 55,4 км, из них 31,5 км (56,8%) – в Сталинской области. Было установлено задание восстановить 770 км горных выработок, в том числе в Сталинской области 370 км (48%), откачать 117 млн м куб. воды, включая 60 млн м куб. на шахтах Сталинской области. (51,2%). На шахтах комбината «Сталинуголь» предполагалось восстановить и смонтировать 90 подъемных машин из 183 во всем Донбассе (49%), 140 вентиляторов из 327 в Донбассе (42,8%), 440 стационарных и передвижных насосов из 1 040 (42,3%), 52 электрические подстанции поверхности из 120 (43,3%), 135 км линий электропередач из 350

(38,5%). Строители должны были восстановить 70 копров из 192 уничтоженных (36,4%) и из 147, подлежащих восстановлению в Донбассе (47,6%). В I квартале 1944 г. в комбинате «Сталинуголь» предполагалось завершить восстановление 10 шахт восьми угольных трестов («Артемуголь» – шахта Рудуч, «Орджоникидзеуголь» – Великан, «Зуевантрацит» – № 20-бис, «Чистяковантрацит» – 17-бис, «Советскуголь» – Капитальная и др.). Одновременно предполагалось построить в Сталинской области 220 мелких шахт из 400 в Донбассе (55%).

При восстановлении довоенных шахт предусматривалось использование «временных схем». В документе было сказано: «разрешить НКУП в процессе восстановления шахт вносить изменения в технические проекты». Для решения проблема транспортировки угля предусматривалось восстановление 585 км подъездных путей из 880 км в Донбассе (66,4%). Из восточных регионов перегонялись в Донбасс 20 паровозов, возвращалась из числа эвакуированных в 1941 – 1942 гг. часть паровозов и вагонного парка.

Для обеспечения выполнения запланированных объемов работ ГКО обязал НКУП довести численность работников отрасли в Сталинской области до 130 тыс. чел., из которых 70 тыс. предполагалось задействовать при проведении восстановительных работ, а 60 тыс. чел. – на добыче угля. Органы власти УССР должны были мобилизовать для восстановления шахт Донбасса 100 тыс. чел. и 50 тыс. чел. мобилизованных старших призывных возрастов [30]. К марту 1944 г. на шахты области прибыли из сельских районов Сталинской области и других областей УССР более 31 тыс. молодежи [31]. ГКО дал указание НКУП вернуть в Донбасс 1 тыс. руководящих и инженерно-технических работников.

Для выполнения программы привлекались Наркоматы СССР, 10 обкомов ВКП(б). Кемеровский обком ВКП(б) стал инициатором всенародной помощи Сталинской области [32]. Задания получили машиностроительные заводы НКУП. До конца года они должны были изготовить 13 подъемных машин, 250 лебедок, 210 насосов, 15 вентиляторов. К материально-техническому обеспечению шахт был подключен Наркомтяжмаш, который к концу года должен был изготовить 4 подъемные машины, а в 1944 г. – 100. При этом ГКО подчеркнул, что «изготовление и поставка подъемных машин – первоочередная задача Наркомтяжмаша» [33]. Заказы для угольной промышленности были размещены на предприятиях Наркомтанкопрома, Наркомата вооружений, Наркомата минометного вооружения СССР. Наркомат вооружений готовился к производству высоконапорных центробежных и других модификаций насосов, 8 из которых он должен был изготовить в 1943 г. Заводы Наркомата нефтяной промышленности должны были до конца года поставить 40 компрессорных установок. К изготовлению шахтных электромоторов и аккумуляторов для подземных электровозов приступили предприятия Наркомата электропрома.

Расположенные в Сталинской области предприятия Наркомата стройматериалов: Авдеевский песочный карьер, расположенные при станции Фенольная кирпичные заводы «Коммунист» и Пролетарий», кирпичные заводы

в Очеретино и др. получили задания по обеспечению шахт производимой продукцией. Выделенные объемы материальных ресурсов не могли покрыть всех потребностей угольных предприятий, но они создали возможность приступить к восстановлению наиболее требуемых объектов.

ГКО продолжал и в последующем держать вопросы деятельности угольной промышленности, в целом, и угольного Донбасса, в частности, в поле своего внимания. 24 ноября 1943 г. ГКО принял постановление «О срочных мерах по усилению погрузки угля для обеспечения бесперебойной работы железнодорожного транспорта и промышленности в зимних условиях». На последние дни ноября было объявлено проведение дней повышенной отгрузки угля, во время которых с шахт комбината было дано задание вывезти 1128 груженых вагона (с шахт комбината «Ворошиловградуголь» 1152 [34].

ГКО решал организационные вопросы, например, передачу шахты № 74 треста «Орджоникидзеуголь» Горловскому азотному заводу, утвердил уполномоченного по комбинату «Сталинуголь», утверждал планы угледобычи.

Таблица №3

Задания ГКО по добыче угля комбинатам Донбасса на IV квартал (тыс. т)

Комбинат	октябрь	ноябрь	декабрь	Рост в %
Сталинуголь	155,0	261	372	240
Ворошиловградуголь	217,0	290	372	171
Ростовуголь	217,0	232	310	142
Всего	589	783	1054	178

Суточные объемы добычи угля для комбината «Сталинуголь» были установлены на октябрь – 5 тыс. т в сутки, на ноябрь – 10,5 тыс. т, на декабрь – 14,5 тыс. т. Планировалось, что в декабре по объемам угледобычи комбинат «Сталинуголь» сравняется с комбинатом «Ворошиловградуголь», а в дальнейшем превзойдет его.

Основные усилия ГКО были направлены на решение проблем материально-технического обеспечения угледобычи и транспортировки угля. Так, 10 ноября было утверждено распоряжение о мерах по обеспечению производства думпкаров для НКУП на Калининском вагоностроительном заводе в 4 квартале 1943 г., 27 ноября 1943 г. утверждено распоряжение о мерах по укомплектованию автомоторами поставляемых в Донбасс передвижных электростанций. 28 ноября было принято 4 распоряжения: об отгрузке Наркомату угольной промышленности 100 тонн бумаги для патронирования взрывчатых веществ, об отгрузке угольному Донбассу 60 т телеграфной проволоки и оконного стекла, о выделении спецодежды для вновь прибывающих

рабочих, о выделении хлопчатобумажных тканей для пошива спецодежды и постельных принадлежностей для рабочих.

Вновь принимались мера по обеспечению шахт Донбасса электроэнергией в связи с недостатком угля на железных дорогах и на предприятиях базовых отраслей промышленности накануне зимы 1943 - 1944 гг. Многие тресты не справлялись с планами угледобычи. Месячный план в тресте «Буденновуголь» был выполнен на 86,6%; в «Рутченковуголь» – на 94,8%; в «Сталинуголь» – на 93%. Установленные подземным рабочим суточные задания при отсутствии средств механизации были невыполнимы. В тресте «Буденновуголь» забойщики при норме 2,85 т добывали 1,95 т – 68,4% от нормы. Выполнение нормы саночниками составляло 42%. По объективным причинам народное хозяйство ежемесячно недополучало 90 эшелонов угля [35]. На железных дорогах, промышленных предприятиях накануне зимы вследствие дефицита угля началось использование накопленных запасов, что грозило их истощением в ближайшее время.

28 ноября 1943 г. ГКО утвердил документ «О мерах по увеличению отгрузки угля железным дорогам, черной металлургии, электростанциям и оборонной промышленности в зиму 1943–1944 гг. и обеспечению шахт Донбасса электроэнергией». ГКО установил объемы суточной угледобычи. Для комбината «Сталинуголь» он был определен в 12,8 тыс. т («Ростовуголь» – 8,5 тыс. т, «Ворошиловградуголь» – 12,9 тыс. т.). Ежедневно работники шахт комбината должны были загружать 603 вагона («Ростовуголь» – 400, «Ворошиловградуголь» – 607). Органы власти Сталинской области призывались мобилизовать ресурсы области как материальные, так и человеческие для выполнения этой задачи.

В связи с невыполнением постановления от 26 октября «О первоочередном восстановлении энергетического хозяйства Донбасса», ГКО подталкивал региональные органы власти ускорить работы по восстановлению энергосистемы Донбасса. Сталинский облисполком получил указание в течение 2-3 дней осуществить мобилизацию автомобильного и гужевого транспорта, 1 тыс. чел. работников промышленных и сельскохозяйственных предприятий (колхозов, совхозов), которых предполагалось задействовать на работах в течение месяца, прежде всего, для создания линии электропередач ЗуевГРЭС - Шахтинская ГРЭС. Среди мобилизуемых должны были быть 400 плотников и 100 слесарей. К выполнению задания по восстановлению энергосистемы Донбасса были подключены военнослужащие Наркомата обороны СССР и Наркомата среднего машиностроения. НКО должен был для работ в Донбассе мобилизовать в УССР 2 тыс. чел., по состоянию здоровья не прозывавшихся на военную службу, но годных для выполнения физических работ.

С целью форсирования работ по восстановлению Рутченковской, Красноармейской и Горловской ЦЭС НКУП обязывался выделить 300 монтажников. По распоряжению ГКО в Донбасс на временное пользование отправлялись малогабаритные электростанции из Углича и Рыбинска. Из г. Шуя

на шахту «Юнком» треста «Орджоникидзеуголь» был направлен турбогенератор, из г. Тейково Ивановской области – турбогенератор был направлен на макеевскую шахту №1 Щегловка. Передвижная электростанция из Москвы была направлена на рутченковскую шахту 17-17 бис. Оборудование на Чулковскую ЦЭС треста Буденновуголь поступало из Егорьевска (Московская обл.), на Горловскую ЦЭС – из расположенного в Чите овчинно-шубного завода, на Рутченковскую ЦЭС – из Сталинградского деревообрабатывающего завода, на Красноармейскую ЦЭС – из Ярославского электромашиностроительного завода № 655. ГКО распорядился направить в Сталинскую область с Алтайского тракторного завода после ввода на нем стационарного турбогенератора не позднее декабря передвижную электростанцию. На мелкие шахты направлялись локомобили с электрогенераторами, компактные передвижные электростанции и электроустановки [36]. Тем не менее, минимальные объемы электроэнергии не позволяли пока что увеличить темпы восстановительных работ. В декабре 1943 г. механизация очистных работ составляла 16%, на откатке 1,2%, на доставке 24% [37].

Сохранявшееся напряженное положение с крепезным лесом вызвало необходимость принятия 28 ноября Государственным комитетом обороны еще одного постановления – «О срочных мерах по ликвидации напряженного положения с обеспечением крепезным лесом шахт Наркомата угольной промышленности». В соответствии с принятым решением лесозаготовители должны были ежедневно отгружать для шахт Донбасса в период с 1 по 28 декабря 35 вагонов рудничной стойки [38].

В конце 1943 г. трудовые коллективы подводили первые итоги проделанной работы. Результатами своего труда через «Правду» поделились передовики производства шахты «Ново-Мушкетово» треста «Буденновуголь». 24 декабря горняками был выполнен квартальный план угледобычи. На шахте были восстановлены 2 взорванных немцами шахтных ствола, смонтированы 2 электроподъемные и 2 паровые машины, электроподстанция, 2 вентилятора, водоотлив. Заново были построены 2 машинных здания, два детских городка, ясли, столовая, 2 магазина, около 3 тыс. кв. м жилой площади. Заканчивалось строительство 2-этажного здания бытового комбината [39].

Принятая ГКО программа восстановления угольного Донбасса постепенно реализовывалась. В комбинате «Сталинуголь» были расчищены и восстановлены 370 км основных горных выработок. Из 192 разрушенных копров восстановлено было 34 (17,7%), из 292 взорванных подъёмных машин было восстановлено или вновь смонтировано 135 (46,2%). Вместо 189 уничтоженных вентиляторов было установлено 96 новых (50,7%). На место 760 вывезенных или взорванных насосов смонтировали 162 (21,3%). Для энергообеспечения шахт была установлена 91 поверхностная электростанция. Общий объем восстановленных технических зданий и сооружений составил 400 тыс. м³.

В течение нескольких месяцев 1943 г. был создан задел, который позволил горнякам комбината к началу апреля 1944 г. сдать в частичную эксплуатацию не

10, как того требовал ГКО, а 22 основные шахты. В Горловке число работавших шахт составляло 15. В тресте «Зуевантрацит» заработали шахты «Анна», «Виктория» и «Контарная № 2», которые не были включены ГКО в перечень предприятий первоочередного введения в эксплуатацию. В тресте «Советскуголь» вошла в строй и дала первый уголь шахта «Ясиновка». Существенно возрос объем угледобычи. Строились мелкие шахты. 7 ноября в Моспино заложили шахту 13-бис, строительство которой завершилось 5 декабря, угледобыча здесь началась до сдачи шахты в эксплуатацию. Всего было построено или восстановлено 218 мелких шахт, на которых ежедневно добывалось 8 тыс. т угля. В целом, угледобыча возрастала. Если добыча угля в комбинате составила в октябре 168 894 т, то в декабре 421 048 т. Прирост угледобычи за 3 месяца составил 25%. Задание ГКО о добыче в декабре 372 тыс. т угля было перевыполнено на 49 тыс. т. Если в сентябре 1943 г. среднесуточная добыча по комбинату составляла 2,5 тыс. т, то в феврале 1944 г. она достигла 17,5 тыс. т, увеличившись более, чем в 6 раз. Горняки комбината «Сталинуголь» внесли свой весомый вклад в начавшееся возрождение угольного Донбасса, в котором в 1943 г. были восстановлены 466 мелких и 26 основных шахт.

При кажущейся значительности выполненных работ – это был лишь первый шаг по восстановлению отрасли. В 1943 г. комбинатами «Сталинуголь» и «Ворошиловградуголь» было добыто 22,7 млн. т угля, что только на 3,76 млн. т превышало показатель 1942 г. Действующая линия забоя на 1 февраля 1944 г. составляла 16,1 км, но процент выполнения плана составлял 94%. Региональные и местные органы власти УССР не справились с заданием по обеспечению угольной промышленности рабочими руками. Накануне нового 1944 г. рабочих по эксплуатации насчитывалось 35 тыс. чел., рабочих поверхности 15,3 тыс. чел. [40]. К весне 1944 г. на шахты прибыли 31 тыс. чел. вместо 100 тыс. чел., как того требовал ГКО. Среди прибывших было много девушек и женщин – около 10 тыс. чел. В 1944 г. штаты горняков были укомплектованы на 50-65%.

Как на полях сражений, так и на трудовом фронте, вопрос «цены победы» не стоял. В последующем горняки столкнутся с проблемами развития своих предприятий, восстановление которых в 1943-1945 гг. велось по временным схемам. Построенные мелкие шахты вдоль дорог, на территории городов в местах жилой застройки без соблюдения санитарных зон будут являться источником экологической опасности и антисанитарии. Эти мелкие шахты будут приводить к преждевременному нарушению шоссейного покрытия, обрушению зданий, затоплению поселков шахтными водами, вырубке зеленых насаждений, задымлению атмосферного воздуха при самовозгорании угля. Девушки, привлеченные к выполнению мужских профессий забойщика, навалоотбойщика и других, выполняя тяжелую физическую работу, порой теряли здоровье и лишались счастья материнства.

Таким образом, в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны центром принятия решений, определявших экономическую жизнь государства, Донбасса, Сталинской области, в частности, в 1943 г., как и предыдущие военные

годы, являлся не СНК СССР, а ГКО. Опираясь на Наркомат угольной промышленности, уполномоченных представителей в регионе, партийно-государственное руководство Сталинской области и трудовые коллективы, ГКО своей деятельностью обеспечил процесс восстановления угледобычи в комбинате «Сталинуголь». В течение двух военных лет горняки области восстановили 69 основных и свыше 350 мелких шахт, продемонстрировав «героизм... самого упорного, самого трудного героизма массовой и будничной работы» [41].

Ссылки и примечания:

1. Хавин А. Ф. Восстановление промышленности Донбасса в период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1956 № 5. – С. 116-126.
2. Мавроди В. И. Коммунисты Донбасса в борьбе за восстановление тяжелой промышленности в годы Великой Отечественной войны (1943 - 1945 гг.). – М.: Изд-во МГУ. 1962. – 63 с.
3. Хорошайлов Н.Ф. Комуністична партія України - організатор відбудови і розвитку промисловості Донбасу (1943-1945 рр.). – Х.: Вид-во Харк. ун-ту, 1967. 172 с.
4. Саржан А.О. Відбудова паливно-енергетичного комплексу Донбасу у 1943 - 1950-х рр.// Історичні і політологічні дослідження. 2005. №1(23). – С. 222-227.
5. Бровар О.В. Вугільна промисловість Донбасу у 40-60-х рр. ХХ ст.: проблеми соціального розвитку. - Донецк: Юго-Восток, 2009. – 365 с.
6. Подрепный Е. И. Выполняя решение Государственного Комитета Обороны // Военно-исторический журнал. 2018. № 5. – С. 56 - 58.
7. Симонов Н. С. Вопросы энергетической политики в решениях Государственного Комитета Обороны СССР (1941-1945 гг.) // Военно-исторический журнал 2020. № 3. – С. 4-7.
8. Околотин В.С. О мерах Государственного Комитета Обороны по восстановлению угольных шахт Донбасса в январе-марте 1943 г. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2020. № 1/2. – С. 72-78;
9. Агапов В.Л. Первые шаги по восстановлению угольного Донбасса (февраль 1943 г.)
/ Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). – Том 7: Исторические и политические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. – С. 69-71.
10. Агапов В.Л. ГКО – организатор восстановления угольной промышленности Ворошиловградской области. 1943 г. // Журнал исторических политологических и международных исследований. 2022. № 4. – С. 39-56.

11. Горлівка в період Великої Вітчизняної війни та перші повоєнні роки (1941-1950): історичний нарис та джерела / В. Є. Сусликов, Д. М. Титаренко. – Донецьк : Норд-прес, 2010. С.268.
12. Документы обвиняют: Сб. док. о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советских территориях. Вып. II. - М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1945. – С. 259.
13. Госархив ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 48. Л. 143.
14. Там же. Л. 142.
15. Історія Горлівки в документах і матеріалах. Частина 2 / [Шевлякова Т. Ю., Арусланова Н. В., Прохорова Л. Б. та ін]; під ред. Н. О. Савенко. – Донецьк : Донбасс. 2009. – С. 94-109.
16. Восстановление угольной промышленности Донецкого бассейна. М.: Государственное научно-техническое издательство литературы по угольной промышленности Углетехиздат, 1957. Т. 2. – С.88.
17. Советская Украина в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Док. и материалы в 3 т. Т. 2. Украинская ССР в период коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (19 ноября 1942 г. – конец 1943 г.). - Киев: Наукова думка, 1985. – С.347.
18. Там же.
19. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 151. Л. 191.
20. Шаповалов В. А. Восстановление железных дорог востока Украины и юга России в период великой отечественной войны (1943–1945 гг.)/ В.А. Шаповалов, Ю. Ю. Буряк // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3 (39). - [Электронный ресурс] - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovlenie-zheleznyh-dorog-vostoka-ukrainy-i-yuga-rossii-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny-1943-1945-gg/viewer...> (дата обращения 01.03.2023).
21. РГАСПИ. Ф.644. Оп. 1. Д. 151. Л. 6–12.
22. Там же. Д. 152. Л. 41.
23. Там же. Д. 150. Л. 135.
24. Там же. Д. 151. Л. 18–19.
25. Советская Украина в годы Великой Отечественной войны (1941-1945): Док. и материалы в 3 т. Т. 2. Украинская ССР в период коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (19 ноября 1942 г. - конец 1943 г.). — Киев: Наукова думка, 1985. – С. 347.
26. Мавроди В. И. Указ соч. С. 30.
27. Госархив ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 48. Л. 143.
28. РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 157. Л. 31.
29. Гершберг С. Р. Стаханов и стахановцы. М.: Политиздат, 1985. С. 169.
30. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 236. Л. 128–211.
31. Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Сб. док. и материалов. Донецк: Донбасс, 1982. – С. 238.

32. См.: Агапов В.Л. Участие трудовых коллективов РСФСР в восстановлении угольной промышленности Донбасса в 1943 г. // СССР: от рождения до распада. Новые подходы к истории образования СССР: сб. ст. по материалам Всероссийской научно-практ. конференции. Ставроп. гос. аграр. ун-т. Ставрополь, 2022. – С. 14-22.
33. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 236. Л. 141.
34. Там же. Д. 179. Л. 75,76.
35. Бровар О.В. Стан вугільної промисловості Донбасу та її відбудова у 1943 – 1945 рр. // Культура народов Причерноморья. - Симферополь, 2006. №95. С.15.
36. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 181. Л.23, 24.
37. Мавроди В. И. М. Указ соч. С. 28.
38. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 181. Л. 31.
39. Донецкая область в годы Великой Отечественной войны...С. 229.
40. Мавроди В. И. М. Указ соч. – С. 30.
41. Ленин В.И. Великий почин. О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников» // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. – С. 17-18.

УДК 93(571.17+447.61).084.8

А.Н. Ермолаев

доктор исторических наук,

ФГБ НУ «Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук», г. Кемерово.

e-mail: al-ermolaev@yandex.ru

А.А. Зеленин

доктор политических наук,

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

e-mail: aazelenin@yandex.ru

В.А. Овчинников

доктор исторических наук,

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

e-mail: rpcsib@rambler.ru

КУЗБАСС–ДОНБАСС: ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

В статье рассматривается процесс взаимодействия Кузбасса и Донбасса накануне и в годы Великой Отечественной войны. На основе опубликованных и архивных источников приводятся данные об эвакуации промышленных предприятий из Донбасса в Кузбасс в 1941 году, а также оказание помощи Кемеровской областью освобожденным районам Донбасса в 1943 году.

Ключевые слова: Эвакуация, Кузбасс, Донбасс, Великая Отечественная война.

Summary

In the article examines the process of interaction between Kuzbass and Donbass on the eve and during the Great Patriotic War. On the basis of published and archival sources, data are provided on the evacuation of industrial enterprises from Donbass to Kuzbass in 1941, as well as the provision of assistance by the Kemerovo region to the liberated areas of Donbass in 1943.

Keywords: Evacuation, Kuzbass, Donbass, the Great Patriotic War.

Работа выполнена по государственному заданию (Проект № 0286-2021-0012)

Два угольных региона нашей страны Кузбасс и Донбасс имеют длительную историю взаимоотношений. Любопытно, что открытие каменного

угля в них произошло практически одновременно. В январе 1721 года казачий сын Михайло Волков донес в Тобольскую губернскую канцелярию о том, что он нашел на реке Томи вблизи Верхотомского острога «горелую гору», в которой, по его мнению, «добрая серебряная руда». Летом того же года на место, где Волков нашел уголь, была отправлена экспедиция во главе с немецким горным специалистом, П. Прифценым (Бривцыным), которая и привезла образцы сначала в Кунгур, а затем в Санкт-Петербург и сдала их в Берг-коллегию. Здесь то и было установлено, что это не серебряная руда, а каменный уголь. В том же 1721 году ученый путешественник Даниил Мессершмидт, изучавший природные богатства Сибири по личному указу Петра I, обнаружил вблизи города Кузнецка «огнедышащую гору», которая на самом деле представляла собой горящий угольный пласт [1].

Донецкий каменный уголь был открыт в 1721 году арендаторами казенных соляных промыслов капитаном Семеном Чирковым и лантратом Никитой Вепрейским в балке Скелеватой (верховья реки Лугани), находящейся в 25 верстах от Бахмута. Компаньоны, получившие бахмутский солепромысел в откуп, намеренно искали различные горючие минералы, так как лес в окрестностях промысла, используемый для выплавки соли, был практически вырублен. Их поиски увенчались успехами и образцы угля они отправили в бочонках в Камор-коллегию, которая ведала всеми соляными промыслами страны. Оттуда они уже попали в Берг-коллегию, в журнале которой за 20 января 1722 года было записано: «президента государственной Камор-коллегии господина Галицына прислано для объявления разных руд для проб в двух бочонках, да еще в бочонке земляного угля, которые де сысканы близ Бахмутских соляных заводов» [2].

Долгое время каменный уголь не находил применения в промышленности. Только во второй половине XIX века его стали использовать для выплавки железа и изготовления стали. В период советской индустриализации угольная промышленность Донбасса и Кузбасса превратилась в главную отрасль этих регионов, определив вектор социально-экономического развития Сталинской и Ворошиловградской областей УССР и Кемеровской области РСФСР. В тот же период сложились обширные производственные, трудовые, культурные, научные и другие связи этих регионов. Обмен опытом работы между различными шахтами и угольными предприятиями стал массовым явлением. Например, в прокопьевской газете «Забой» от 30 марта 1934 года было опубликовано письмо шахтеров с призывом к шахтерам города Горловки об обмене опытом по добыче угля. Этот призыв был поддержан Прокопьевским горкомом ВКП(б), в резолюции бюро которого было записано: «Бюро горкома рекомендует организовать социалистическое соревнование между отдельными шахтами Горловки и Прокопьевска... Поддержать инициативу отдельных ударников шахт Горловщины о развертывании индивидуального социалистического соревнования отдельными ударниками шахт Горловки и Прокопьевска». На 1 мая были запланированы обмены делегациями шахтеров

Донбасса и Кузбасса с премированием лучших бригад, достигших «высоких качественных и количественных показателей» [3]. Это лишь один из эпизодов из огромного количества фактов взаимодействия шахт и предприятий Донбасс и Кузбасса в период индустриализации.

Настоящим испытанием для всей страны стала Великая Отечественная война. Быстрое продвижение немецко-фашистских войск по территории Советского Союза поставило под угрозу уничтожения целых отраслей промышленности. Уже 24 июня 1941 года вышло Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О создании Совета по эвакуации». 11 июля 1941 года вышло постановление Государственного Комитета Обороны № 99 «Об эвакуации промышленных предприятий». Был утвержден план эвакуации, разработана приоритетность вывоза заводов и фабрик, определены места размещения. Для перевозки оборудования было выделено более 40 тыс. вагонов. Всего за время войны было эвакуировано более 2,5 тыс. предприятий. Они размещались на Урале, в Западной Сибири и Средней Азии.

На территорию Кузбасса было эвакуировано 81 предприятие (или отдельные цехи) из Европейской части страны. Из них значительная часть являлась предприятиями Донбасса. Из Ворошиловградской области в Кузбасс прибыло 6 предприятий. Из Лисичанска в Кемерово был эвакуирован Азотно-туковый завод наркомата химической промышленности. Из города Рубежное в Кемерово прибыл один цех завода № 20 наркомата боеприпасов. В Кемерово был размещен также коксохимический завод наркомата черной металлургии, прибывший из города Кадиевки. Из этого же города в Сталинск был эвакуирован литейно-механический завод. Эвакуированный машиностроительный завод из города Красный Луч был размещен в Прокопьевске. Из поселка городского типа Успенка был эвакуирован Ольховский коксохимический завод, размещенный в городе Кемерово [4].

Из Сталинской области на территорию Кузбасса были эвакуированы 20 промышленных предприятий. Больше всего заводов было эвакуировано из самого города Сталино (ныне Донецк). Это Мушкетовский, Ново-Смоляниновский, Рутченковский и Сталинский коксохимические заводы наркомата черной металлургии, а также Рутченковский рудоремонтный завод наркомата угольной промышленности. Первые четыре завода были размещены в Кемерово, а последний – в Киселевске. Три промышленных предприятия были эвакуированы из г. Константиновка. Из них два коксохимических завода (Константиновский и Староконстантиновский) разместили в Кемерово на площадях Кемеровского коксохима. А цинковый завод был эвакуирован и размещен в г. Белово на базе местного аналогичного завода. По два завода были эвакуированы из Горловки, Макеевки и Краматорска. В Кемерово были размещены горловский завод № 64 наркомата боеприпасов и Азотно-туковый завод наркомата химической промышленности. Новомакеевский коксохимический завод был размещен в Сталинске, а Ханженковский коксохимический завод (пгт. Ханженково, пригород Макеевки) был размещен в

Кемерово. В этом же городе был размещен Краматорский коксохимический завод. А Новокраматорский машиностроительный завод был эвакуирован в рабочий проселок Юрга, расположенный на транссибирской железной дороге.

По одному заводу было эвакуировано из следующих городов: Славянск, Мариуполь, Дзержинск, Дебальцево, Орджоникидзе и Зугрэс. В городе Кемерово были размещены Мариупольский и Щербиновский (г. Дзержинск) коксохимические заводы и часть оборудования Зуевской ГРЭС (г. Зугрес). В Сталинске также были размещены следующие предприятия: Литейно-механический завод «Машчермет» из города Славянска, Дебальцевский машиностроительный завод и Орджоникидзевский цементный завод [5].

Таким образом, на территорию Кузбасса из Донбасса было эвакуировано 26 предприятий, что составляет около трети от всех эвакуированных в Кузбасс заводов. Из числа эвакуированных из Донбасса предприятий было 13 коксохимических заводов, 3 машиностроительных, 2 азотно-туковых, 2 литейно-механических, 2 завода по производству боеприпасов. Кроме того были эвакуированы цементный, цинковый, рудоремонтный заводы и оборудование одной ГРЭС. Заводы были размещены в следующих городах: Кемерово (17 заводов), Сталинск (5 заводов), и по одному заводу было размещено в Белово, Киселевске, Юрге и Прокопьевске.

Новый этап взаимодействия между двумя регионами начался в 1943 году, когда в результате проведения Донбасской стратегической наступательной операции были освобождены от немецко-фашистских захватчиков все населенные пункты Донбасса. 21 августа 1943 года вышло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Позднее вышли несколько Постановлений Государственного Комитета обороны, посвященные этому же вопросу. Со всей страны начались поставки машин, оборудования, предметов первой необходимости, продуктов питания, скота и т.д. на Донбасс. Кемеровская область тоже внесла свой вклад в восстановление этого региона.

В начале сентября 1943 года во всех городах и районах Кемеровской области прошли пленумы горкомом и райкомов ВКП(б), на которых был рассмотрен вопрос об оказании помощи Донбассу. К примеру, пленум Сталинского горкома ВКП(б) прошел 10 сентября. На нем была утверждена городская комиссия по оказанию помощи Сталинской области. Во всех районах города были созданы районные комиссии. На всех предприятиях города проведены внеочередные партийно-комсомольские собрания, митинги с рабочими, беседы и другие мероприятия. На митинге, проведенном на шахте им. Орджоникидзе все рабочие обязались перечислить в пользу Донбасса трехдневный заработок. Рабочие нескольких цехов Кузнецкого металлургического комбината обязались перечислить от двух- до пятидневных заработков. Простые жители города организовали сбор одежды. Причем, как отмечали партийные работники, это была по большей части детская одежда. Всего за две недели в городе Сталинске собрали для отправки на Донбасс 12

станков, 269 электромоторов, 8 врубовых машин, 46 компрессоров и насосов, больше 2 тыс. метров кабелей, более 11 тыс. метров проволоки, тысячи различных запасных частей, более 50 тысячи различных инструментов, огромное количество леса, кирпичей, краски, стальных листов и других строительных материалов. В числе сельскохозяйственных продуктов были более 150 тонн картофеля, 10 тонн свеклы, а также капуста, просо, живой скот. Жители с рабочие сдали тысячи предметов ширпотреба (одежду, обувь, шапок, чайников, тетрадей, книг и т.д.). Кроме того, было собрано 498 838 рублей наличных денег. Город Сталинск взял на себя обязательство подготовить полные комплекты для 2 школ, яслей, здравпункта, аптеки, санбаклаборатории и хирургического кабинета [6].

Столица Кузбасса город Кемерово также включился в сбор помощи для Сталинской области. По данным на октябрь 1943 года рабочие и жители города Кемерово собрали 1 945 тыс. рублей денег, 779 тонн картофеля, 123 тонны овощей, а также несколько сотен голов скота, большое количество одежды и обуви. Кроме того, город собрал мебель и оборудование для 1 детского сада и 1 школы. В числе промышленного оборудования были станки, насосы, отбойные молотки, электродвигатели, колеса для вагонов, железо кровельное, десятки тысяч ручных инструментов и запчастей. Почти 40 станков было демонтировано с Азотно-тукового завода, комбината № 392, завода № 319, завода «Карболит» и других предприятия для отправки в Донбасс [7].

22 сентября 1943 года пленум Кемеровского обкома ВКП(б) постановил: «считать организацию помощи Сталинской области одной из первоочередных задач партийных и хозяйственных организаций». Через два месяца были подведены промежуточные итоги. За это время Кемеровская область собрала для отправки в Донбасс: 232 станка, 294 генератора и электромотора, 9 218 различных сложных инструментов. Колхозники области выделили 580 лошадей, 4 900 голов крупного рогатого скота, 12 тыс. овец, 4,5 тыс. центнеров зерна, 5 тыс. тонн картофеля и овощей, 1 800 единиц различного сельхозинвентаря. Трудящиеся области внесли 9 288 тыс. рублей денег, собрали 1 545 пар обуви, 415 пар валенок, 1635 предметов детской одежды, 67 тысяч предметов домашнего обихода. Кроме того, Кузнецкий металлургический комбинат взял персональное шефство над восстановлением Енакиевского металлургического и коксохимического заводов. Кемеровский коксохимический завод взял шефство над Рутченковским коксохимическом заводом. Для оказания помощи в восстановлении хозяйства из Кузбасса в Донбасс было командировано 111 ответственных партийных и хозяйственных работников [8].

В октябре 1943 года состоялось Постановление Исполкома Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся и Областного комитета ВКП(б) «О передаче скота, зерна и продуктов колхозами и колхозниками Кемеровской области, а также денежных средств в помощь восстановления Сталинской области». Согласно этому постановлению на Донбасс немедленно отправлялись все 580 лошадей. Весь крупный рогатый скот, овцы, свиньи и птицы решено

было оставить в Кемеровской области до весны 1944 года. В связи с этим, приказано было вести учет этих животных и следить за тем, чтобы они были обеспечены кормами, хорошо содержались и не пали. Все продукты питания (зерно, овощи и т.д.) решено было хранить на заготовительных пунктах и по мере выполнения колхозами обязательств перед государством, отправлять в Донбасс. Все денежные средства, собранные жителями, решено немедленно «передать конторам Госбанка на текущий счет комитета при Совнархозе СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» [9].

После этого Постановления работа по сбору помощи Донбассу не прекратилась. В октябре 1943 года к ней подключились различные крупные структуры, существующие в Кемеровской области. Например, согласно записке начальника политотдела Сиблага НКВД (расположен в г. Мариинске) Зайцева были проведены собрания сотрудников Сиблага, на которых решено включиться в сбор помощи Сталинской области. Особое внимание актив обращал на сбор продуктов питания и животных. В результате к 15 октября было собрано 435 тыс. рублей, 110 тонн картофеля, больше сотни голов крупного рогатого скота и свиней, а также около 800 кур, гусей и уток. Все продукты и животные были приготовлены к отправке в Донбасс [10].

Продолжилась работа по сбору средств для Сталинской области в городах и районах Кузбасса. Так, в городе Прокопьевске 21 ноября было проведено специальное «инструктивное совещание» секретарей парторганизаций шахт, предприятий и учреждений города. По всем предприятиям и шахтам была проведена работа «по выявлению неиспользованного и малозагруженного оборудования, инструмента и материала для передачи Сталинской области». По инициативе комсомольцев на всех предприятиях города была развернута работа по «изготовлению в нерабочее время оборудования, инструмента, обуви и одежды для предприятий Донбасса». Население города охотно откликнулось на призыв сдавать книги, учебники и учебные пособия для школ. Всего было собрано более 2 тыс. учебников. Городской отдел народного образования собрал все эти пособия, определив, что их хватит для комплектования одной школы на 400 детей. Прокопьевский горздрав выделил мебель и инструменты для организации хирургического кабинета [11].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны взаимодействие Кузбасса и Донбасса находилось на высоком уровне. В начале войны из Ворошиловградской и Сталинской областей в Кузбасс было эвакуировано 26 крупных предприятий, половина из которых представляла коксохимические заводы. Это составляло около трети от всех эвакуированных в Кузбасс заводов. Эвакуация проводилась в сложнейших условиях осенью 1941 года. Оборудование часто выгружалось на неподготовленные площадки и начинало работать еще до того, как были выстроены помещения. Трудовых ресурсов было недостаточно [12]. После освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков осенью 1943 года Кузбасс оказал огромную помощь в

восстановлении региона. Из Кемеровской области были отправлены сотни эшелонов с оборудованием, продуктами питания, одеждой и обувью, предметами первой необходимости. Помощь Донбассу стала действительно всенародной. Многие рабочие отдавали свои 3–5 дневные заработки в пользу жителей Донбасса. Население собрало миллионы рублей. Все это сыграло важную роль в восстановлении Донбасса.

Ссылки и примечания

1. История Кузбасса: в трех томах. Т. I: Земля Кузнецкая в XVII–XIX веках / А. Н. Ермолаев, А. Ю. Карпинец, Н. М. Морозов и др.; под науч. ред. А. Н. Ермолаева. Кемерово, 2021. С. 77–78.
2. Подов В. И. История Донбасса. Т. 1. Донбасс в XVII–XVIII веках. Луганск, 2004. С. 146–147.
3. Государственный архив Кузбасса (ГАК). Ф. П-26. Оп. 3. Д. 52. Л. 121–121 об.
4. Подсчитано по: Шуранов Н. П. Кузбасс: все для фронта. Кемерово, 2005. С. 58–62.
5. Подсчитано по: Шуранов Н. П. Кузбасс: все для фронта. Кемерово, 2005. С. 58–62.
6. ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 40. Л. 13–15.
7. ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 40. Л. 25–26.
8. ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 40. Л. 11–12.
9. ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 26. Л. 64–65.
10. ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 40. Л. 24.
11. ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 40. Л. 30–31.
12. Шуранов Н. П. Кузбасс: все для фронта. Кемерово, 2005. С. 62–74.

УДК 94:364.3:2-486.7(477.6)«1943/1953»

Т.Ю. Людоровская

кандидат исторических наук,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

e-mail: t.ludorov@mail.ru

ОКАЗАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ДЕМОБИЛИЗОВАННЫМ И ИНВАЛИДАМ В ДОНБАССЕ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Аннотация

В статье анализируется одно из направлений социальной политики советского правительства в первое послевоенное десятилетие в оказании социальной помощи отдельным слоям населения – инвалидам, демобилизованным, семьям погибших воинов и детям-сиротам на территории Донбасса. Рассмотрены мероприятия по улучшению жилищных условий, предоставления кредитов на жилищное строительство, а также изучены основные нормативно-правовые документы по исследуемой проблеме. Установлено, что в первое послевоенное десятилетие в Донбассе на всех уровнях власти уделялось большое внимание по оказанию социальной поддержке и помощи слабозащищенных категорий населения.

Ключевые слова: социальная поддержка, помощь, демобилизованные, инвалиды, погибшие воины, Великая Отечественная война, Донбасс.

Summary

The article analyzes one of the directions of the social policy of the Soviet government in the first post-war decade in providing social assistance to certain segments of the population - disabled, demobilized, families of fallen soldiers and orphans on the territory of Donbass. Measures to improve housing conditions, the provision of loans for housing construction are considered, as well as the main regulatory documents on the problem under study are studied. It has been established that in the first post-war decade in Donbass, great attention was paid at all levels of government to providing social support and assistance to vulnerable categories of the population.

Keywords: social support, assistance, demobilized, disabled, dead soldiers, the Great Patriotic War, Donbass.

В осуществлении социальной политики советского государства в послевоенный период важным направлением была помощь семьям бывших военнослужащих, погибших воинов, демобилизованным и инвалидам Великой

Отечественной войны. Семьям, потерявшим кормильцев, не хватало материальной поддержки, и к 1945 г. правительство страны отчасти переложило эту функцию на себя.

Исследование темы помощи семьям демобилизованных и инвалидам войны представляется животрепещущим, поскольку опыт и практика послевоенных лет может быть использована государством в качестве позитивной реализации одного из направлений социальной политики после окончания современных боевых действий.

Целью публикации является рассмотрение основных методов оказания социальной помощи отдельным категориям населения, в частности, инвалидам, демобилизованным, семьям военнослужащих, осуществляемую на территории Донбасса в первое военное десятилетие.

Научной разработкой изучаемой тематики в разные годы занимались как историки, так и социологи. Опубликованные научные изыскания касаются как общих вопросов оказания социальной поддержки в СССР, так и рассмотрены особенности их реализации в Донбассе. Среди трудов, посвященных исследованию некоторых аспектов проблемы, можно выделить работы И.Ф. Кононенко [1], Г.М. Гордиенко [2], Т.М. Удаловой [3] и пр. Тем не менее, освещение проблемы оказания социальной помощи отдельным слоям населения Донбасса в 1945-1955 гг. требует более глубокого и всестороннего анализа.

Источниковедческой базой исследования стали материалы Государственного архива Донецкой Народной Республики, нормативно-законодательные акты и Постановления Совета Народных Комиссаров, а также статьи газеты «Социалистический Донбасс» в изучаемый период.

После освобождения территории региона от немецко-фашистских оккупантов, по мере восстановления экономики края, социальная помощь инвалидам и демобилизованным расширялась. Выражалась она, прежде всего, в предоставлении более гибких условий труда, льготного медицинского обслуживания, улучшении жилищных условий и т. д.

Согласно архивным данным, в декабре 1943 г. в Сталинской области всего было взято на учет 499 инвалидов разных групп: 1 группы – 23 чел., 2 группы – 235 чел., 3 группы – 119 чел. [4].

Основным документом по оказанию социальной помощи инвалидам, демобилизованным военнослужащим и семей военнослужащих являлось Постановление Совета Народных Комиссаров от 21 сентября 1945 г. № 2436 «О мероприятиях по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам Отечественной войны и семьям военнослужащих», в котором были представлены меры по решению задачи улучшения жизни данных групп населения. Постановлением определялись мероприятия, направленные на улучшение качества жизни перечисленных категорий населения [5].

В октябре 1945 г. в периодических изданиях Донбасса сообщалось о введении дополнительных льгот и материальной помощи семьям погибших воинов, инвалидам Великой Отечественной войны, семьям военнослужащих и

демобилизированных. Так, дети военнослужащих, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, и дети инвалидов Великой Отечественной войны I и II групп освобождались от платы за обучение в 8-10 классах средних школ, вузах и техникумах [6].

В связи колоссальными разрушениями немецкими захватчиками жилого фонда региона тысячи семей фронтовиков остались без крова. По архивным данным, в течение года с момента освобождения Сталинской области семьям фронтовиков было предоставлено 15 515 квартир, построено 972 дома и отремонтировано квартир и домов 20 889 семьям. В документах зафиксировано, что за отчетный период 1943/1944 гг. всего было выдано 2 405 м куб. строительного леса; для семей военнослужащих было завезено угля – 60 681 т, дров – 25 808 м куб. и прочего топлива – 3 645 т [7].

Еще одним шагом по оказанию социальной помощи в городах и рабочих поселках Донбасса было выделение кредитов на жилищное строительство семьям участников Отечественной войны в коммунальных банках и их отделениях, а где их не было – в филиалах Государственного банка, о чем сообщалось в статье газеты «Социалистический Донбасс». В сельской местности ссуды выдавались учреждением Сельхозбанка и филиалами Государственного банка. Указывалось на то, что члены семей, занятые на производстве, могли получать кредиты через предприятия, на которых они работали [8].

В течение 1945 – 1953 гг. на территории Донбасса исследуемым категориям семей осуществлялась выдача пайков сверх установленных норм (детям военнослужащих и демобилизованных) в количестве 3,5 млн. штук с определенным распределением: выделялись хлопчатобумажные ткани, мелкое и крупное кожсырье, вата, шерсть для изготовления одежды и обуви и дальнейшей их продажи через торговую сеть по специальным спискам, составляемым отделами по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и отделами социального обеспечения и утверждаемыми районными (городскими) исполкомами [9].

По информации Сталинского обкома КП(б)У в ЦК ВКП(б) «О работе советских органов и местных партийных организаций области по оказанию помощи семьям военнослужащих» в целом в результате проведенных организационных мероприятий партийные, советские, профсоюзные и хозяйственные организации области провели огромную работу в деле поддержки и оказания материальной помощи семьям фронтовиков и военнослужащих. В итоге месячника, отработки воскресников трудящимися, организации концертов и постановок поступило в фонд помощи семьям военнослужащих 6 648 016 руб. и несколько тысяч тонн различного продовольствия [10].

Многодетные семьи фронтовиков за счет государства и местных организаций были освобождены от уплаты налогов и сдачи поставок на сумму до 90 млн. руб. Десятки тысяч хозяйств колхозников получили льготы по поставкам сельхозпродуктов. Семьям фронтовиков было завезено 112 500 тонн угля и до 25 тыс. кубометров дров [11].

В 1944 – 1947 г. в Донбассе семьям военнослужащих было выдано 183 млн. руб. в виде пособий и пенсий. Отделами государственного обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих были организованы специальные фонды помощи нуждающимся семьям фронтовиков. В результате работы фондов было собрано более 17 млн. руб. Кроме того, семьи фронтовиков получили более 7 тонн зерна, подсолнуха, овощей и картофеля, 14 тыс. килограммов жиров, свыше 100 тыс. литров молока, более 17 тыс. яиц, до 20 килограммов мясных продуктов и рыбы, до 7 тыс. килограммов меда и кондитерских изделий, 9 500 килограммов фруктов и более 27 тыс. килограммов различных бакалейных товаров. Из промтоваров семьям военнослужащих было выдано: 295 тыс. метров мануфактуры, 40 тыс. предметов различной готовой одежды, 33 тыс. пар обуви и более трех тысяч пар галош. Большая помощь также оказывалась семьям фронтовиков в ремонте и строительстве домов. Всего за год было построено более 3 тыс. домов, отремонтировано до 35 тыс. квартир [12].

Согласно Постановлению № 2417 Совета Министров СССР «О порядке оплаты путевок в санатории и дома отдыха Министерства Вооруженных Сил СССР, Министерства Внутренних Дел СССР и Министерства Государственной Безопасности СССР», от 7 июля 1947 г. обозначалась дифференциация оплаты путевок: так, генералы и офицеры должны были выплатить 25% от стоимости, члены их семей платили в размере 50% от цены путевки; старшинам, сержантам, солдатам и матросам срочной и сверхсрочной службы путевки предоставлялись бесплатно [13].

Спустя 5 лет была введена в действие «Инструкция о порядке отбора и направления военнослужащих, членов их семей, пенсионеров и вольнонаемного состава в санатории и дома отдыха Военного Министерства СССР» Приказом Военного Министра СССР от 10 марта 1952 г. № 20. Согласно этой инструкции, определялись лица, которые получали путевки (генералы и офицеры, члены их семей; генералы и старшие офицеры, уволенные в запас или в отставку с правом получения пенсии, а также члены их семей; сержанты и солдаты сверхсрочной и срочной службы; лица вольнонаемного состава и другие). Жены и дети военнослужащих в ней определялись как лица, состоящие на иждивении и имеющие право на санаторное лечение и организованный отдых. Инструкция также определяла порядок распределения санаторных билетов: из общего количества путевок в санатории и дома отдыха выделялось для генералов, офицеров и пенсионеров Военного Министерства – 75%, для вольнонаемного состава – до 5%, для членов семей генералов и офицеров – 20%. Таким образом, можно констатировать факт повышенного внимания со стороны государства к вопросу социальной поддержки высшего начальствующего состава Советской Армии [14].

Наряду с оказанием материальной помощи семьям военнослужащих партийные и советские органы провели большую работу по трудоустройству членов семей военнослужащих и по определению детей в детские учреждения. За отчетный период трудоустроено членов семей военнослужащих – 90 370 чел.,

определено детей в детские учреждения – 56 716 чел., в том числе: в детские ясли – 33 952 чел., в детские сады – 16 355 чел., детские площадки – 2 995 чел. и в детские дома – 3 414 чел. В Сталинской области в указанный период зарегистрировано 9 116 детей-сирот, из них 3 414 были определены в детские дома, в колхозные патронаты – 371, на индивидуальном патронате – 2 517, усыновлено – 505, установлена опека над 1140, трудоустроено детей старших возрастов 698 и 171 ребенок находился у родственников [15].

В 1945 – 1950 гг. особое внимание уделялось заботе о детях офицеров–фронтовиков, погибших военнослужащих, шахтеров, инвалидов Отечественной войны, матерей-одиночек. Так, в 1945 г. заведующий военным отделом Петровского райкома партии товарищ Цурканенко отмечал, что трудящиеся района собрали 303 тыс. руб. в фонд помощи детям фронтовиков. В дни октябрьских торжеств дети воинов Красной Армии получали праздничные подарки: конфеты, пряники, печенье. Для детей погибших выделялись специальные дополнительные продовольственные пайки: мука, жиры, сахар, кондитерские изделия. В военторге г. Мариуполя функционировало свое рыболовецкое хозяйство [16].

Таким образом, в первое послевоенное десятилетие в Донбассе государственными органами всех уровней уделялось большое внимание оказанию поддержке и помощи инвалидам Отечественной войны, демобилизованным, семьям погибших воинов в виде как материальной помощи, так и организации отдыха, и трудоустройства. В целях поддержки семей военнослужащих, погибших фронтовиков и инвалидов Великой Отечественной войны оказывалась помощь в улучшении материально-бытовых условий как отделами гособеспечения, так и различными организациями. Наряду с проводимой работой по трудоустройству демобилизованных и удовлетворению их запросов, партийные, советские и хозяйственные организации принимали ряд мер по оказанию помощи семьям погибших фронтовиков и инвалидам Великой Отечественной войны.

Ссылки и примечания:

1. Кононенко И.Ф. Изучение состояния здоровья инвалидов Отечественной войны на Украине / И.Ф. Кононенко // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды II конференции (17-19 декабря 1946 г.). – М. – 1948. – Т. 2.
2. Гордієнко Г.М. Заходи радянської держави щодо соціального забезпечення інвалідів Вітчизняної війни в УРСР в 1942-1948 рр. / Г.М. Гордієнко // Науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах «Грані». – Дніпропетровськ, 2012. – №5 (85). – С. 27.
3. Удалова Т.М. Особенности проведения трудовой экспертизы и начисления пенсий инвалидам Донбасса в годы войны (1941-1945 гг.) // Журнал

исторических, политологических и международных исследований № 2 (56) 2015. – С. 71-81.

4. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР). Ф. 326. Оп. 2. Д. 93. Л. 87.
5. Постановление СНК № 2436 «О мероприятиях по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам Отечественной Войны и семьям военнослужащих» от 21 сентября 1945 года // Интернет-архив законодательства СССР. URL: https://ru.wikisource.org/wiki_21.09.1945_2436.
6. Социалистический Донбасс – 4 апреля 1945 г. – С. 18.
7. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 1. Д. 961. Л. 20.
8. Социалистический Донбасс – 13 октября 1945 г. – С. 9.
9. Андрущенко О.Е. Социальная политика СССР в отношении военнослужащих и их семей в послевоенные годы (1945–1953)// Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2016. – Т. 10, № 1 – С. 19.
10. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 1. Д. 961. Л. 20.
11. Социалистический Донбасс– 6 марта 1945. – С. 3.
12. Социалистический Донбасс – 1 января 1947 г. – С. 11.
13. Постановление Совета Министров СССР № 2417 «О порядке оплаты путевок в санатории и дома отдыха Министерства Вооруженных Сил СССР, Министерства Внутренних Дел СССР и Министерства Государственной Безопасности» от 7 июля 1947 года. URL: libussr.ru: Интернет архив законодательства СССР. 2011-2015. – С. 5.
14. Инструкция о порядке отбора и направления военнослужащих, членов их семей, пенсионеров и вольнонаемного состава в санатории и дома отдыха Военного Министерства СССР. URL: libussr.ru: информ-правовой портал. 2007 – 2015. – С. 10.
15. Касьянова Н. Н. Борьба с беспризорностью и безнадзорностью на Донбассе (1943-1953 гг.) – Донецк: «ДонНУ», 2010. – С. 14.
16. Социалистический Донбасс – 30 октября 1945 г. – С. 6.

УДК 908:691-4(477.6)

В.П. Землянская

ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей»

e-mail: drkm-official@yandex.ru

Д.В. Пилипенко

ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей»

e-mail: drkm-pamyat@yandex.ru

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ МОНУМЕНТА «ОСВОБОДИТЕЛЯМ ДОНБАССА»

Аннотация

В статье рассмотрена история создания памятника, проанализированы сложности при возведении монумента, а также названы участники строительства и авторы проектов монумента. Раскрыты все этапы возведения памятника – от идеи создания до реального воплощения.

Ключевые слова: *памятник, монумент, Донбасс, конструкция, скульптура.*

Summary

The article examines the history of the monument's creation, analyzes the difficulties in the building process, names, those who participated in its construction and the authors of the monument's projects. The paper traces all stages of the monument's creation – from the initial idea to the final embodiment.

Keywords: *monument, Donbas, construction, sculpture.*

Сохранение исторической и культурной памяти приобрело в наши дни особую актуальность. Историческое наследие Донбасса, сформированное разнообразными формами, связано с этапами развития не только Донбасса, но всей России, и требует особого внимания. Важной частью коллективной памяти следует признать произведения изобразительного искусства, отражающие современную им социокультурную реальность. В культурных традициях многих народов они выступают средством объединения общества, визуализируя идеи и духовные ценности.

Значение памятников монументального искусства, их роль в сохранении традиций – активно разрабатываемая тема. Изучение памятников истории и культуры Донбасса позволяет не только обеспечить приращение научного знания, но и способствует самоидентификации жителей региона. Детальное рассмотрение самого процесса создания монументальных памятников расширяет представление

об их потенциале в деле консолидации общества вокруг исторически значимых событий.

Целью данной публикации является изучение истории создания монумента «Освободителям Донбасса» как части историко-культурного наследия Донецкого региона.

Истории создания монумента в разные годы уделили внимание донецкие краеведы А. Жаров, Е. Ясенов, Д. Заборин [1–3]. К данной теме обратился В. В. Разумный в контексте изучения боевых действий в Донбассе и увековечения памяти о событиях Великой Отечественной войны в регионе, отметив отдельные публикации в периодической печати [4].

Однако исследований этих авторов недостаточно для всестороннего и комплексного освещения истории создания памятника «Освободителям Донбасса».

Источниковедческой базой исследования стали материалы научно-методического отдела охраны памятников истории и культуры ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей», в частности, отчеты о натурном осмотре объектов и памятников культурного наследия Киевского района г. Донецка [5–6], официальные и мемуарные документы [7].

День освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков является одним из важнейших событий в истории нашего края. Донецк в сознании жителей региона ассоциируется с Великой Победой в Донбассе и всемирно известными памятниками этой Победы. Сохранение таких памятников и усвоение информации, заложенной в них, – одна из важнейших задач не только жителей Донбасса, но и всего человечества, которое не должно забывать уроки Великой Отечественной войны.

Внимание к проблемам памяти было одной из приоритетных тем советского государства. В январе 1967 г. было принято совместное решение Компартии и правительства СССР о плане сооружения в 1967–1970 гг. памятников, имеющих общегосударственное значение, в честь выдающихся деятелей и крупнейших событий в истории народов СССР [8]. Идея создания памятника, посвященного советским воинам, погибшим при освобождении Донбасса от немецких захватчиков, была поддержана в Украинской ССР [9].

События Великой Отечественной войны оставили неизгладимый след в донецком крае. 21 октября 1941 г. немецко-фашистские войска полностью захватили город Сталино. За время оккупации 1941–1943 гг. было уничтожено по различным данным от 75 до 125 тыс. мирных граждан, сотни тысяч жителей были угнаны в немецкое рабство. В районе Белого карьера (Ленинский район г. Донецка) было место, куда согнали всех евреев города, вначале их использовали для общественных работ, а потом уничтожили. Гитлеровцами было также устроено множество лагерей военнопленных. Ответная реакция на жестокость захватчиков не заставила себя ждать, местные жители начали создавать партизанские отряды и подпольные группы. Силами этих групп велась антифашистская пропаганда, проводились диверсии на промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте [10].

8 сентября 1943 г. для жителей города наступил долгожданный день: войска Южного и Юго-Западного фронтов отбили у немцев Донецкий бассейн, важнейший угольный и промышленный район страны, и овладели областным центром Донбасса городом Сталино. Отступая, немцы взорвали шахты, заводы, сожгли трамвайный и троллейбусный парки, уничтожили школы и институты. Ущерб, причиненный городу, составил почти 4 млрд. рублей. В городе осталось лишь 175 тыс. жителей из более чем полумиллионного населения довоенного времени [11].

Ежегодно 8 сентября жители Донбасса отмечают День освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Одно из значимых мест, где сейчас проводятся массовые мероприятия в Донецке, посвященные Дню Победы и Дню освобождения Донбасса, – это монумент «Освободителям Донбасса».

Данный мемориал – один из самых больших по величине памятников в Донецкой Народной Республике – находится в парке культуры и отдыха Киевского района (бывш. парк имени Ленинского Комсомола). На памятных плитах возле него перечислены все части и соединения Красной Армии, участвовавшие в освобождении Донбасса от фашистов.

Это своеобразное олицетворение Донбасса: на острых железобетонных плитах, символизирующих грани донецких терриконов, стоят фигуры воина и шахтера с мечом и знаменем. У основания монумента зажжен «Вечный огонь». На одной из стен расположена надпись: «1943. Твоим освободителям, Донбасс». На другой – установлена скульптурная группа, перечисляются даты освобождения населенных пунктов. Скульптуры изготовлены из меди, их высота составляет 18 м, общая высота монумента вместе с постаментом и знаменем более 30 м. Символическое значение имеют выбранные для облицовки материалы: постамент снаружи облицован черным гранитом и поднимается к монументу от поверхности земли под наклоном, что символизирует пласты каменного угля, пробивающиеся на поверхность сквозь землю [12].

Процесс создания памятника был продолжительным. От момента выбора места для него и до торжественного открытия прошло 16 лет.

6 сентября 1968 г. тысячи людей собрались на бульваре Шевченко у высокого берега над Кальмиусом. Люди пришли на торжественный митинг, посвященный большому и волнующему событию – закладке камня на том месте, где будет сооружен памятный монумент в честь воинов Советской Армии, освободивших Донбасс от гитлеровских захватчиков. Надпись на камне гласила: «Здесь будет сооружен монумент бойцам Советской Армии, павшим в боях за освобождение Донбасса от гитлеровских захватчиков» [13]. Также было зачитано решение горисполкома о приеме в почетные граждане Донецка бывшего командира 50-й гвардейской Донецкой стрелковой дивизии гвардии генерал-майора в отставке А.С. Владычанского и бывшего командира 301-й стрелковой Донецкой дивизии Героя Советского Союза генерал-майора в отставке В.С. Антонова [14]. Но, как оказалось, это был не окончательный вариант места возведения монумента.

В итоге было решено возводить монумент в парке имени Ленинского комсомола. Место это выбрал архитектор Владимир Кишкань. И нужно сказать, что место было выбрано удачно, памятник просматривается с большого расстояния.

Над монументом начал работать коллектив киевских скульпторов, но дальше стадии разработки идеи их работа не продвинулась.

В 1976 г. был создан авторский коллектив в составе: скульпторов – Юрия Ивановича Балдина и Александра Николаевича Порожняка, архитекторов – Владимира Петровича Кишканя и Михаила Яковлевича Ксеновича, инженера-конструктора – Ефима Леонидовича Райгородецкого. В 1978 г. этот коллектив был официально утвержден. Группой руководил Владимир Петрович Кишкань, которому принадлежало большинство идей по созданию монумента. Разработки проекта велись параллельно в Донецке и Киеве, но Владимир Кишкань убедил чиновников в том, что памятник нужно создавать силами не киевских, а донецких авторов. По воспоминаниям Александра Порожняка, было более десятка вариантов памятника, но в Киеве к ним относились придирчиво. В октябре 1982 г. появилась концепция соединения фигур воина и шахтера [15].

Памятник с похожей концепцией, точнее, идеей использовать фигуры воина и шахтера, был установлен 8 сентября 1944 г. В первую годовщину освобождения г. Сталино от немецко-фашистских захватчиков перед оперным театром был открыт «Памятник героям, павшим за освобождение Донбасса», который представлял собой обелиск, квадратный в сечении, у подножья которого на постаменте располагался скульптурная группа – шахтер-подпольщик и красноармеец. Памятник был изготовлен из белой глины, которую привезли из Евдокиевского карьера. На металлический проволочный каркас наносилась глина и таким образом задуманным фигурам придавалась форма [16]. Фигуры получились высотой около двух с половиной метров: шахтера установили на пьедестале слева, воина – справа. Памятник простоял около восьми лет и был по официальной версии демонтирован из-за того, что находился близко к проезжей части улицы Артема и мешал проезду общественного транспорта [17].

После того, как появилась концепция соединения фигур воина и шахтера, в 1982 г. Управлением Госэкспертизы Госстроя УССР было дано заключение по этому проекту. И 28 февраля 1983 г. Совмин Республики официально утвердил этот проект памятника. Головы фигур солдата и шахтера лепили из гипса на дне недостроенного плавательного бассейна Донецкого государственного университета. Каждая голова высотой и шириной в два метра. Александр Порожняк лепил шахтера, Юрий Балдин – солдата. Там же, в бассейне, гипсовые модели голов покрывали медью методом раскроя. Сначала производилась выкройка: из металлических листов двухмиллиметровой толщины вырезались фрагменты. Эти фрагменты сваривали аргоновой сваркой. Сварочные работы под руководством архитекторов проводили специалисты-форматоры. Гипс, покрытый медью, выбивался. Так что фигуры и части скульптурной композиции внутри – полые, в них находится металлический каркас, который и держит всю эту

конструкцию [18]. Этот каркас варили на заводе имени Ленинского Комсомола (ныне «Донгормаш»), там же покрывали медью корпуса фигур.

Параллелью с созданием архитектурно-скульптурной композицией решались и социальные задачи.

На месте, где планировалось строительство монумента, находился цыганский поселок, который позже был снесен, а его жители получили квартиры. Вся территория была освоена: вокруг памятника была разбита парковая зона, которая стала продолжением парка имени Ленинского Комсомола.

Мемориал – достаточно сложное инженерное сооружение. На его создание и на благоустройство территории вокруг него было потрачено в общей сложности 800 тыс. рублей, в основном на инженерно-технические работы. Все работы проводились за счет средств местного бюджета.

В реализации проекта был задействован ряд промышленных организаций: тресты «Донецкшахтострой», «Донецкметаллургстрой», «Донецкстальконструкция», «Днепрстальконструкция» (Днепропетровск). Медь обеспечивал Артемовский завод цветных металлов, черный гранит привезли с Правобережной Украины. В работах по возведению памятника в Донецке помощь оказали московские ученые. Двухметровая модель памятника прошла испытания в Институте аэрокосмических исследований им. Жуковского (Москва), где в аэродинамической трубе проверялось влияние потоков воздуха на ее устойчивость [19].

Было много других трудностей: необходимо было учитывать при возведении монумента сложные горно-геологические условия. Под монументом находились выработки шахты им. Калинина.

Монумент планировали открыть к 40-летию освобождения Донбасса, 8 сентября 1983 г., но к этому сроку работы еще не были окончены, и открытие памятника перенесли на 8 мая 1984 г. к 39-летию Победы в Великой Отечественной войне.

На открытие был доставлен «Вечный огонь» с Саур-Могилы, который передавался, подобно эстафете, от города до города. Утром 8 мая 1984 г. на Саур-Могиле состоялась торжественная церемония зажжения огня освобождения Донбасса. Право зажечь огонь освобождения предоставили Якову Филипповичу Листопаду, который участвовал в сражении на Саур-Могиле. На одной из стел, посвященных советским воинам и установленных на склонах высоты, образ ветерана увековечен в металле. Огонь освобождения на своем пути от вершины легендарной высоты до Донецка прошел через города: Снежное, Торез, Шахтерск, Зугрэс, Макеевка. Вечный огонь у монумента освободителям Донбасса зажигали бывший начальник политотдела 50-й гвардейской дивизии, освобождавший областной центр Н.М. Ляшко, Герой Социалистического Труда Д.А. Куропятник, Герои Советского Союза, дончане Н.П. Бойко, И.И. Меркушев, Д.Ф. Некрасов [20].

В честь 65-летия Победы в Великой Отечественной войне в 2010 г. были проведены масштабная реставрация монумента: памятных плит, центральной аллеи, а также работы по благоустройству прилегающей территории.

Реставрация позволила создать единый комплекс. Во время строительства стадиона «Донбасс-Арена» к монументу был перенесен памятник воинам-афганцам, и теперь они составляют единую композицию, которая вплоть до 2015 г. дополнялась новыми памятниками.

В период с 1995 г. по 2000 г. вдоль аллеи, ведущей к монументу, были дополнительно установлены стелы, на которых перечислены названия дивизий, освобождавших Донбасс, и фамилии погибших во время освобождения, всего 2 300 фамилий. Во время реставрации 2010 г. мемориальные доски этих блоков были перенесены к подножию монумента, а также установлены новые блоки памяти с именами погибших освободителей Донбасса и партизан-подпольщиков.

Фигуры монумента «Освободителям Донбасса» с 1995 г. используются в большом гербе Донецка в качестве щитодержателей.

В 1984 г. планировалось создание музея внутри монумента, даже было построено внутреннее помещение, но из-за сложности работ от этой идеи отказались. Только в 2010 г. вернулись к идее создания музея. И в 2012 г. произошло открытие музея Великой Отечественной войны, приуроченное к 67-й годовщине Великой Победы. Музей находится под монументом «Освободителям Донбасса».

В наши дни монумент «Освободителям Донбасса» продолжает выполнять функцию мемориального места, что доказывает удачный выбор его расположения и архитектурного решения. После 2014 г. он был дополнен несколькими памятными знаками. Памятный знак «Детям Донбасса, детям войны», посвященный детям, погибшим за время конфликта на Донбассе, представляет собой ростовые скульптуры мальчика и девочки, изготовленные из бронзы (установлен в 2017 г., автор Д. Селезнев).

Еще один памятный знак – погибшим в годы Великой Отечественной войны, представляет собой арочное перекрытие с подвешенным колоколом, у подножия камень со стихотворением Б. Белаша. Колокол изготовлен из сплава с частичным использованием снарядной латуни. Вес колокола 850 кг. Авторы объекта – скульпторы М. Сокольский и А. Доценко. Поверхность колокола декорирована рельефными изображениями. Автор – А. Гайдырь.

Группа кузнецов из Гильдии кузнецов Донбасса выполнила памятный знак «Погибшим мирным гражданам ДНР». Он глубоко символичен – снаряд «Града», из которого растет букет из четырех роз, шипы которых имитируют гильзы. Композиция размещена на прямоугольном постаменте из природного камня [21].

Недалеко от памятника заложена Аллея Героев, посвященная военным и общественным деятелям Донецкой Народной Республики, в том числе, погибшим в 2016 – 2018 гг. Установлены памятники-бюсты: Захарченко Александру Владимировичу – первому Главе Донецкой Народной Республики, Герою Донецкой Народной Республики; Толстых Михаилу Сергеевичу (Гиви) – командиру отдельного штурмового батальона «Сомали», Герою Донецкой Народной Республики; Мамиеву Олегу Анатольевичу (Мамай) – Герою Донецкой Народной Республики; Кобзону Иосифу Давыдовичу – певцу, политическому и общественному деятелю, Герою Донецкой Народной Республики; Арсену

Сергеевичу Павлову (Моторола) – первому командиру отдельного разведывательного батальона «Спарта», Герою Донецкой Народной Республики, Владимиру Артемовичу Жогге – командиру отдельного разведывательного батальона «Спарта», Герою Донецкой Народной Республики; Качуре Ольге Сергеевне (Корса) - командиру реактивного артиллерийского дивизиона «Корса», Герою Российской Федерации, Герою Донецкой Народной Республики [22].

Следует подчеркнуть, что монумент «Освободителям Донбасса» является уникальным памятником истории и архитектуры и имеет художественно-архитектурное значение. Помимо этого, он несет огромную духовно-социальную нагрузку, выполняя военно-патриотические и гражданские задачи. За время своего существования дополнялся новыми композициями. В современном виде комплекс увековечивает события трех войн: Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., конфликта в Афганистане 1979 – 1989 гг., конфликта в Донбассе 2014 – 2022 гг. За время существования монумент стал важной частью региона, без которого уже невозможно представить наш город.

Процесс создания и дальнейшее существование мемориала «Освободителям Донбасса» свидетельствуют о высокой значимости для общества заложенных в него идей и об их пространственно-временной устойчивости.

Ссылки и примечания:

1. Жаров А. Главный памятник Освободителям Донбасса от фашистов // Правда ДНР. URL: <https://dnr-pravda.ru/istoriya-glavnyj-pamyatnik-osvoboditelyam-donbassa-ot-fashistov/> Дата публикации: 22.07. 2019.
2. Ясенов Е. История одного памятника // Донецкий авторский сайт Е. Ясенова. URL: <http://donjetsk.com/retro/424-istorija-odnogo-pamjatnika.html> / Дата публикации 19.03.2010,
3. Заборин Д. «Пятница» («Салон Дона и Баса»). URL: <https://web.archive.org/web/20080408183904/http://fromdonetsk.narod.ru/town/monuments.html> (Дата обращения 19.02.2022 г.)
4. Разумный В. В. Мемориальные комплексы Донбасса как форма исторической памяти Великой Отечественной Войны// Russia in the Global World № 8 (31) 2016. – С. 371- 377.
5. Отчет о натурном осмотре объектов и памятников культурного наследия Киевского района г. Донецка 13.08.2018 г.// Материалы научно-методического отдела охраны памятников истории и культуры ГБУ–ДРКМ.
6. Отчет о натурном осмотре объектов и памятников культурного наследия Киевского района г. Донецка 09.09.2020 г.// Материалы научно-методического отдела охраны памятников истории и культуры ГБУ–ДРКМ.
7. Сборник постановлений Совета Министров СССР. Январь, 1967. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901813392>
8. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров Союза ССР от 21 января 1967 года N 58 О плане сооружения в 1967-1970 годах

- памятников, имеющих общегосударственное значение // Сборник постановлений Совета Министров СССР. Январь, 1967. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901813392>
9. Постановление ЦК КПУ и Советом Министров УССР от 16 мая 1967 года №330 (дополнение №3) о создании памятника, посвященного погибшим при освобождении Донбасса от немецких захватчиков советских воинов. Жаров А. Главный памятник Освободителям Донбасса от фашистов // Правда ДНР. URL: <https://dnr-pravda.ru/istoriya-glavnyj-pamyatnik-osvoboditelyam-donbassa-ot-fashistov/>
 10. Сталинский (Донецкий) процесс // История РФ. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/Soviet-Nuremberg/Stalinsky-process>
 11. Вечерний Донецк. № 107. 9 мая 1984 г.
 12. Жаров А. Указ. соч.
 13. Комсомолец Донбасса. № 177. 7 сентября 1968 г.
 14. Комсомолец Донбасса. № 178. 8 сентября 1968 г.
 15. Прозоровский В. Монумент «Твоим освободителям, Донбасс» // Донецк: история, события, факты. URL: <https://infodon.org.ua/pedia/449/> Дата публикации 21.07.2009 г.
 16. Ясенов Е. Указ. соч.
 17. Памятник «Героям, павшим за освобождение Донбасса» возле оперного театра в г. Сталино. URL: https://www.etoretro.ru/pic51782.htm?sort_field=image_date&sort=DESC
 18. Уникальный монумент-юбиляр... И огромные головы на дне донецкого бассейна. URL: <https://cruer.com/archives/25586>
 19. Заборин Д. «Пятница» («Салон Дона и Баса»). URL: <https://web.archive.org/web/20080408183904/http://fromdonetsk.narod.ru/town/monuments.htm>
 20. Достопримечательности в парке Ленинского Комсомола в Донецке. URL: <https://donbass-info.com/content/view/2434/2441/>
 21. Отчет о натурном осмотре объектов и памятников культурного наследия Киевского района г. Донецка. 13.08.2018 г. // Текущий архив ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей. Научно-методический отдел охраны памятников истории и культуры
 22. Отчет о натурном осмотре объектов и памятников культурного наследия Киевского района г. Донецка. 09.09.2020 г. // Текущий архив ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей». Научно-методический отдел охраны памятников истории и культуры.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (5)

А.Д. Курбанов

доктор исторических наук,

ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»

e-mail: ahmed2005@mail.ru

Р.М. Магомедов

ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»

e-mail: ahmed2005@mail.ru

МОНГОЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ В ЗАПАДНОМ ПРИКАСПИИ В 1221-1222 гг.

Аннотация

В статье рассматривается противостояние народов Западного Прикаспия против нашествия монголо-татар в начале 20-х гг. XIII в. Исследуется политическая карта Закавказья накануне вторжения, а также стремление к объединению государств региона в единый военный блок, несмотря на этническую и религиозную принадлежность. Уделяется внимание продвижению монгольских туменов на Северный Кавказ.

Ключевые слова: *монголо-татары, Грузия, Азербайджан, Дагестан, Дербент, противостояние, независимость, Джэбэ, Субэдэй.*

Summary

The article examines the confrontation of the peoples of the Western Caspian region against the invasion of the Mongol-Tatars in the early 20s of the XIII century. The article examines the political map of Transcaucasia on the eve of the invasion, as well as the desire to unite the states of the region into a single military bloc, despite ethnic and religious affiliation. Attention is paid to the promotion of Mongolian tumens in the North Caucasus.

Keywords: *Mongol-Tatars, Georgia, Azerbaijan, Dagestan, Derbent, confrontation, independence, Jebe, Subedei.*

На рубеже XII–XIII вв. предводитель одного из монгольских племен – Темучин – объединил все соседние племена под своей властью посредством применения силовых инструментов и дипломатии. В процессе формирования державы совместно с монгольскими племенными союзами принимали участие

также тюркские союзы – кераиты, киргизы, меркиты, найманы и конгираты [1, С. 138]. Весной 1206 г. Темучин собрал великий курултай (большое собрание) тюрко-монгольских племен, которые провозгласили его верховным ханом с титулом – Чингизхаган (правитель Вселенной). По утверждению французского историка Рене Гроссе, под предводительством Чингисхана все тюрко-монгольские племена степи были консолидированы в единую нацию – монголджин улус [2, С. 165]. Чингисхан сумел внушить объединенному им народу идею всемирного владычества и необходимости создания единой империи.

Цель данной статьи состоит в изучении военных походов монголов в Западном Прикаспии в 1221 – 1222 гг.

Уже с 1212 г. монголы, управляемые железной волей своего правителя, приступили к реализации провозглашенных Чингисханом на всемонгольском курултае планов. Начиная с этого года и вплоть до зимы 1221 г., осуществлялись систематические военные походы. Первым перед мощью войска Чингисхана не смог устоять Северный Китай, далее – Передняя Азия. Представлявшая собой пространство, объединенное духовно-религиозным единством и властью государство Хорезмшахов, тем не менее, продемонстрировало полную политическую и военную несостоятельность. Хорезм пал, а его правитель – Хорезмшах Мухаммед, на поиски которого были отправлены лучшие стратеги Чингисхана, Джэбэ и Субэдэй, обратился в позорное бегство, окончившееся для него бесславной смертью.

Сообщив своему правителю о смерти его противника, Джэбэ и Субэдэй в 1221 г. получили приказ провести разведку боем на Кавказе и в Южной Европе [3, С. 295]. Пройдя с боями через территорию Северного Ирана, тумены монголов в том же году достигли Закавказья, захватив Армению.

Процесс завоевания земель Западного Прикаспия для полководцев Чингисхана был сопряжен с необходимостью решения вопросов как военного, так и политического характера.

Уже по прибытии в Муганскую степь, в процессе подготовки к наступлению на Грузию, Джэбэ и Субэдэй стали очевидцами событий, свидетельствовавших о достаточно непростой политической обстановке в регионе, характеризующейся отсутствием политического единства. В преддверии надвигающейся угрозы царь Грузии Георгий IV Лаша (Великолепный), действовавший до этих пор в интересах Папского Рима, приступил к интенсивному поиску союзников из числа ближайших мусульманских владетелей. Им были посланы гонцы к Узбеку, властителю Азербайджана, а также к Эльмелику – Эльашрефу, правителю Хелата и Месопотамии, к которому незадолго до этих событий с просьбой о помощи безуспешно обращался Хорезмшах Мухаммед [4, С. 20].

Подобные инициативы не были в интересах Джэбэ и Субэдэя, которые непосредственно столкнулись с угрозой выступления против них коалиции. Однако они неожиданно обрели союзника в лице Акуша – предводителя,

объединившего под своим началом представителей различных этнических групп: туркмен, курдов и др. Акуш изъявил желание присоединиться к походу Джэбэ и Субэдэя [4, С. 20].

У монголов уже был опыт привлечения на свою сторону представителей других этносов, поэтому принципы использования союзнических сил в битвах в данном случае ничем не должны были отличаться. Акуш и его воинство представляли собой тех же «хашар»¹ с той разницей, что никто принудительно не призывал их к смертельным боям, ибо они, выступая в качестве пробивной силы в предстоящих боях, шли на нее добровольно.

Грузинский царь, интенсивно стремившийся сформировать союз, в котором также подразумевалось участие мусульманских подразделений, полагался, что татары не станут осуществлять наступательные мероприятия зимой, и отложат их как минимум до весны [4, С. 20]. Однако угроза выступления противников единым лагерем заставила Джэбэ и Субэдэя действовать.

Вступив на территорию Грузии, монголы практически сразу же захватили одну из крепостей, разорив окрестности и уничтожив значительное количество мирного населения. Дорога на Тифлис была открыта, однако навстречу туменам выдвинулись грузинские войска. Против них монголы выставили воинство Акуша, которое, потеряв в сражении существенное количество воинов, тем не менее, сумело обескровить грузинское войско. Таким образом, устоять перед сохранившими боеспособность отрядами Джэбэ и Субэдэя грузины уже не смогли, избрав для себя путь бегства с поля боя.

Это поражение неминуемо привело к краху еще не сложившейся антимонгольской коалиции. Уже к концу марта монгольское войско вышло к городу Тебриз. Правитель Азербайджана – Узбек – был вынужден бежать в Нахичеван, а затем – в Хой, оставив город на наместника Шамс-ад-дина-Туграи, сумевшего собрать необходимую дань, чтобы избежать карательных мероприятий со стороны монголо-татар [5, С. 403].

Следующей целью завоевателей должен был стать город Мерага, правительница которой предусмотрительно укрылась, в располагавшейся вблизи крепости Руиндиз. Однако сумевшее самоорганизоваться население города дало решительный отпор монголам. Это заставило их прибегнуть к своей апробированной ранее тактике – осуществлению штурма под прикрытием идущих впереди пленников. Спустя несколько дней ожесточенных боев, 30 марта 1221 г. Мерага была взята. [4, С. 21].

На всем протяжении второй половины весны и лета монголы находились на территории Ирака. Вместе с тем, данное пребывание нельзя было назвать спокойным, поскольку возмущенное поборами население, взятого еще год назад города Хамадана, взбунтовалось, убив наместника, утвержденного властью монголов. Это было преступление, простить которое монголы не могли.

¹ Специфические монгольские подразделения, как правило, состоявшее из представителей народов, присоединившихся к войскам монголов, или из пленных, и используемые ими в первых эшелонах наступления.

Соответственно, несмотря на выражение своей покорности пришедшим под стены города со своими туменами Джэбэ и Субэдэю, город был подвергнут разорению, а население наказано.

После наведения порядка и восстановления контроля над Хамаданом, полководцы Чингисхана двинулись на Азербайджан. Тебриз, откупившийся, как и в прошлый раз, сумел избежать участи таких городов, как Ардебиль, Серав, Бейлекан, Нахичеван. Наступление Джэбэ и Субэдэя продолжалось. В этой связи, следует отметить, некоторые несоответствия и определенные расхождения, возникающие в различных источниках относительно присутствия и действий на территории области Ширван. Так, оказавшись на территории современного Азербайджана, покорив и подчинив себе ряд городов, завоеватели приблизились к стенам города Гянджа, судьба которого по-разному представлена у арабского историка Ибн ал-Асира и персидского государственного деятеля и ученого-энциклопедиста Рашид ад-Дина. Первый, в частности, утверждает, что население города сумело откупиться, избавив себя от осады и смертельного штурма [4, С. 25]. Другой же, напротив, повествует о полном разрушении монголами Гянджи, отказавшейся принять условия полководцев Чингисхана [4, С. 404].

Осенью 1221 г. монгольские полководцы Джэбэ и Субэдэй вновь оказались в Грузии, где для встречи с ними Георгий IV Лаша собрал войско, насчитывавшее от 70 до 90 тыс. человек, что не смутило стратегов Чингисхана, выбравших главным направлением для наступления Тифлис. Войско грузин выступило им навстречу [3, С. 216]. Однако, по сообщению Ибн ал-Асира, оно не было мотивировано, скорее, наоборот, среди грузинских воинов присутствовали упаднические настроения, подпитанные военными успехами противника, в случае необходимости следовавшего принципу – смерть позорному плену [4, С. 25].

Войска двумя, далеко неравными потоками, столкнулись «в Котманской долине южнее Тбилиси» [3, С. 216]. Используя рельеф местности и боевой опыт, присущий ему как полководцу, Субэдэй заставил грузин растянуть свои порядки, после чего состоялось полное их окружение [6, С. 269]. Разгром грузинского войска довершился присоединением свежих сил Джэбэ. Грузины были разгромлены, а Георгий IV Лаша, по одним данным, погиб на поле боя, по другим, – скончался спустя два года от ран. Разорение Грузии, последовавшее вслед за этим сражением, «было поистине ужасным, но слишком быстрым, чтобы действительно разорить страну» [3, С. 216]. По утверждению американского историка Джека Уэзерфорда, именно данное поражение обусловило превращение Грузии в вассальное от монголов государство [6, С. 269]. Источники сообщают о 30 тыс. погибших подданных Георгия IV Лаши [7, С. 25, 404].

Стоит отметить, что спустя несколько лет после обозначенного разгрома, наследница Георгия, его сестра Русудан, писала Папе Римскому о невозможности оказания помощи крестоносцам на Ближнем Востоке в связи с

нападением полчищ «дикарей-татар» [8, С. 211]. Это было дополнительным свидетельством того, насколько была обескровлена Грузия после поражения в Котманской долине. Кроме того, ее письмо подтверждало факт, что с момента вторжения Субэдэя и Джэбэ в Грузию, монголы стали фактором влияния на политическую ситуацию в Западной Европе, с которым не считаться было уже невозможно.

Выйдя из теснин горных ущелий, завоеватели устремились к городу Шемаха. Источники достаточно подробно описывают ужасы, постигшие население этого города: «Жители его, бились с ними и упорно выносили осаду. Потом Татары взобрались на стены по его лестницам; [другие же] говорят: нет, они собрали множество верблюдов, быков, овец и прочих, да убитых людей, как своих, так и посторонних; накидали [все это] одно на другое, так что образовался род холма; взобравшись на него, они возвышались над городом и [оттуда] бились с жителями его, которые упорно держались; бой свирепствовал три дня, и близка была гибель их, но они сказали: «Нельзя уйти от меча; для нас первое [дело] стойкость; умрем почетно» и продержались еще эту ночь. Упомянутые трупы стали смердеть и разлагаться, так что Татарам уже нельзя было лезть [по ним] на стены и одерживать верх в бою; тогда они опять стали вести подступы и биться без перерыва. Приуныли жители; напали на них утомление, бессилие и немощь, и они совершенно ослабели. Татары овладели городом... учинили там поголовное избиение и увели с собой множество пленных» [4, С. 25]. После взятия и разорения Шемахи путь к Северному Кавказу и Причерноморью был открыт.

Опустошив земли Закавказья, монгольские войска выступили в сторону Дербента. Согласно «Сборнику летописей» Рашид ад-Дина (1247 – 1318 гг.) монголам не удалось взять штурмом крепость, и они «послали к ширваншаху сказать: «Ты пришли несколько человек, чтобы мы заключили мир». Он прислал десять человек из числа вельмож (акабир) своего народа; одного из них монголы убили, а другим сказали: «Если вы покажете нам путь через Дербент, мы вас пощадим, в противном случае мы вас убьем». Они от страха за свою жизнь указали путь, и те прошли» [9, С. 228-229].

В этой связи представляет интерес сообщение из другой части труда известного историка: «Оттуда он (Джэбэ – *авт.*) повернул назад и вышел через Тимур-Кахалга [Железные ворота]. Жители Дербента поднесли [монголам] провиант [тургу] и подчинились. [Монголы] прошли оттуда и направились в сторону русов» [10, С. 195].

Стоит отметить, что требование об отправке десяти человек, направленное ширваншаху, было сделано монголами уже после покорения Шемахи. Это обстоятельство заставляет задуматься о возможном (временном) изменении статуса Дербента. Другими словами, нельзя исключать того факта, что после падения Шемахи, ставка ширваншаха была перенесена в Дербент. Ключевым аргументом в принятии подобного решения могла стать фортификационная составляющая города, позволявшая правителю чувствовать себя в безопасности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что определенный промежуток времени после падения Шемахи столицей разоренного Джэбэ и Субэдэем Ширвана стал именно Дербент. Однако данное утверждение также можно поставить под сомнение, так как согласно арабскому философу, историку, жившему в XIV в., ибн Хальдуну, город к приходу монголов контролировался «50 тысячами дружественных хорезмшаху кыпчаками, захвативших Дербенд и отрезавших монголам путь на север» [11, С. 124-125]

К сожалению, Рашид ад-Дин не дает разъяснений по поводу двух предлагаемых им версий пребывания монголов у стен Дербента, что, в свою очередь, вызывает необходимость обратиться к другим источникам. Согласно свидетельству арабского историка Ибн-ал-Асира (1160-1234 гг.), монголы обошли Дербент. «Покончив с городом (Шемахой – *авт.*), они захотели перейти через Дербенд, но не смогли этого сделать. Тогда они послали к ширваншаху, царю Дербенда-Ширвана, сказать ему, чтобы он прислал к ним посла, который бы заключил с ними мир, и тот послал десять человек из своих высокопоставленных лиц. Татары убили одного, остальным сказали: «Если вы укажете дорогу, по которой мы могли бы перейти его, Дербенд, то вам будет дан аман, в противном случае мы вас убьем, как мы убили этого человека». И они им ответили, что к этому Дербенду нет никаких дорог, но в нем есть одно место, которое считается наиболее легкой из дорог. Те (татары) пошли с ними по той дороге, и перешли его (Дербенд), оставив его позади себя». [12, С. 142-143] Цитированное сообщение позволяет предположить, что Рашид ад-Дин, при описании событий в отношении Дербента, опирался на труд Ибн-ал-Асира.

О выборе монгольскими войсками пути в обход Дербента сообщается также в источниках армянского происхождения. Как свидетельствует Киракос Гандзакети, «... мусульманское войско, находившееся в Дербенте, не пропустило их. Тогда они перевалили через Кавказские горы по непреступными местам, заваливая пропасть деревьями и камнями, имуществом своим, лошадьми военным снаряжением, переправились и вернулись в свою страну» [13, с. 175]. В выдержках из «Летописи» Себастии говорится о том, что «войска турок, которые были в Дербенте, не пропустили их, тогда они пересекли труднопроходимые места Кавказских гор и ушли. Предводителем их был Субэдэ-багатур» [14, С. 23].

В тоже время версия Рашид ад-Дина о перемещении монгольского войска через Дербент небезосновательна. В грузинском хронографе XIV в. сообщается: «А татары достигли Самшвилде и оттуда повернули обратно и содеяли нечто дивное: пошли по дороге Дарубандской, и потому как не смогли противостоять им ни ширваншах, ни дарубандцы, прошли Врата Дарубандские и вступили в Кивчакию» [13, С. 260]. В китайской хронике указывается, что монгольское войско «окольными путями дошло до перевала Тэ(мур)] кахалгэ, пробивая камень, открывая дорогу, и вышли там, где (монголов) не ожидали» [16, С. 228]. У персидского историка XIII в. Джувейни отмечается по этому поводу следующее: «Затем они прибыли к Дербенту, и никто не помнит, чтобы какая

армия когда-либо проходила или пробивалась этим маршрутом, но они прибегли к хитрости и тем самым прошли». [17, С. 53]. В этой связи также представляют интерес процитированные выше сообщения Ибн-ал-Асира и Рашид ад-дина. В частности, арабский историк отмечает, «к этому Дербенду нет никаких дорог, но в нем есть одно место, которое считается наиболее легкой из дорог» [12, С. 142-143]. Здесь достаточно затруднительно определить, говорит ли автор непосредственно о самой крепости, или же подразумевает область. Отсутствует исчерпывающее уточнение о направлении продвижения монголо-татар и у Рашид ад-дина: «Они от страха за свою жизнь указали путь, и те прошли» [9, С. 228-229]. Можно предположить, что монголы воспользовались относительно незащищенным участком Горной стены протяженностью более 40 км, начинавшейся от Дербента [17, С. 51], и для авторов, цитируемых в настоящем исследовании источников, живших на значительном расстоянии от мест событий, это обстоятельство воспринималось как покорение самой крепости.

Перечисленные выше источники не сообщают о прохождении маршрута монгольских войск, однако данная акция по выбору иного пути в обход Дербента была связана лишь с тем, что его жители сумели воспрепятствовать вторжению в город [18, С. 293-294]. Соответственно, факт захвата города и преподнесения жителями провианта монголам, о чем сообщает Рашид ад-Дин, представляется маловероятным.

Утвердившееся в исторической литературе мнение, что монголы, не сумев покорить Дербент, проложили маршрут через горные районы Дагестана (с юго-востока на северо-запад), к сожалению, не представляется возможным подкрепить достоверными сведениями, а имеющиеся – представлены в общих чертах [12, С. 142; 19, С. 44; 20, С. 45; 21, С. 25].

Следуя приказу своего повелителя, монгольские тумены, пройдя через территорию Дагестана, вышли в северокавказские степи, где им противостояли объединенные силы аланов и кипчаков. Опытным полководцам удалось разрушить союз, и по одиночке одержать победу над противником. Преследуемая монгольскими войсками часть кипчаков прошла к Дербенту по плоскостному Дагестану [22, С. 118], разоряя все на своем пути, город был захвачен обманным путем и разграблен. Ибн ал-Асир сообщает о разбое и бесчинствах в Дербенте и Южном Дагестане, проводимых кипчаками [12, С. 145-148].

Таким образом, завершив свою кампанию в Западном Прикаспии монголо-татарам удалось обеспечить надежный тыл в целях развития наступления на территории Восточно-Европейской равнины. Именно эти монгольские тумены двинулись в причерноморские земли, а в мае 1223 г. нанесли поражение объединенным силам южнорусских князей и кипчаков на реке Калка.

Продвижение монголо-татарских отрядов по территории Южного и Северного Кавказа и события, с ним связанные, несмотря на достаточное количество источников, повествующих об этом периоде, продолжает оставаться темой, требующей дополнительного изучения. К числу событий, требующих

дополнительного изучения, к примеру, следует отнести присутствие завоевателей на территории Азербайджана, процесс дербентского перехода, возможное кратковременное изменение статуса Дербента и т.д. Актуальность обозначенных вопросов продолжает оставаться на высоком уровне, поскольку противоречия и несовпадения, выявляемые в источниках того периода, создают условия для дальнейшего уточненного исследования проблемы завоевания монголо-татарами Закавказья и северокавказского пространства.

Ссылки и примечания:

1. Гасанов З. Царские скифы: этноязыковая идентификация "царских скифов" и древних огузов / З. Гасанов. – New York: Liberty, 2002. – 486 с.
2. Grousset R. The empire of the steppes: A history of Central Asia / R. Grousset; Transl. from the French by Naomi Walford. – New Brunswick (n.j.) : Rutgers univ. press, Cop. 1970. – XXX, 687 p.
3. Рахманалиев Р. Империя тюрков: история великой цивилизации / Р. Рахманалиев. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 702 с.
4. Золотая Орда в источниках / "Центр по изучению военной и общей истории"; составление, вводная статья и комментарии Р. П. Храпачевского. – М.: Наука, 2003.
5. Груссе Р. Чингисхан: покоритель Вселенной / Р. Груссе. – М.: Молодая гвардия, 2000. – 285 с.
6. Уэзерфорд Дж. Чингисхан и рождение современного мира / Дж. Уэзерфорд. – М.: КоЛибри, 2017. – 381 с.
7. За землю Русскую: древнерусские повести: [для среднего и старшего школьного возраста] / пер. с древнерус., сост., предисл. и примеч. Л. А. Дмитриева. – М.: Детская лит., 2012. – 124 с.
8. Мэн Дж. Чингисхан: [жизнь, смерть и воскрешение] / Дж. Мэн. – М.: Эксмо, 2006. – 414 с.
9. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / Рашид-ад-дин; Акад. наук СССР, Институт востоковедения. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. Т. I. Кн. 2.
10. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / Рашид-ад-дин; Акад. наук СССР, Институт востоковедения. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. Т. I. Кн. 1.
11. Ибн Хальдун «Ал-Ибар ва-д-диван ал-мубтада ва-л-хабар». Ч. 5. Бейрут, 1959. Цит. по Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмед ан Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны: (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). Критич. текст, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указ. З.М.Буниятова. – М.: 1996. – С. 213.
12. Ибн-ал-Асир. Материалы по истории Азербайджана из "Тарих-ал-камиль" (Полного свода истории) Ибн-ал-Асира / Акад. наук СССР, Азерб. филиал, Ин-т истории. – Баку: Изд-во АзФАН, 1940. – 184 с.

13. Золотая Орда в источниках / "Центр по изучению военной и общей истории"; сост., ввводн.ст. и ком. Р. П. Храпачевского. – М.: Наука, 2003. – 449 с.
14. Армянские источники о монголах: Извлечения из рукописей XIII-XIV вв. / Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А. Г. Галстяна; [Отв. ред. С. Д. Дылыков]; [Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии]. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 155 с.
15. Золотая Орда в источниках. / "Центр по изучению военное и общей истории". Т. III. Китайские и монгольские источники; сост., ввводн. ст. и ком. Р.П. Храпачевского. – М.: Наука, 2009. – 337 с.
16. Цит по: Хрусталев Д.Г. Русь и монгольское нашествие (20-50-е гг. XIII в.). – СПб. 2013.
17. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суффийс. энциклопедия "Райхан ал-хака'ик" (XI-XII вв.) / А.К. Аликберов. – М.: Восточная литература, 2003. – 847 с.
18. Гаджиев М. Г. История Дагестана: С древнейших времен до конца XV в. / М.Г. Гаджиев, О.М. Давудов, А.Р. Шихсаидов; Рос. акад. наук. Дагест. науч. центр. Ин-т истории, археологии и этнографии. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. – 462 с.
19. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. X-XII.
20. Ичалов Г. Х. В глубь столетий: Народы Дагестана в борьбе за независимость в XIII-XV вв. / Г. Х. Ичалов. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1988. – 155 с.
21. Агларов М. Андийская группа народностей в XIX - начале XX вв.: (Ист.-этногр. очерки): Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М.: 1967. – 17 с.
22. Ичалов Г. Х. Влияние иноземных завоеваний в XIII-XIV вв. на экономику Дагестана // Тематический сборник «Развитие феодальных отношений в Дагестане». – Махачкала: 1980. – С. 117-133.

УДК 94[323(470+571):(410)]. "1800/1850"

А.И. Минаев

доктор исторических наук,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

e-mail: aiminaev68@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА НА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация

Статья посвящена анализу восприятия в России первой половины XIX века теории и практики британского парламентаризма. Автор приходит к выводу, что британская государственно-правовая модель привлекала внимание отечественной политической мысли по двум причинам. С одной стороны, самодержавию, умеренным и консервативным кругам импонировала ее устойчивость, в основе которой лежал многовековой компромисс монархии и аристократии. С другой стороны, начавшаяся модернизация британского парламентаризма, протекавшая в рамках ограниченного реформирования избирательного права, демонстрировала его способность к «консервативному обновлению», которое становилось востребованным в самой России.

Ключевые слова: парламентаризм, Великобритания, самодержавие, Россия, первая половина XIX века, общественная мысль, «консервативное обновление»

Summary

The article is devoted to the analysis of the perception in Russia of the first half of the XIX century of the theory and practice of British parliamentarism. The author comes to the conclusion that the British state-legal model attracted the attention of domestic political thought for two reasons. On the one hand, the autocracy, moderate and conservative circles were impressed by its stability, which was based on the centuries-old compromise of the monarchy and the aristocracy. On the other hand, the modernization of British parliamentarism, which began within the framework of a limited reform of the electoral law, demonstrated its ability to "conservative renewal", which was becoming in demand in Russia itself.

Keywords: parliamentarism, Great Britain, autocracy, Russia, the first half of the XIX century, public thought, "conservative renewal"

Британский внутривполитический процесс находил освещение в ранних отечественных периодических изданиях и, в первую очередь, на страницах

литературно-политического журнала «Вестник Европы». Его основателем, издателем в 1802 – 1803 годах и автором многих публикаций являлся крупнейший отечественный мыслитель, историк, писатель, один из основоположников русского консерватизма Николай Михайлович Карамзин (1766 – 1826). «Вестник Европы» был задуман Карамзиным как «журнал для всей русской публики» с тем, чтобы «помогать нравственному образованию такого великого и сильного народа, как российский, развивать идеи, указывать новые красоты в жизни, питать душу моральными удовольствиями и сливать ее в сладких чувствах со благом других людей». [3. 1802. № 1].

Издание быстро завоевывало свою читательскую аудиторию. Уже к середине января 1802 году «Вестник Европы» имел 580 подписчиков. Вскоре их число возросло до 1200, что представляло весьма внушительную цифру для России начала XIX века. [10. С. 190]. Журнал превращался в серьезный фактор формирования умонастроений образованной части россиян.

Задолго до начала своей издательской деятельности летом 1790 года Н.М. Карамзин побывал в Великобритании. «Учение о человеке, идеи парламентаризма, – подчеркивает Н.В. Минаева, нашедшие приложение в общественных системах ряда стран Западной Европы, – этот круг проблем, тесно связанный с идеологией Просвещения, привлекает пристальное внимание Карамзина в ранних его сочинениях». [13. С. 152]. Через несколько лет были изданы выдержки из его английского дневника с описанием прибытия в Дувр и поездки в Лондон. В начале XIX века «Письма русского путешественника» были переведены на английский язык целиком, что свидетельствовало об интересе читающих британцев к восприятию их страны в далекой России.

В 90-е годы XVIII века Н.М. Карамзин оставался в целом на западнических, во многом космополитических, позициях. «Карамзин, – отмечает Н.В. Минаева, – всесторонне осмысливал тему народа, рассматривал народоправство как одну из его сторон. Считая справедливым участие представителей демократии европейского общества в управлении страной, осуждая в «Письмах русского путешественника» олигархические режимы аристократии, он не высказывался с полной определенностью в пользу той или другой формы политического правления в посещаемых странах». [13. С. 153]. Очевидно, эти настроения стали необходимым этапом формирования его мировоззрения. «Я в Англии – в той земле, – писал он, – которую в ребячестве своем любил я с таким жаром, и которая по характеру жителей и степени народного просвещения есть, конечно, одно из первых государств Европы». [1. С.68]. Н.М. Карамзин отмечал значение личной свободы и неприкосновенности для англичан, как важнейших ценностей и основ их государственного строя. «Англичане бояться строгой полиции, и лучше хотят быть обкрадены, нежели видеть везде караулы, пикеты и жить в городе как в лагере». [1. С. 102].

Важнейшим инструментом британской государственности является парламент, отношение к которому у Н.М. Карамзина было неоднозначным. С одной стороны, он не мог не видеть его важной роли в британском государстве:

«Англичанин царствует в Парламенте и на Бирже: в первом дает он законы самому себе, а на второй целому торговому миру». [1. С. 85]. С другой стороны, для него парламент лишь элемент хорошо отлаженной государственной машины, которая не дает сбоев еще и потому, что общественное мнение находит частичное выражение в нижней палате. Парламент – это своего рода «клапан», через который можно выпустить «пар» политической борьбы. Делясь своими впечатлениями от посещения палаты общин, Карамзин писал: «Едва ли 50 человек говорят когда-нибудь; все прочие немые; иные, может быть, и глухи – но дела идут своим порядком, и хорошо. Умные министры правят, умная публика смотрит и судит. Член может говорить в парламенте все, что ему годно; по закону он не дает ответа». [1. С. 115].

Безусловно, нарисованная Карамзиным картина внутривнутриполитической идиллии не соответствует реальным социально-политическим процессам, которые имели место в Великобритании в конце XVIII века. Стороннему наблюдателю весьма умеренных воззрений, трудно было понять всю их противоречивость, но несуразности избирательной системы были очевидны и для него.

Н.М. Карамзин иронично описал «процедуры» выборов в Вестминстере. Агитация за кандидатов принимала характер откровенного подкупа. «Вестминстер избирает двух Членов. Министры желали Лорда Гуда, а противники их Фокса; более не было Кандидатов. Накануне избрания угощались безденежно в двух тавернах те Вестминстерские жители, которые имеют голос: в одной подчивали Министры, а в другой приятели Фоксовы». [1. С. 99 – 100]. Далее Н.М. Карамзин привел отрывок из обличительной речи Горна Тука, который выставил свою кандидатуру на выборах. «... Сограждане! Истинная Английская свобода у нас давно уже не в моде; но я человек старинный и люблю отечество по-старинному. Вам говорят, что нынешний день есть торжество гражданских прав ваших; но пользуетесь ли вы ими, когда вам предлагают из двух Кандидатов выбрать двух Членов? Они уже выбраны! Министры с противниками согласились и над вами шутят». [1. С. 100]. Даже для иностранца был очевиден весь фарс этих выборов.

Сложившиеся у Н.М. Карамзина представления о Великобритании, ее внутривнутриполитическом быте оказали существенное влияние на характер материалов, посвященных событиям в этой стране и опубликованных в «Вестнике Европы» в 1802 – 1803 годах. По нашему мнению, этим публикациям присущи некоторые общие черты.

Прежде всего, чувствуется почтение к многовековому зданию британской государственности, прочно стоящему на фундаменте парламентаризма. В то же время, на страницах издания подвергаются критике многие инородные, порой просто непонятные, институты, их воплощение в реальной политической практике. Не осталось незамеченным журналом уважительное отношение британцев к основам своей государственности, что, по всей видимости, было особенно важно для «Вестника Европы» рассматриваемого периода, поскольку

одной из важнейших его задач являлось гражданское и правовое просвещение россиян, приобщение их к политической жизни.

В одном из первых номеров подчеркивалось исключительное значение «Славной революции», ставшей важнейшим этапом в становлении британского парламентаризма, способствовавшей установлению паритета в верхних эшелонах власти. «... В 1688 году, – отмечал автор статьи «О силе Англии» Архенгольц, опубликованной в № 7 за 1802 год, – случилась благодетельная Революция без всякого кровопролития, и когда Англичане, тогда еще во многом несведущие, основали общественную свободу гораздо надежнее и благоразумнее, нежели сто лет после Французы, просвещенные духом времени и творениями великих Писателей. Сей, не мечем, но мирным условием приобретенной Конституции, достойной самого мудрейшего века ... Британцы обязаны всем своим новым могуществом» [3. 1802. № 7]. Британский вариант развития, целью которого являлось достижение компромисса между различными политическими силами, для автора был предпочтительнее революционных потрясений во Франции конца XVIII века. Более того, он полагал, что дальнейшее стабильное развитие Великобритании в XVIII веке, во многом было обеспечено эффективной парламентской системой, обеспечивавшим взаимодействие короны, лордов и общин. «Причину великих успехов Англии в течение ста лет найдем без сомнения в ее законах, мудрых учреждениях, государственных правилах, оживлявших деятельность народа...» [3. 1802. № 7].

Раздел журнала «Известия и замечания», оперативно освещавший события, как в России, так и за рубежом, вел сам Н.М. Карамзин, поэтому можно предположить, что нижеследующие оценки выборов в палату общин, состоявшихся в 1802 году, принадлежат непосредственно ему. «Теперь вся Англия занимается выборами новых Парламентских Членов.... Но сии выборы можно назвать только обрядом: Министры невидимо управляют ими, соглашаясь... с лучшими людьми в каждом округе» [3. 1802. № 13]. Для Н.М. Карамзина было совершенно очевидным вмешательство кабинета в избирательный процесс, что мешало формированию такого депутатского корпуса палаты общин, который действительно отражал бы интересы многочисленного электората.

Пережитком феодализма оставались «гнилые» и «карманные местечки», обеспечивавшие аристократии доступ в нижнюю палату посредством подкупа малочисленных избирателей. Этот устаревший институт британского избирательного права Н.М. Карамзин критиковал и, одновременно, объяснял его жизнеспособность. «Но не чудно ли покажется, – задавался он вопросом, – что какое-нибудь маленькое местечко в Англии имеет иногда в рассуждении выборов, более прав, нежели большой город? Питт, будучи некогда противником Министерства, требовал нового, справедливого учреждения в деле столь важном для свободы народной; но после, сделавшись Министром, он нашел выгоды в старинном положении: ибо гораздо легче склонить на свою

сторону жителей небольшого местечка, нежели граждан многолюдного города. В старину какой-нибудь сильный человек выходил право избрания своему поместью, чтобы располагать им; а теперь оно принадлежит этому селению... Например, недавно продали в Англии десятину земли с двумя ветхими хижинами за 420 000 рублей: ибо хозяин их имеет право назначать депутата для парламента» [З. 1802. № 13].

Подводя итог выборам 1802 года, Н.М. Карамзин подчеркивал то, что благодаря существованию многих феодальных институтов и норм избирательного права, позволяющих воздействовать на малочисленный избирательный корпус, аристократическая политическая элита Великобритании сохранила контроль над нижней палатой. «В Англии, – писал он, – шумные выборы почти все кончились, и все именитые Члены бывшего Парламента выбраны. Некоторым стоила эта честь дорого: например, Френсис Бордет издержал около 300 000 рублей на пиры и подарки, чтобы иметь удовольствие от времени до времени употреблять пышные фразы и бранить Министров в Парламенте...» [З. 1802. № 16].

Еще одним средством информирования читателей о политической жизни Великобритании стала публикация переведенных на русский язык материалов из популярных британских периодических изданий. В одном из номеров за 1803 год были помещены извлечения из лондонского журнала «The Sun», который характеризовал расстановку сил в британском парламенте. «Издавна, – отмечал журнал, – Парламент делился на две стороны: на друзей и врагов Министерства, а теперь видим множество партий» [З. 1803. № 5].

«Вестник Европы», редактируемый Н.М. Карамзиным, стремился знакомить соотечественников с европейским политическим процессом, что в немалой степени выражалось в освещении британской внутривнутриполитической жизни, оказывал несомненное содействие приобщению передовых соотечественников к основам политико-правовой культуры.

В правление Александра I (1801 – 1825) впервые делаются попытки соединить теорию парламентаризма с российской государственной практикой. В силу традиционности отечественной самодержавно-абсолютистской политико-правовой культуры, большая часть планируемых нововведений так и не была реализована. Однако внимание к зарубежному, и в первую очередь британскому парламентаризму, безусловно, возрастало и приобретало до некоторой степени практическую направленность.

Разрабатывая свой проект государственных преобразований в России, к британскому опыту внутривнутриполитической эволюции неоднократно обращался Михаил Михайлович Сперанский (1772 – 1839). «...На развалинах первой феодальной системы, – писал он, анализируя историю государственно-правовых форм стран Европы, – утвердилась вторая, которую можно назвать феодальным самодержавием: в ней остались еще следы первых установлений, но сила их совершенно изменилась. Правление было еще самовластное, но не

раздельное. Ни политической, ни гражданской свободы еще не было, но в той и другой положены уже были основания.

И на сих-то основаниях время, просвещение и промышленность предприняли воздвигнуть новый вещей порядок, и приметить должно, что, невзирая на все разнообразие их действия, первоначальная мысль, движущая их, была одна и та же – достижение политической свободы.

Таким образом, приуготовился третий переход от феодального правления к республиканскому, основался третий период политического состояния государств.

Англия первая открыла сей новый круг вещей; за нею последовали другие государства: Швейцария, Голландия, Швеция, Венгрия, Соединенные Американские области и, наконец, Франция» [22. С. 95 – 96].

Мы не видим противоречия в том, что выдающийся государственный деятель России ставил Англию на первое место в перечне «республиканских» стран. Дело в том, что для него чрезвычайно важным было развитие политической свободы. В этом аспекте, действительно, Англия шла впереди. Сохранявшаяся монархия становилась институтом парламентаризма, который, в свою очередь, был базой, средством и целью утверждения политической свободы. Монархическая «форма» сочеталась с республиканской «сущностью». Этот процесс, безусловно, протекал в острейшей социально-политической борьбе, но вектор эволюционного развития британской государственности по направлению к буржуазной демократии в целом определился к началу нового времени.

Как известно основополагающим принципом эффективного функционирования государства М.М. Сперанский полагал разделение властей. Британский опыт и в этом вопросе был для него чрезвычайно важен. «Есть ли бы Англия, – писал он, – не имела других пределов своего правительства, кроме видимого властей ее разделения, она была бы государство деспотическое со всеми своими парламентами и их славными спорами» [23. С. 230].

Рубеж XVIII – XIX веков стал временем утверждения приоритета кабинета в верхнем эшелоне власти в Великобритании. «... Начиная с 1782 г., – подчеркивал Н.Н. Яковлев, – для политической системы Великобритании характерно начало медленного, сложного процесса ослабления влияния Короны на кабинет и парламент. Тем не менее, институт монархии сохранял исключительно важное значение, оставаясь ядром политической системы. Обусловлено это было как исторической традицией, так и отсутствием сформировавшихся политических партий, сохранением архаичной избирательной системы. Влияние парламента на формирование и деятельность кабинета было ограничено, проблема ответственного перед парламентом министерства не была разрешена. Большую роль играл персональный фактор, прежде всего – роль личности премьер-министра. В интересующий нас период, располагая поддержкой Короны, парламента и общественного мнения это нелегкое бремя успешно нес У. Питт-младший». [25. С. 240].

Эту особенность подчеркивал, в частности, русский посол в Лондоне граф П.А. Строганов (1772 – 1817). В одном из своих донесений он писал: «Что же касается господина Питта, то его здоровье значительно ухудшилось, так что ему будет невозможно исполнять все свои обязанности с прежней деятельностью; вот почему в последние месяцы произошел застой в делах, очень убыточный для общественного блага». [16. С. 156].

Наполеоновские войны поставили во главу угла вопрос о военно-политическом союзе между Россией и Великобританией. Монархическая солидарность перед лицом общей опасности стала его немаловажным фактором. П.А. Строганов в своем рапорте ко двору от 15/27 июня 1806 года доносил: «Король принял меня милостиво и много говорил о необходимости для обоих государств скрепить больше, чем когда-либо, узы, связывающие две единственные нации, которые еще в состоянии образовать противовес остальной, угнетенной под ярмом, части Европы, что в этом союзе заключается еще остаток свободы континента, в которой не надо отчаиваться, пока звено это будет существовать» [16. С. 167].

Приведенный отрывок их документа, наряду с другими подобными свидетельствами, позволяет констатировать важную закономерность британской государственности рассматриваемого периода. Уступив до некоторой степени инициативу кабинету и парламенту во внутривластной деятельности, корона продолжала сохранять и укреплять свою прерогативу во внешней политике. Именно на ее определяющей роли основывалась активная политика Великобритании на международной арене.

В правление Александра I конституционные вопросы развития России вновь стали весьма актуальными. «Отживающий феодально-крепостнический мир с его патримониальным правом, покорностью богу, царю и помещику, – подчеркивает Н.В. Минаева, – вступал во все большее противоречие с нарождающимися буржуазными элементами в духовной жизни, с такими понятиями буржуазного права, как представительное правление, политическая свобода, незыблемость закона, общественное мнение, буржуазная частная собственность» [14. С. 32].

Стране была необходимая эффективная, соответствующая европейским стандартам система, которая смогла бы управлять страной в условиях глубокого кризиса феодально-крепостнических отношений. «Можно предположить, – справедливо отмечает Н.А. Омельченко, – что под понятием «конституция» Александр I и его окружение понимали *необходимость создания в России современной системы власти и управления, построенной на прочных основаниях закона и свободной от произвола*. Такой подход вполне вписывается в разделяемую этими людьми концепцию «истинной монархии» и в целом отвечал общему для того времени настроению утверждения в государственном управлении принципов просвещенного абсолютизма, ставивших власть в рамки установленных норм и правил». [17. С. 227].

Можно выделить *четыре основные задачи* [17. С. 228], решение которых было положено в основу реформаторской деятельности Александра I в начале его правления:

- 1) осуществление кодификации законов;
- 2) введение твердого порядка обсуждения, принятия и отмены законов;
- 3) установление действенного контроля над государственным аппаратом и создание в стране подзаконной бюрократии;
- 4) создание в России современной и эффективной системы администрации.

«Конкретный план реформирования системы государственного управления, – отмечает современный исследователь, – предусматривал преобразования, следствием которых было бы не только предотвращение деспотических черт в действиях монарха, но и возможность эволюции самодержавной власти в сторону конституционной монархии, монархии буржуазного типа». [4. С. 196].

Как было сказано выше, М.М. Сперанский в своих теоретических построениях самое пристальное внимание уделил британскому парламентаризму и механизму его функционирования. Явные параллели просматриваются в его представлениях об организации законодательной власти и ее взаимодействии с исполнительной. В плане М.М. Сперанского Государственная дума представляется в виде учреждения, имеющего общие черты с европейскими парламентами. Она должна была собираться один раз в год, в сентябре. Верховная власть могла отсрочить созыв думы на один год, уволить ее членов, назначить новые выборы. Исполнительная власть была представлена в проекте министерствами, губернскими и окружными учреждениями. Особое место отводилось Государственному совету. Он должен был, по мысли Сперанского объединить действия императора с учреждениями, представлявшими все ветви власти – законодательную, исполнительную и судебную. Члены Государственного совета назначались императором. Как отмечает С.В. Мироненко, совет «...становился, таким образом, своеобразной палатой лордов, где происходит первоначальное обсуждение важнейших государственных дел». [15. С. 32].

Ошибкой М.М. Сперанского, по нашему мнению, являлось достаточно узкое понимание парламентаризма, под которым, по большому счету, он понимал лишь представительство, встроенное в государственную систему, покоящуюся на разделении властей. На самом деле представительство лишь венчает собой парламентаризм, в основании которого находятся гражданские свободы, мощное общественное мнение, система политических партий (классическая двухпартийная как в Великобритании) и т.д. «Реализация плана Сперанского, – отмечает А.Б. Каменский, – должна была превратить Россию в конституционную монархию, где власть, по существу, была бы ограничена двухпалатным законодательным органом парламентского типа, состоящим из Государственной думы и Государственного совета. Некоторые историки

считают возможным говорить о переходе в результате осуществления этого плана к «буржуазной монархии». Однако, даже если и пользоваться этим не слишком проясненным понятием, очевидно, что при сохранении сословной организации общества и, тем более, крепостного права, подобное было невозможно» [18. С. 145].

Настроение той части дворянства, которая выступала против реформ, нашло отражение в составленной в 1810 – 1811 годах Н.М. Карамзиным записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Обосновывая необходимость сохранения старых порядков, издавна существовавших в России, автор возражал против заимствования западноевропейских правовых и политических нарочитостей. Аргументируя свою позицию, Н.М. Карамзин коснулся и Великобритании. «Как живописцы, - писал он, – изображают монарха? Воином и с мечом в руке, не пастушком и не с цветами. В России не будет правосудия, если государь, поручив оное судилищам, не будет смотреть за судьями. У нас не Англия; мы столько веков видели Судию в Монархе и добрую волю его признавали высшим Уставом». [11. С. 102].

Повышенный интерес к западноевропейскому парламентаризму проявился во время конституционного обустройства Финляндии (1809) и Польши (1815). В этой связи, на наш взгляд, следует подчеркнуть три момента. Во-первых, конституции даровались территориям, на которых уже не было крепостного права, что повышало легитимность местных представительных учреждений. Во-вторых, локальные парламентские модели воспринимались либерально настроенными кругами в России, как, своего рода, «экспериментальные площадки» общенационального представительства. В-третьих, наличие «конституционных включений» в некоторой степени приближало Россию к парламентарной Европе.

По мнению А.Н. Медушевского, «... вершиной попыток правительственного конституционализма первой четверти XIX в., а в известном смысле и всех вообще попыток такой политической реформы до начала XX в.» [12. С. 317]. стала «Государственная Уставная грамота Российской империи» (1820). Составители проекта Н.Н. Новосильцев (1768 – 1838) и П.А. Вяземский (1792 – 1878), по мнению Е.А. Скрипилева [20. С. 102], наряду с другими источниками в своей работе использовали переведенный И. Татищевым в 1806 году на русский язык трактат об английской конституции теоретика конституционного права женева Г. Де-Лолма. [8]. При создании важнейшего документа отечественного правительственного конституционализма первой четверти XIX века мы вновь видим «британский след». «Принцип защиты свободы личности, – подчеркивает Н.В. Минаева, – заимствован авторами Грамоты из классического английского правового свода «Habeas corpus act» – основы буржуазного законодательства, принятого в Англии в 1660-х годах при Карле II Стюарте. ...Включение в Уставную грамоту статей, защищающих

свободу личности и гарантирующих права гражданства, отражало стремление к установлению в России буржуазного правопорядка». [14. С. 38].

Н.А. Омельченко подчеркивает, что в начале XIX века стране сложилась весьма благоприятная социально-политическая ситуация для преобразований. «Отличительной чертой начального этапа реформаторской деятельности Александра I, – пишет он, – следует считать наличие определенного *консенсуса*, который в первые годы правления нового императора установился между *властью, передовым обществом и просвещенной бюрократией*. На почве осознания необходимости перемен в характере политического строя и методах управления государством, что во многом обеспечило относительный успех начатых преобразований. Нарушение этого консенсуса (восстание декабристов 1825 г.) стало исторической трагедией России: отсюда берет начало глубокий раскол между обществом и государством, способствовавший отчуждению общества от власти и в конечном счете предопределивший крушение российской государственности в 1917 г.» [17. С. 228].

Однако достигнутый консенсус не был использован властью. Как говорилось выше, под конституцией Александр I видимо понимал современную и эффективную систему управления, опирающуюся на развитую законодательную базу. Авторы же многочисленных конституционных проектов, используя европейский опыт, шли дальше и конструировали такие схемы государственной власти, которые всякий раз предполагали ограничение абсолютной монархии. Не смотря на локальные конституционные эксперименты, власть осталась тверда в своем намерении управлять страной единодержавно в целом.

Переход к консервативному внутривластному курсу во второй четверти XIX века связан не только с совокупностью внутри и внешнеполитических обстоятельств, но и самой личностью будущего российского императора великого князя Николая Павловича. В 1817 году в образовательных и познавательных целях он совершил поездку в Великобританию. Знакомство с «этой достойной внимания страной», по словам вдовствующей императрицы Марии Федоровны, должно было завершить образование Николая. Впрочем, ставилась и цель политическая – укрепить отношения с недавним союзником, пошатнувшиеся после Венского конгресса. Сопровождать великого князя должны были генерал-адъютант П. В. Голенищев-Кутузов, кавалеры И. Ф. Саврасов и Г. А. Глинка, доктор Крейтон, а также барон П. А. Николаи, ранее служивший в посольстве в Лондоне при графе С. Р. Воронцове. Подробные инструкции получил посол в Лондоне граф Х. А. Ливен.

Великобритания чрезвычайно понравилась будущему императору Николаю I (1825 – 1855) своим консервативным бытом, за исключением разве что митингов в Гайд-парке и прений в парламенте. Он так отозвался об уличных митингах: «Если бы на наше несчастье какой-нибудь злой гений перенес к нам эти клубы и митинги, которые больше шумят, чем делают дело, то я просил бы

Бога, чтобы он повторил чудо смешения языков или уже отнял дар слова у тех, кто делает из него такое употребление» [6. С. 42].

Новый всплеск внимания к британскому парламентаризму относится к периоду движения декабристов, которые, вне всякого сомнения, не могли пройти мимо зарубежного политического опыта, конструируя свою государственно-правовую модель будущей России.

Декабрист М.А. Фонвизин (1788 – 1854) писал: «... все-таки англичане обязаны своим парламентом той мудрой конституционной системе, которая создала могущество и славу Англии и в наше время предохранила ее от насильственных переворотов и потрясений, которые колеблют европейские государства.

Если бы и в России ее Земская дума собиралась чаще и в известные определенные сроки, то, кто знает, может быть, и Россия, в силу общего закона человеческой усовершенности, с правильной системой представительства, наслаждалась бы теперь законосвободными постановлениями, ограничивающими произвол верховной власти» [21. С. 6].

В то же время лидеры движения отнюдь не идеализировали британскую политическую систему. По словам К.Ф. Рыльева (1795 – 1826), П.И. Пестель в беседе «... согласился со мною, что Устав Англии уже устарел, что теперешнее просвещение народов требует большей свободы и совершенства в управлении, что английская конституция имеет множество пороков и обольщает только слепую чернь, лордов, купцов...» [5. Т. 1. С. 178].

Движение декабристов, не смотря на его поражение, заставило правящие круги России активизировать поиск оптимальной идеологической концепции отечественного абсолютизма. Это нашло выражение в создании так называемой «Теории официальной народности». Ее краеугольным камнем стала выдвинутая министром народного просвещения графом С.С. Уваровым (1786 – 1855) формула «Православие, Самодержавие, Народность». А.Н. Пыпин, автор термина «официальная народность», суть этой триады сводил к тому, что «... Россия есть совершенно особое государство и особая национальность, непохожие на государства и национальности Европы... К ней совершенно неприложимы требования и критерии европейской жизни. В ней одной господствует истинный порядок вещей, согласный с требованиями религии и истинной политической мудрости» [19. С. 82 – 83].

Для нашего исследования в связи с «теорией официальной народности» принципиально важными являются два обстоятельства. Во-первых, ее появление во многом было обусловлено противоположением «Россия – Запад», а, следовательно, предполагало идейное обоснование дальнейшей конкуренции российского самодержавия с государственно-правовыми системами западноевропейских стран и США, включая, вне всякого сомнения, британский парламентаризм. Во-вторых, нашедшая свое четкое оформление официальная идеология, с одной стороны, придала более законченные очертания отечественному консерватизму, а, с другой стороны, стимулировала

дальнейшее развитие либерального и радикального направлений общественно-политической мысли России, в том числе и при освещении европейского политического процесса. В силу изложенного оценки британского парламентаризма в 30-е – 40-е годы XIX века приобретали у представителей различных направлений более четкий, идеологически выверенный характер, что подчеркивало специфику каждого из них.

Отечественный либерализм, переживавший этап оформления двух своих модификаций – западничества и славянофильства, до некоторой степени был един в признании значения британской государственной модели. Ориентация «западников» на британские социально-политические и государственно-правовые стандарты общепризнана, в то время как «славянофильская» позиция в этом вопросе нуждается в детальном исследовании. В отечественной исторической науке прочно укоренилось мнение о противопоставлении русскими славянофилами России и Европы. По нашему мнению, данный тезис требует некоторого уточнения. Следует учитывать, что понятия «Запад», «европейская цивилизация» не характеризуются абсолютной однородностью, а, напротив, в социально-политическом аспекте представляют собой совокупность различных государственно-правовых форм и общественных институтов. По крайней мере, между континентальной Европой, облик которой у многих отечественных мыслителей формировался под влиянием Франции, и Великобританией имели место существенные различия. В связи с этим несомненный интерес представляют англофильские воззрения крупнейшего идеолога славянофильства Алексея Степановича Хомякова (1804 – 1860).

В 1848 году он написал «Письмо об Англии», которое стало результатом осмысления впечатлений, полученных от поездки в эту страну годом ранее. Хотелось бы подчеркнуть, что, его англофильство носило прикладной, прагматический характер. Обращение к историческим корням и современному состоянию британского общества для А.С. Хомякова определялось поиском параллелей с российской действительностью. Противопоставляя британскую традиционность европейскому космополитизму, он доказывал возможность относительно обособленного исторического существования, что было созвучно с идеей самобытности России. Великобритания была для него не объектом для подражания, но моделью наиболее конструктивного общественного развития. «Жизнь Англии, – писал он, – развивалась самобытно из своих собственных начал» [1. С. 229].

По мнению А.С. Хомякова подражание иноземным образцам бесперспективно, поскольку вело к утрате национальной самобытности, более того мешало объективно оценить, как положительные, так и отрицательные качества, присущие объекту подражания. «Англия, почти во всем самобытная, сделалась предметом постоянного подражания, а неразумение есть всегдашнее условие подражания. Человек ли обезьянничает человеку, или народ ломается, чтобы сделаться сколком другого народа, в обоих случаях человек или народ не понимают своего оригинала: они не понимают того цельного духа жизни, из

которого истекают внешние формы; иначе они бы и не вздумали подражать» [1. С. 219].

Нам представляется особо важным указание А.С. Хомякова на взаимосвязь «духа жизни» народа и «внешних форм» его организации. Общественные институты, государственно-правовые формы адекватно и эффективно выражающие и обеспечивающие жизнедеятельность того или иного народа, по его мнению, не могут быть механически перенесены на чужую почву. А.С. Хомяков с некоторой снисходительностью рисует парламент, но при этом отдает ему должное как инструменту именно британского государственного механизма. «...Где такие малосложные средства дают такие огромные результаты? Где ум идет к цели так прямо? Человек триста собрались в большой комнате в вечных своих черных фраках, сидят кто как попал, почти в беспорядке; иной полулежит, иной дремлет; один какой-нибудь из присутствующих говорит с своего места: это парламент, величайший двигатель новой истории». [1. С. 222].

«Дух жизни» британцев, составляющий основу их ментальности, по мнению А.С. Хомякова, состоит в консерватизме, трепетном отношении к национальным основам общественной и государственной жизни. «Действительно всякий англичанин – тори в душе. Могут быть различия в силе убеждений, в направлении ума; но внутренне чувство одинаково у всех» [1. С. 231].

Это выражается в первую очередь в трепетном отношении к таким основам британской государственности, как монархическое правление и уважение к закону. «Английская гувернантка, после тридцатилетнего отсутствия из Англии, не могла слышать песни God save the King (Боже царя храни) без того, чтобы не снять шапок с головы своих воспитанников, и она делала это совершенно бессознательно. Таково же отношение англичанина к закону. Он беспредельно уважает закон; но почему? Потому, что всякий закон английский есть английский вполне» [1. С. 232].

Политический консерватизм А.С. Хомяков находил и у основной массы соотечественников и считал его важнейшим фактором русской самоидентификации. «Если ты хочешь найти тористические начала вне Англии, – оглянись: ты их найдешь... Вот величие златоверхого Кремля с его соборами, и на Юге пещеры Киева, и на Севере Соловецкая святыня, и домашняя святыня семьи, и более всего, вселенское общение никому неподсудного Православия» [1. С. 237].

По справедливому мнению Хомякова, внутривнутриполитический процесс в Великобритании середины XIX века, определялся противостоянием тори и вигов, точнее консерваторов и либералов. А.С. Хомяков полагал, что политический аспект этого конфликта не является первостепенным, поскольку концептуально в сознании политической элиты страны доминировали консервативные установки, предполагавшие мирную эволюцию при сохранении важнейших политико-правовых форм и институтов. С другой

стороны, различия между двумя направлениями носили скорее социальный характер, поскольку они по-разному оценивали перспективы и приоритеты общественно-экономического развития. «Разрознились и вступили в борьбу две разумные силы народа. Одна, органическая, живая, историческая, ослабленная уже упадком сельского общинного быта и бессознательно допущенным скептицизмом протестантства, составила торизм. Другая, личная и аналитическая, не верящая своему прошедшему, приготовленная уже издавна тем же упадком общинного быта и усиленная всею разлагающею силою протестантства, составила вигизм» [1. С. 231].

Как не желательно было бы для А.С. Хомякова сохранение традиционных институтов и отношений, он вынужденно признавал динамику британского исторического процесса. «Конечно, Англия еще крепка, много живых и свежих соков льется в ее жилах; но дело вигов идет вперед неудержимо. Звонко и мерно раздаются удары протестантского топора, разрубаются тысячелетние корни, стонет величавое дерево» [1. С. 238].

Обращение А.С. Хомякова к анализу внутривнутриполитических процессов в Великобритании было отнюдь не случайно. Общественно-политическая практика в этой стране была для него интересна в сопоставлении с отечественной действительностью. В стремлении британцев опереться на собственные традиции А.С. Хомяков находил созвучные настроения своей концепции развития России. Великобритания не была для него образцом для заимствования конкретных политико-правовых форм, но давала метод ненасильственной эволюции.

Великобритания привлекала внимание и отечественных консерваторов второй четверти XIX века, оценки которых государственно-правовой системы этой страны становились определеннее. Отказываясь видеть острейший социально-политический кризис, который был отчасти разрешен благодаря избирательной реформе 1832 года, они рассматривали британский парламент как элемент системы, контролируемой и направляемой монархией.

Так, видный консервативный журналист, писатель и издатель Н.И. Греч (1787 – 1867) в своих «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции», изданных в Санкт-Петербурге в 1839 году, анализируя расстановку политических сил в британском парламенте приходил к выводу о том, что «...сколь не различны все эти партии в мнениях своих о том, какие средства должно употребить для достижения цели – они согласны в одном, в ревностной приверженности к своему отечеству, к своему государю, в совершенной покорности существующим законам, и в пламенном желании всех благ, славы и величия их любезной Британии» [7. С. 224].

Затем он с восторгом восклицал: «Цвети, прекрасная, благородная, величественная Британия! Будь примером и образцом благочестия, непоколебимой верности к добрым монархам, искренней любви к своему отечеству и приверженности к ее законам!» [7. С. 252].

Начало критическому отношению русских радикалов к британскому парламентаризму было положено В.Г. Белинским (1811 – 1848), который писал: «Те же Чичиковы, только в другом платье: ...в Англии они не скупают мертвых душ, а подкупают живые души на *свободных* парламентских выборах. Вся разница в цивилизации, а не в сущности. Парламентский мерзавец образованнее какого-нибудь мерзавца нижнего земского суда, но в сущности, оба они не лучше друг друга» [2. С. 360].

Развитие британского парламентаризма стало тем фактором, который во многом содействовал во второй четверти XIX века формированию либерального, консервативного и радикального подходов в России к освещению европейского политического процесса.

Под прессом «теории официальной народности» оказалась и русская периодическая печать. Однако и в этих условиях умеренные издания продолжали фрагментарно информировать своих читателей о событиях в Великобритании. Так, в 1833 году московский журнал «Телескоп», издававшийся Н.И. Надеждиным (1804 – 1856), откликнувшись по горячим следам на первую парламентскую реформу, отмечал: «Пример Франции отозвался и в ней (Англии – А.М.) беспокойным движением, усилив давно чувствуемую потребность реформы: но сие движение было гораздо спокойнее и поэтому обошлось без насильственной развязки. Министерство, поддерживаемое королем, умело сохранить мир с парламентом и народом, ...Дело преобразования, с согласия правительства, совершилось тихо, без насилия и ломки, без шума и крови» [24. 1833. № 1].

Говоря о том, что реформа прошла «без шума и крови», журнал все же подчеркивал ее «чувственную потребность», что в 1833 году вполне могло быть расценено властями как смелое, если не крамольное заявление.

Информирование читателя с европейскими событиями сочеталось на страницах русской умеренной периодической печати с философско-аналитическим осмыслением проблемы «Россия – Запад». Разработка вопроса отношения русского просвещения к западноевропейскому стала центральной задачей созданного И.В. Киреевским (1806 – 1856) журнала «Европеец», начавшего выходить с января 1832 года. Журнал открылся своего рода программной статьей «Девятнадцатый век», в которой намечались перспективы идейного взаимодействия России и Европы. По мнению «Европейца» это взаимодействие должно было перестать быть созерцательным и перейти в практическую плоскость, что подразумевало и активный диалог государственно-правовых систем. «...Главный характер просвещения в Европе был прежде попеременно поэтический, исторический, художественный, философский, и только в наше время мог образоваться чисто *практическим*». [9. № 1].

Оба этих издания, «Телескоп» и «Европеец», осмелившиеся выйти за рамки официальной идеологии, в скором времени были закрыты.

Правление Николая I стало качественно новым этапом в развитии отечественного конституционализма. «...В условиях мобилизационного пути развития, отставания России от европейских стран и связанного с этим отставанием резкого несоответствия европеизированной элиты и традиционалистских народных масс модернизация страны неизбежно должна была проводиться в русле *консервативного обновления*. Именно политика консервативного обновления, предполагавшая сохранение традиционных институтов при одновременной активно-реформаторской роли государства, могла обеспечить постепенное вхождение России в новую эпоху индустриального общества. С учетом особенностей национального менталитета здоровая консервативная идеология могла сыграть роль амортизатора, регулирующего степень влияния перемен на наиболее незащищенные слои традиционного общества» [17. С. 241 – 242].

В этой связи британская государственно-правовая модель привлекала внимание в России по двум причинам. С одной стороны, власти, умеренным и консервативным кругам импонировала ее устойчивость, в основе которой лежал многовековой компромисс монархии и аристократии. С другой стороны, начавшаяся модернизация британского парламентаризма, протекавшая в рамках ограниченной реформы избирательного права, демонстрировала его способность к «консервативному обновлению», которое становилось востребованным в самой России.

* * *

Британский парламентаризм во второй половине XVIII – первой половине XIX века стал объектом пристального внимания в России. «В рамках многогранной проблемы «Восток и Запад», – отмечает А.Б. Соколов, – важное место занимает история взаимоотношений двух стран: Англии и России. В них всегда наблюдался особый интерес друг к другу. Отчасти это можно объяснить тем, что англичане первыми проникли в Россию с целью регулярной торговли. Но главное, наверное, заключается в том, что Англия и Россия всегда как бы символизировали два полюса общественно-политического устройства. Англия на протяжении столетий считалась образцом конституционных и демократических порядков, Россия – страной, управлявшейся азиатскими деспотическими методами» [21. С. 4 – 5].

К этому положению хотелось бы добавить, что обе страны во второй половине XVIII – первой половине XIX века стремились позиционировать себя в качестве лидеров на европейской арене, что придавало особое значение этой государственно-правовой «полярности». Вместе с тем, принципиальные отличия двух государственно-правовых систем не были препятствием для внимательного отношения в России к институтам и механизмам британского парламентаризма, доказавшим свою жизнеспособность.

В политическом опыте Великобритании российское самодержавие стремилось обнаружить доказательства устойчивости монархии даже в

условиях парламентаризма. Общественная мысль России в рассматриваемый период «кристаллизовала» свои основные направления в освещении европейского политического процесса во многом благодаря первым попыткам восприятия британской государственно-правовой системы.

Движение российской государственности во второй половине XVIII – первой половине XIX века от деспотического абсолютизма Петра I к «правовому» предполагало учет многих внутри и внешнеполитических факторов. Внимание к британскому парламентаризму, исключавшее его слепое копирование, способствовало выяснению основных принципов и методов построения новой монархии.

Ссылки и примечания:

1. «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. 1646 – 1945 / Сост. Казнина О.А., Николюкин А.Н. – М.: РОССПЭН, 2001. – 648 с.
2. Белинский В.Г. Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке // Полное собрание сочинений. – М.: Издательство АН СССР, 1955.- Т.6. – С. 351-365.
3. Вестник Европы. 1802 – 1830.
4. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006. – 734 с.
5. Восстание декабристов: Материалы. – М., 1925 – 1926. Т. 1, 2.
6. Высокочков Л.В. Николай I. – М.: Мол. гвардия, 2003. – 693 с.
7. Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. – СПб.: Типография Греча, 1839. Ч.1.- VIII,254 с.
8. Де-Лолм Г. Конституция Англии, или состояние английского правления, сравненного с республиканскою формою и другими европейскими монархиями. – М. Университет. тип., 1806. Т. 1. – 292 с.
9. Европеец: Журнал наук и словесности. 1832.
10. История русской журналистики XVIII – XIX веков. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – 600 с.
11. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991. – 107 с.
12. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. – М.: РОССПЭН, 1997. – 650 с.
13. Минаева Н.В. Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н.М. Карамзина // История СССР. 1982. – № 5. – С. 150 – 159.
14. Минаева Н.В. Правительственный конституционализм в России после 1813 г. // Вопросы истории. 1981. - № 7. – С. 32 – 41.

15. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. (Отв. ред. Дмитриев С.С.; АН СССР, Ин-т истории СССР.) – М.: Наука, 1989. – 239 с.
16. Николай Михайлович, великий князь. Граф Павел Александрович Строганов (1774 – 1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. – СПб., 1903. Т. 1.
17. Омельченко О.А. История государственного управления в России. – М.: Проспект, 2008. – 464 с.
18. Представительная власть в России: История и современность / Под общ. ред. Л.К. Слиски. – М.: РОССПЭН, 2004. – 592 с.
19. Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. – СПб.: «Колось», 1906. – VIII, 519, LVI с.
20. Скрипилев Е.А. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. (Из истории правительственного конституционализма) // Советское государство и право. 1980. - № 7. – С. 100-108.
21. Соколов А.Б. Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI – XVII вв. – Ярославль: Верхневолж. кн. изд-во, 1992. – 303 с.
22. Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов/ В.И. Коваленко. Михаил Михайлович Сперанский. // Вестник Моск. Ун-та. Сер.12. Политические науки. 1999. - № 6. – С. 92-102.
23. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. – СПб.: Наука, 2002. – 680 с.
24. Телескоп: Журнал современного просвещения. 1831 – 1836.
25. Яковлев Н.Н. Британия и Европа. – М.: Издательство АН СССР, 1957. – 300 с.

УДК 94:355.357(71-51:410) "1914/19"

А.В. Бредихин

доктор исторических наук,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

e-mail: kf.vsemir.zav@donnu.ru

В.В. Шаповалов

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

e-mail: vovankryt_2014g@mail.ru

УЧАСТИЕ КАНАДСКОГО ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА В ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1917 - 1918 ГГ.)

Аннотация

В данной работе рассматриваются действия Канадского экспедиционного корпуса. Статья отражает главные битвы канадских военных формирований на заключительном этапе войны, исход которых имел важнейшее значение как для самого корпуса, так и для союзных сил. Статья призвана заполнить пробел в отечественной историографии по данному вопросу, используя историко-системный и историко-сравнительный методы на основе хронологического, количественного и аналитического методов.

Ключевые слова: *Канада в Первой мировой войне, Канадский экспедиционный корпус, Битва за Вими-Ридж, Битва за Пашендейль, Сто дней Канады.*

Summary

This paper discusses the actions of the Canadian Expeditionary Force. The article reflects the main battles of the Canadian military formations at the final stage of the war, the outcome of which was of great importance both for the corps itself and for the allied forces. The article is intended to fill a gap in Russian historiography on this issue, using historical-systemic and historical-comparative methods based on chronological, quantitative and analytical methods.

Keywords: *Canada in World War I, Canadian Expeditionary Force, Battle of Vimy Ridge, Battle of Passchendaele, One Hundred Days of Canada.*

Успехи Первого контингента привели к созданию целого Канадского экспедиционного корпуса 15 июня 1915 г. под командованием генерала Эдвина Олдерсона. Действовать он стал к концу сентября 1915 г. и состоял из двух пехотных дивизий, корпусных войск и приданных частей, численностью 1 354 офицеров и 36 522 человека других чинов.

К 1917 г. канадская армия вплотную подошла к знаменательной странице своей истории. Впервые Канадский корпус действовал не только полностью самостоятельно, но и используя все 4 дивизии, при чем была присоединена 5-я Британская пехотная дивизия. Численность корпуса достигала невиданных ранее для нее чисел: 170 тыс. солдат, из них 97 184 были канадцами [1]. Канадские солдаты, как отмечал Ллойд Джордж и военный историк Эндрю Годфрой, были самыми эффективными, «ударными» воинскими формированиями наряду с австралийскими дивизиями [2]. Канадцы были известны своими громкими наступлениями при Вими и Пашендейле, где их боевая слава стала примером бескомпромиссного мужества. При значительном вкладе в войну, тема участия Канады в Первой мировой войне раскрыта по большей части лишь в западной историографии, трудов по которой не так уж и много, а ведь в этой войне, как говорят сами канадцы, их нация «родилась».

Именно это и актуализирует исследуемую тему, а данный научный труд призван заполнить пробел в отечественной историографии, исследовав и упорядочив имеющуюся информацию. Конфликт повлиял на получение независимости от Великобритании, так же он повлиял на внутренние разногласия между франкоканадскими и англоканадскими гражданами страны, не говоря об очевидных изменениях в ее экономике.

Отечественная историография данной проблемы является незначительной. Практически единственной монографией, затрагивающей историю Канады в Великую войну, является «История Канады» С.Ю. Данилова [15]. О последствиях войны для Канады указывается в статье А.П. Чухловина «Основные предпосылки увеличения роли Канады на международной арене в период Первой мировой войны» [17].

В зарубежной историографии тема исследования раскрыта шире, и во многом благодаря детальной монографии «Официальная история канадской армии в Первой мировой войне: Канадский экспедиционный корпус, 1914-1919 гг.» полковника Дж.У.Л. Николсона, являющимся полномасштабным трудом, затрагивающим все аспекты изучаемой проблемы [1]. Среди других авторов, которые изучали участие Канадского экспедиционного корпуса, следует назвать работы Билла Роулинга «Выживание в окопной войне: технологии и Канадский корпус, 1914 - 1918 гг.» [13], Джеффри Хейс, Эндрю Яроччи. «Вими-Ридж: канадская переоценка», А. Кирси «Битва при Амьене 1918 года (Битва при Амьене и операции 8 августа – 3 сентября 1918 года.). Поворот на Западном фронте» [11] и др.

В начале апреля корпусу было приказано штурмовать семикилометровый хребет Вими, который был такой высокий, что союзные войска для противника были как на ладони. Атаковать позицию было опасно, потому канадцев оснастили пулеметными и гранатометными отрядами, а также выдали новые карты на основе недавних аэрофотоснимков. Перед атакой артиллерия работала по позициям около двух недель, стараясь разрушить укрепления и деморализовать германских солдат [3].

9 апреля, в пасхальный понедельник 1917 г., под покровом ночи пехота стягивалась к штурмовым позициям. В 5:30 передовые части всех 4 дивизий Канадского корпуса численностью в 15 тыс. человек атаковали и окружили хребет. Мужество и дисциплина канадцев в совокупности с мокрым снегом, летящим в сторону обороняющихся, заставляли немцев отходить или даже сдаваться в блиндажах [1, С.253]. Трагедией стала атака 4-й дивизии, которая частично полегла только выйдя из окопов. На ее плечах лежала ответственность за занятие самой важной точки – высоты 145, которая все же была взята в ходе героической штыковой атаки против пулеметных позиций лишь к полудню, когда остальные дивизии выполнили задачу к 9 часам утра. К 18:00 фронт устоялся, немцы реорганизовались.

10 апреля штурм возобновился в 9:30 вместе со свежими силами британцев, что помогло окружить хребет и взять его под контроль к концу дня, но оставался еще выступ на востоке, именуемый «Прыщем». Его контролировала 4-я гвардейская пехотная дивизия [3, С.315], которая не была намерена сдаваться. Против нее сражалась 12 апреля 4-я канадская дивизия. Для немцев все сложилось неудачно: заградительный обстрел недавно эвакуированной немецкой артиллерии был очень слаб и неточен, а их позиции обстреляли с минометов, метаящих «бочки» с газом, к тому же вскоре они догадались об окружении. Помощи было ждать неоткуда, оставалось только сражаться. Пехота схлестнулась в бою с утра, а закончилось все лишь к ночи.

12 апреля 1917 г. штурм Вими-Ридж закончился, он длился всего 4 дня, что было невероятным успехом для Канады, но не менее огромной была и цена. По подсчетам Медицинского корпуса потери составили 10 602 человека, из них 3 598 человек были убиты и 7 004 ранены [4]. Из-за дезорганизации 6-й армии, подсчеты немцев неточны, но их потери равны примерно 20 тыс., что составило 25% от общего числа потерь за апрель-май 1917 г.

31 июля 1917 г. началось наступление на Пассендале, или же на Пашендейль, как более часто можно встретить это название в отечественной историографии. Это была уже третья битва при Ипре. Союзные войска в битвах на хребте Пилкем, при Лангемарке и при Мененской дороге побеждали с минимальными достижениями и огромными потерями. Главной задачей операции под Пашендейлем являлось уничтожение баз германских подводок на побережье Фландрии и сокращение масштабов неограниченной подводной войны. Однако результатом являлся прорыв фронта на 1,5 - 2 км. Поле боя выглядело как мокрое и грязное месиво из земли, воды, газов и трупов. Британская армия состояла из сил англичан, австралийцев, южноафриканских сил при поддержке французов. Общие потери АНЗАКа (Австралийского и новозеландского армейского корпуса) заставили Главнокомандующего Дугласа Хейга заменить их на Канадский экспедиционный корпус и включить его в состав 2-й армии, чему генерал Артур Карри был рад, поскольку Хейг планировал перевести корпус в 5-ю армию, которой управлял генерал Чарльз Гоф, взаимно недолюбливавший Карри [5].

И хотя генералу не нравилось, что корпус бросают в фактически разыгранную кампанию без результатов с целью ее реанимировать [6], делать было нечего. Главной задачей канадцев стало тремя атаками прорвать немецкий фронт и захватить Пашендейл [7]. Канадский корпус был направлен во Фландрию в начале октября, и к середине месяца подготовка, включая строительство и улучшение дорог, уже шла полным ходом. Особое внимание уделялось поиску и ремонту артиллерийских позиций.

26 октября атака началась в 5:40 под мокрым туманом, перешедшим в дождь, который лил весь день. Заградительный огонь, продвигаясь вперед на 45 метров каждые 4 минуты, двигался достаточно медленно, чтобы пехота могла держаться на ногах, преодолевая перевал [1, С.319]. 3-я дивизия слева атаковала отрог Бельвю, а 4-я дивизия двигалась справа в сторону Пашендейла. Первоначальная атака 4-й дивизии увенчалась успехом, и, хотя немцы предприняли сильные контратаки, канадцы держались в течение следующих нескольких дней, обеспечив стартовую линию для следующего этапа. Атака 3-й дивизии имела менее определенный исход, встретив ожесточенное сопротивление немцев.

Второй этап начался 30 октября в 5:50 и был предназначен для захвата позиций, не захваченных ранее, и получения базы для последнего штурма Пашендейла [1, С.320]. 3-я дивизия продолжала наступление по отрогу Бельвю. К полудню 30 октября большинство позиций было занято, и дивизия начала закреплять свои успехи.

После этого канадцы взяли тактический перерыв, а отсутствие дождя с 3 по 5 ноября помогло логистической подготовке и реорганизации войск для следующего этапа. 6 ноября в 6:00 утра мощный артиллерийский залп, чрезвычайно удачно поддержавший атакующую пехоту, разразился по всему фронту. Атакующие роты так быстро вырвались со своих исходных позиций, что ответный огонь противника подавлял, тыльные части волны. Впоследствии пленные сообщали, что пехота следовала за обстрелом так близко, что в большинстве случаев немцы не успевали укомплектовать свои пулеметы [8]. Почти везде атака шла хорошо. 2-я дивизия столкнулась с основным сопротивлением со стороны дотов на северной оконечности Пассендале, но менее чем через 3 часа после деревня, которая так долго была целью союзников, надежно перешла в руки канадцев [1, С.324]. Этот удачный штурм был такой же знаменательной победой для канадцев, как и Вими-Ридж, стоивший канадскому корпусу 15 654 потерь и более 4 000 убитых за 16 дней боев.

Итак, Канадский экспедиционный корпус в 1917 г. показал себя с положительной стороны в ходе двух штурмов: хребта Вими и поселка Пассендале. Многие историки связывают эти события как причину рождения и стремительного взросления канадской нации, что, как мы видим, неспроста. На хребте Вими, на высоте 145, гордо стоит Канадский национальный мемориал, который является крупнейшим и главным заграничным военным мемориалом.

Фельдмаршал Дуглас Хейг решил, что отличным началом полного разгрома врага станет атака на Сомме. В частности, основной целью было отеснить противника от железнодорожного сообщения Амьен – Париж [9]. С этой мыслью согласился маршал Фердинанд Фош, которого вернули на пост главнокомандующего французскими войсками в конце марта 1918 г. При этом, если наступление оказалось бы успешным, будет введена 3-я французская армия, которая развяжет крупномасштабную битву [1, С.395]. Необычному характеру битвы за Амьен послужила окраска «секретности». Союзники осознали, что «всякий раз, когда немцы обнаруживали, что канадский корпус приближается к линии фронта, они готовились к худшему». Поэтому два пехотных батальона намеренно отправили на север к Ипру, демонстрируя стяжку корпуса к этой зоне [10]. На самом же деле Канадскому корпусу совместно с британскими, французскими армиями поручили тайно провести операцию, специально названную для секретности «рейдом», а перед операцией провели только предбоевой обстрел [11].

Замешательству германской армии не было предела, когда 8 августа в 4:20 утра по фронту из густого тумана замелькали канадские, британские и австралийские пехотинцы, прорывающиеся при поддержке 500 танков, удачно зашли в тыл и дезорганизовали противника [11, С.2]. Огромными усилиями союзники были остановлены 13 августа, но это не имело значения, поскольку уже был план по прорыву Гинденбургской линии, а армия была деморализована. Эрих Людендорф назвал 8 августа «Черным днем немецкой армии». Самая глубокая степень проникновения от их отправных точек составляла примерно 23 км (14 миль), а в общей сложности канадцы освободили территорию площадью более 170 км², на которой находилось 27 городов и деревень», – рассказывал о достижениях А. Карри в торонтской газете «Toronto Globe Newspaper» [12].

23 августа канадцев призвали выйти на фронт к востоку от Арраса, чтобы через 3 дня атаковать в этом направлении. 26 августа в 3:00 началась битва при Скарпе. Удачное наступление, где канадцы прошли 5 км и захватили города Монши-ле-Пре и Ванкур, сменилось на следующий день просадкой по темпу и срокам штурма из-за дождя, в результате чего пришлось атаковать 28 числа. 2-я и 3-я канадские пехотные дивизии захватили Френс-Руврой после трех дней интенсивной борьбы. Сообщается, что общие потери составили 254 офицера и 5547 рядовых. Они захватили более 3 300 пленных, 53 орудия и 519 пулеметов. К 30 августа река Скарп полностью контролировалась Канадским корпусом [13].

2 сентября 1918 г. Канадский корпус прорвал линию Дрокур-Кеан и сломал ее опорную позицию, потеряв 5 622 человека, в результате общие потери в операции Аррас-Камбре составили 11 423 человека. После этого немцы ушли через Северный канал, который был почти полностью затоплен [13, С.440].

В битве у Северного канала канадцы использовали сложный маневр для атаки вдоль канала через незавершенный сухой участок. Они соорудили мосты и перешли канал ночью, удивив наутро атакой. Это доказало способность

канадских инженеров строить новые дороги для эффективного пересечения труднодоступной местности незаметно для врага.

Затем канадцы прорвали линию Гинденбурга во второй раз, во время битвы при Камбре 8-10 октября, которая (наряду с австралийским, британским и американским прорывом при канале Сен-Квентин) привела к окончательному падению боевого духа немцев. Этот крах вынудил немецкое верховное командование признать необходимость прекращения войны. Свидетельства падения морального духа немцев убедили многих командиров и политических лидеров союзников в том, что война может быть прекращена в 1918 г..

Последней битвой для Канадского экспедиционного корпуса была «Погоня за Монсом», названная так по преследованию разбитых германских частей у Денена и Валансьена во Франции, отступавших непрерывно 70 км к Монсу в Бельгии, где канадцы вытеснили немцев из города на 10 – 11 ноября, когда в 6:30 утра 11 ноября 1918 г. было объявлено о долгожданном перемирии. Сведения об этом передала бригада в 11 часов утра вместе с приказом о прекращении огня [14]. Монс стал городом, где для Британии началась кровопролитная война и, наконец, закончилась: «...в одиннадцатом часу, как раскаты сильного грома, то появлявшиеся, то исчезающие в туманной дали, грохот орудийных выстрелов, стрекот пулеметной и ружейной стрельбы, крики людей быстро стихли, и до слуха теперь донеслась музыка сотен церковных колоколов, возносящих со всех сторон свою благодарность за мир после четырех лет войны и ее ужасов...» [14].

Проведя анализ битв и сражений, можем сделать несколько выводов. Во-первых, немногочисленность сыграла на руку армии, поскольку подготовка солдат не была поверхностной, их тренировали в Канаде, Великобритании, а и непосредственно в прифронтовой зоне. Качественная тренировка и умелое комбинирование пехоты, артиллерии и инженерных войск давала высокие боевые результаты. Во-вторых, Канадский экспедиционный корпус достаточно часто имел возможность передохнуть и пополнить свои силы по той причине, что командование понимало высокий уровень умений солдат [15]. В-третьих, Канадский корпус руководился грамотными генералами, а при А. Карри самостоятельно спланированные операции выполнялись успешно.

Значение войны для Канады было огромное. Официальная статистика правительства показывает, что 619 636 канадских мужчин и женщин служили в канадской армии во время Первой мировой войны. Жертвы, принесенные для победы, были велики. Из тех, кто не вернулся, 51 748 канадских солдат и медсестер были убиты в бою или умерли от ран. 7 796 человек, умерших от болезней или случайно убитых, увеличивает общее количество смертельных армейских потерь до 59 544 человек всех рангов. Общее количество потерь канадской армии всех категорий на всех театрах военных действий составило 232 494 человека [15, С.535]. Триумфом стал штурм хребта Вими в 1917 г., когда позиция была взята всего за 4 дня, в то время, когда англичане и французы ценою больших потерь оставались на месте.

Стоит отметить тот факт, что Канада тоже участвовала в интервенции на территории РСФСР. По просьбе Военного министерства Великобритании канадских военных специалистов в три волны привлекали для формирования и обучения русских антибольшевистских отрядов в Архангельске, Мурманске и Сибири. На севере канадские интервенты представлены были количеством до 606 человек [16], в Сибири – более 4 000.

В целом можно считать, что Первая мировая война была переломным моментом в жизни Канады, и если не моментом «рождения нации», то по крайней мере значительной вехой в развитии государства.

Ссылки и примечания:

1. Colonel G. W. L. Nicholson, C.D. Official History of the Canadian Army in the First World War: Candian Expeditionary Force, 1914-1919. Queen's printer and controller of stationery Ottawa, 1962. – 621 p.
2. Andrew G. Canadian Military Effectiveness in the First World War // The Canadian Way of War / B. Horn. 2006. - pp.169 - 194.
3. Sheldon J. The German Army on Vimy Ridge 1914–1917, Barnsley: Pen & Sword Military. 2008. – pp.248-249.
4. Moran H. The Canadian Army Medical Corps at Vimy Ridge, in Geoffrey H., Andrew I. Vimy Ridge: A Canadian Reassessment. Wilfrid Laurier Univ. Press. 2007. - p.139.
5. The private papers of Douglas Haig, 1914-1919: being selections from the private diary and correspondence of Field-Marshal the Earl of Bemersyde / edited by Robert Blake – p.257.
6. Записка об участии Канады в Пашендале, приложенная к письму Дугида Эдмондсу, 20 ноября 1945 г., штаб-квартира 650-52-7. об. 8.
7. История Первой мировой войны 1914 - 1918 гг. Том 2. – М.: Наука, 1975. – С. 345–346.
8. 2nd Div. “Summary of Operations, 6 p.m. 2/11/17 to 6 p.m. 8/11/17.” Colonel G. W. L. Nicholson, C.D. Official History of the Canadian Army in the First World War: Candian Expeditionary Force, 1914-1919. Queen's printer and controller of stationery Ottawa, 1962. – p.324.
9. Bean C.E.W. The Australian Imperial Force in France during the Allied Offensive, 1918. The official history of Australia in the war 1914–1918. Volume. VI. Sydney: Angus and Robertson. 1942.- p.472.
10. Gregory B. Amiens 1918: Victory from Disaster. S.l.: Pen & Sword Military. 2020. – p.161.
11. Kearsley A. The Battle of Amiens 1918: And Operations 8th August-3rd September, 1918. The Turn of the Tide on the Western Front. Aldershot Gale & Polden. 1950. - pp.11-12.

12. "Gen. Currie Tells Inside Story of Battle of Amiens". The Globe. p. 1930.
13. Роулинг Б. Выживание в окопной войне: технологии и Канадский корпус, 1914 - 1918 гг. – Торонто, Университет Торонто, 1992. – 305 с.
14. Singer H. C. History of the 31st Canadian Infantry Battalion, C.E.F. Toronto Public Library. 2006. pp.429-431.
15. Данилов С.Ю. История Канады. – М.: Издательство «Весь Мир», 2006. – 256 с.
16. Неровный А.В. Зарубежная историография участия канадского военного контингента в интервенции на Русском Севере в 1918 - 1919 гг. // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 4. – С. 1004–1018.
17. Чухловин А.П. Основные предпосылки увеличения роли Канады на международной арене в период Первой мировой войны // Вестник ВолГУ. – Серия 9. Выпуск 14. – 2016. – С. 56 – 61.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(5):339Ю924

Г.П. Ерхов

доктор исторических наук,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

e-mail : kf.moivp@donnu.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА СТРАН АЗИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению актуальных проблем международного интеграционного процесса стран Азии в современных условиях. Автор анализирует достигнутый уровень международной интеграции государств континента, важнейшие факторы ее развития, особенности региональной интеграции в Азии, ее субрегиональный характер, а также влияние внешнего фактора на интеграционный процесс. При этом автор уделяет большое внимание роли цивилизованности и религиозности в Индии и на Ближнем Востоке в развитии международной интеграции внутри континента. Среди сделанных выводов автор выделяет необходимость азиатского единения и координации действий в условиях складывания многополярной системы международных отношений на планете.

Ключевые слова: *Азия, интеграция, политический процесс, АТЭС, АСЕАН, ШОС, СААРК, ЛАГ, ССПЗ, ОИС и др.*

Summary

The article is devoted to the consideration of the actual problems of the international integration process of Asian countries in modern conditions. The author analyzes the achieved level of international integration of the continent's states, the most important factors of its development, the peculiarities of regional integration in Asia, its sub-regional nature, as well as the influence of an external factor on the integration process. At the same time, the author pays great attention to the role of civilization and religiosity in India and the Middle East in the development of international integration within the continent. Among the conclusions made, the author highlights the need for Asian unity and coordination of actions in the context of the formation of a multipolar system of international relations on the planet.

Keywords: *Asia, integration, political process, APEC, ACEAN, SCO, OAS, LAS, GCC, OIC and etc.*

Азия сегодня находится под пристальным вниманием ученых и аналитиков. В условиях формирующегося многополярного мира страны континента демонстрируют значительную динамику своего развития. Важную роль в этом научная мысль отводит политическому и интеграционному процессам, которые постоянно нарастают на современном этапе. Взаимосвязь этих двух важнейших процессов в международных отношениях на глобальном и региональном уровнях очевидна. Отчетливо наблюдается диалектика взаимодействия процессов под влиянием конкретно-исторических условий. На современном этапе развития мировой цивилизации значение сотрудничества народов земли постоянно возрастает, что обусловлено объективной необходимостью выживания человечества при сокращении природных ресурсов, а также различных катаклизмов, пандемией и др. Изучение столь важного научного направления в конце прошлого столетия и начале XXI века значительно усилилось. Здесь, прежде всего следует назвать труды коллективов и отдельных авторов специализированных институтов Академии наук РФ, МГИМО, научно-исследовательского института Азии и Африки МГУ, кафедр международных отношений ведущих региональных вузов Санкт-Петербурга, Иркутска, Новосибирска и др. Развитие политического процесса и интеграции Западной Азии (Ближний Восток) активно исследуется учеными института изучения Израиля и Ближнего Востока. При этом освещаются прежде всего региональные темы политического и интеграционного процессов стран азиатского континента. Среди актуальных проблем авторы выделяют: роль цивилизованности, этно-культуры, религий, государственности, политической модернизации, институционализации процессов, международного права и деятельности международных организаций в сотрудничестве стран в азиатском регионе. В основном исследования осуществляются по: Восточная Азия, АТР, Юго-Восточная, Центральная, Южная Азия, Средний и Ближний Восток. Это объясняется тем, что каждая из названных территорий континента имеет определенную специфику своего развития исходя из этно-культурных традиций, менталитета населения, наличия природных ресурсов, национальных интересов государств [1].

Развитие международных отношений стран Азии на современном этапе базируется на основе политической модернизации государств, использовании интеграции своих возможностей в сотрудничестве в регионе. Важную роль в этом играют внутренние ресурсы внешней политики в современных условиях. Как известно, государства Азии сегодня располагают территорией в 45 млн км². Население региона насчитывает свыше 4,6 млрд человек, что составляет более половины жителей всей планеты. Подавляющее число стран Азии имеют богатую историю возникновения и развития цивилизации, создания государственности, широкого сотрудничества народов, континента, сложившийся исторический жизненный уклад, традиции, культура, и другие. Растет международный имидж Азии, являющийся важным ресурсом ее внешней

политики и интеграционного процесса. Политическая модернизация, значимая ресурсная база азиатских стран способствуют осуществлению активной внешней политики и расширению международного сотрудничества как внутри континента, так и за его пределами. Столь важные процессы в азиатском регионе привлекли внимание многих ученых и аналитиков. Государства Азии сегодня стремятся, исходя из своих национальных интересов, строить свои взаимоотношения на взаимовыгодных условиях в области экономики, безопасности, культуры, образования, туризма и др. Активно содействует этому дипломатия и континентальные международные организации АТЭС, АСЕАН, ШОС, ЛАГ, ССАГПЗ, ОИС, двухсторонние международные отношения государств региона [9].

Так, Ассоциация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества своей важнейшей задачей считает создание свободной экономической зоны, расширение взаимосвязей с Европой, латиноамериканским МЕРКОСУР, Африканским Союзом. На саммите АТЭС в Перу (2018 г.) его участники подчеркивали необходимость расширения взаимодействия государств региона в современных условиях. Такой подход не устраивает США, которые в последние годы теряют свои ведущие позиции в мире. А экс-президент Д. Трамп заявлял даже о скором выходе Соединенных Штатов из Азиатско-Тихоокеанской организации экономического сотрудничества. Столь одиозная позиция США возникла в результате усиления влияния Китая и России в ней, которые выступают за равные возможности взаимодействия в рамках АТЭС. Особенно озаботило Белый Дом открытие в рамках ассоциации регионального банка Китая, с капиталом в 40 млрд долларов. Его ресурсы используются для развития экономики государств, входящих в Ассоциацию. Расширение внешнеэкономической деятельности Китая получило бурную негативную реакцию США. Они обвинили КНР во вмешательстве во внутренние дела государств, что вызвало у международной дипломатии большое недоумение [12]. Имперские амбиции США и сегодня в просвещенном мировом сообществе чрезвычайно высокие, но в связи с нарастанием многополярности мировой политики и международных отношений соответственно тают.

Наряду с Китайской Народной Республикой активно развивает внешнюю политику в азиатском регионе и на международной арене Российская Федерация. В принятой в 2016 г. концепции внешней политики РФ подчеркивается: «Современный мир переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании полицентрической международной системы... Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион» [15]. За прошедшие семь лет осуществлена концепция задач внешней политики России, которая убедительно свидетельствуют, что Россия значительно расширила свое влияние на международной арене. Особое внимание при этом она уделяет отношениям со странами Азии. Среди стратегических партнеров РФ в регионе и в мировой политике является Китайская Народная Республика. Прошедшая в марте 2023 г.

встреча президента РФ В.В. Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина и принятый на ней договорный документ, позволяют нашим странам укреплять связи на стратегическом уровне в области международной безопасности, экономики, образования и культуры. Объем торговли между РФ и КНР к настоящему времени достиг почти 160 млрд долларов. Успешно расширяются и развиваются связи России с азиатскими странами: Индией, Японией, Южной Кореей и КНДР, Филиппинами, Ираном, Турцией, Саудовской Аравией, Катаром, Сирией, Республикой Кипр и др. В начале века трудно было представить установление взаимовыгодных отношений России с целым рядом указанных государств.

Задачи интеграционного сотрудничества в современных условиях являются актуальными для Южной Азии. Как известно, локомотивом внешнеэкономической деятельности в регионе является Индия со своими богатыми минеральными и людскими ресурсами.

Сегодня государства Южной Азии в рамках ассоциации регионального сотрудничества (СААРК) и двусторонних отношений выступают за более активные взаимодействия по развитию национальных экономик и в других областях жизни. Приоритетными направлениями сотрудничества стран региона являются АТЭС, АСЕАН, ШОС, особенно Китай и Россия. Это прежде всего инвестиции, рынки сбыта, новые технологии производства, рабочая сила, туризм и культурно-образовательный обмен [6]. Для стран с развивающейся экономикой Южной Азии сегодня это чрезвычайно актуально. В последние годы ведущие государства региона добились значительных показателей роста экономики, продвинулись в международном сотрудничестве. К примеру, в последние годы рост ВВП Индии составляет в пределах 9 процентов. При этом западные аналитики прогнозируют устойчивое развитие экономики страны на целый ряд лет. Рост ВВП в экономике других стран региона колеблется в пределах 4-5 процентов. Активное интеграционное сотрудничество государств в регионе способствует этому [13].

В начале XXI столетия значительное развитие интеграционного процесса происходит в Юго-Восточной Азии. Базируется он на основе проводимых в странах региона политических и экономических реформ. В международном сотрудничестве государств юго-Восточной Азии активно прежде всего используются двухсторонние договоры во многих областях жизни. При этом приоритетное положение здесь занимает экономика, проблемы ее развития в современных условиях. Большое содействие экономическому сотрудничеству оказывает созданная региональная международная организация АСЕАН (1967 г.), членами которой являются Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Тайланд, Филиппины, Сингапур, Бруней, Лаос, Камбоджа, Мьянма.

На современном этапе страны Юго-Восточной Азии в своей внешней политике постоянно наращивают партнерские связи как в рамках региона, так и с другими государствами мира. На основе диалога АСЕАН активно сотрудничает с Китаем, Индией, Японией, Россией, США и рядом других стран.

Актуальной проблемой внешнеполитической деятельности государств в регионе, по мнению основателей АСЕАН, является более широкое привлечение партнеров по диалогу для решения задач развития региона. Механизмами осуществления такого партнерства считаются такие международные площадки, как «Региональный форум», Восточно-Азиатский саммит (ВАС), а также заключение договоров АСЕАН со странами диалога о дружбе и сотрудничестве [8]. Страны-участницы региональной международной организации ведут активную дипломатию в этом направлении. Однако стремление АСЕАН стать третьим после Китая и Индии в Юго-Восточной и Южной Азии не находит пока поддержки в этой части азиатского континента.

Среди актуальных проблем развития интеграционного процесса в Центральной Азии прежде всего следует выделить необходимость углубления политической модернизации в странах бывших союзных республиках – Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении и Узбекистане. Указанные молодые государства на этой базе стремятся, исходя из национальных интересов, определить важнейшее направление интеграции в современных условиях внутри региона и на всем азиатском пространстве. В утвержденных концепциях их внешней политики подчеркивается ее миролюбивый характер, многовекторность и стремление стать равноправными участниками международного сотрудничества. Важную роль в этом играет Шанхайская организация сотрудничества, созданная в 2001 году. В рамках этой региональной организации, включающей Китай и Россию, молодые государства бывшей средней Азии и вступивших в нее позднее Индии и Пакистана, сегодня решаются многие задачи развития экономического сотрудничества в современных условиях. В экономическом развитии рост ВВП бывших среднеазиатских республик СССР в последние годы колеблется в пределах 4–5 %. Выделяются при этом Казахстан и Туркмения, которые имеют самые высокие показатели ежегодно роста валового внутреннего продукта. Сказывается здесь такие факторы, как значительное кредитование Китая и России, а также большие минеральные ресурсы молодых государств Центральной Азии. Особенно богат ими Казахстан, располагающий значительными запасами нефти, газа, урана, плодородными землями и многое другое. На путях независимости актуальной проблемой молодых государств Центральной Азии остается выбор пути развития и векторности внешней политики. Если говорить о политической модернизации, государствам региона предстоит, исходя из большого исторического опыта народов нашей планеты, аналитики предлагают разумно сочетать цивилизованность и современные вызовы и альтернативы теперь все более многополярного мира. Это важнейшее обстоятельство, на наш взгляд, будет определять содержание внешней и интеграционной политики государств Центральной Азии [14].

Сегодня однозначны два вектора внешней политики стран региона – Китай и Россия. Уровень партнерства в рамках ШОС характеризуется активным и эффективным взаимодействием государств. Однако при этом есть третья сторона

– Запад и США. Это направление внешней политики стран Центральной Азии предстоит определять исходя из национальных интересов и основных постулатов мировой политики на современном этапе.

Но самое большое число проблем во внешней политике и интеграционном процессе имеют государства Западной Азии и, прежде всего, Ближнего Востока. Политическая модернизация в регионе проходит медленно. Консервативные тенденции исторически сложившегося уклада жизни постоянно поддерживаются исламом. Республиканизм здесь больше провозглашается, чем осуществляется в жизни. К светскому образу жизни в регионе можно отнести с большими оговорками лишь Израиль, Турцию, Ливан, Республику Кипр, Ирак, Сирию. Остальные государства Ближнего Востока – конституционные монархии, а Иран является религиозным государством. «Арабская весна» значительно активизировала политический процесс в Западной Азии, однако он сегодня не приносит больших изменений в жизни людей [11].

У государств региона имеются большие возможности вести интеграционный процесс активно и эффективно во благо своих народов. Однако интересы ведущих стран мира в регионе мешают этому. Ближний Восток – это центр 3-х монотеистических религий – ислама, христианства и иудаизма, богатейший регион минеральных энергоресурсов, туристических возможностей. Борьба за эти ресурсы является негативным фактором в осуществлении государствами политической модернизации, в развитии экономики и установлении мира в регионе. В связи с этим нет оснований говорить о развитии государственности и экономической жизни в регионе, и, следовательно, о конструктивной внешней политике стран Западной Азии.

Международные организации в регионе – Лига арабских государств (ЛАГ), Организация исламского сотрудничества (ОИС), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) оказывают слабое влияние на развитие интеграционного процесса. США и Запад всячески поддерживают раскол исламского мира – подогревают противостояние между ветвями ислама – шиитами и суннитами.

Поездки президентов США Д. Трампа и Д. Байдена в Саудовскую Аравию, их обвинения государства Катар в поддержке терроризма внесли раздор в объединение стран Персидского залива. В течение полугода это небольшое арабское государство находилось в региональной изоляции.

США не напрасно обратили внимание на Катар, который имеет большое влияние в регионе, осуществляет независимую внешнеэкономическую политику, поддерживая разносторонние связи со многими государствами. Катар имеет огромные запасы газа, сравнимые с российскими. США, выступая против Катара в 2016 г., пытались решить две задачи – лишить его лидерства в регионе и ослабить его конкурентные возможности на мировом рынке газа.

Сложная современная международная обстановка на Ближнем Востоке не позволяет государствам осуществлять необходимую политическую

модернизацию, всемерно развивать интеграцию для расширения регионального сотрудничества во всех сферах жизни.

Наряду с проблемами политической модернизации и ее роли в осуществлении внешней политики и развитии внешнеэкономических связей азиатских стран актуальными являются на современном этапе вопросы безопасности в столь большом регионе мира. На нашей планете нет такого беспокойного континента как Азия. Во всех ее частях, к сожалению, происходят конфликты с применением силы на территориальной, этнической и религиозной почве, а также в борьбе за лидерство в регионе. В последние годы в Западной Азии значительно вырос религиозный радикальный экстремизм [11].

Причины обострения безопасности в регионе известны. К ним относятся религиозная нетерпимость, исторически доставшиеся неразрешенными территориальные споры, колониальное прошлое и современная политика США в различных районах мира.

Актуальность проблем безопасности в Азии усугубляется наличием ядерного оружия у ряда государств региона. Особенно опасным в этом является положение дел в Восточной Азии. Здесь после окончания Холодной войны достигнут международный формат 2×2 , т.е. баланс сил четырех ведущих стран мира: Китая, США, России и Японии. Данный формат уравнивает борьбу за лидерство в регионе, однако конфликтная ситуация вокруг Северо-Корейской ядерной программы усложняет обстановку в регионе [7].

Переговоры между США и КНДР, которые провели их лидеры Д. Трамп и Ким Чен Ын пока не дают результата. Последний их саммит во Вьетнаме обнажил целый ряд неразрешенных сегодня проблем. США стремятся в одночасье полного разоружения КНДР и прекращения ядерных испытаний, денуклеаризации Корейского полуострова. В свою очередь, лидер КНДР Ким Чен Ын потребовал от США прекращения экономических санкций, снижение присутствия американских вооруженных сил вблизи КНДР, а также недопущения военных учений в регионе.

МИД России, в лице министра С. В. Лаврова, оценивая итоги переговоров в интервью СМИ, подчеркнул необходимость уступок сторон для достижения цели. Судя по заявлениям лидеров стран-переговорщиков, такая работа должна быть продолжена.

Наконец, третья актуальная проблема в области безопасности в Азии является спорная принадлежность островов в регионе после окончания Второй мировой войны. Общее число их насчитывает около 650, но представляющий интерес 250. Мирная конференция в Сан-Франциско после окончания Второй мировой войны оставила без внимания их принадлежность. В настоящее время после изучения островных территорий ряд государств стали объявлять их своими. Это, прежде всего, Китай, Япония, Южная Корея, Вьетнам, Индонезия, Филиппины и др. Некоторые из названных государств, особенно Китай и Япония, ведут на более значимых островах хозяйственную деятельность, строят фортификационные сооружения, осуществляют их охрану на воде и в воздухе.

Неопределенная принадлежность островов в Южно-Китайском море и других регионах Восточной Азии представляет собой большую опасность. Разрешение ее видимо следует искать на уровне Организации Объединенных Наций, которая призвана мирным путем остановить противостояние.

В феврале 2019 г. В Южной Азии в очередной раз разгорелся давно тлеющий конфликт между Индией и Пакистаном из-за Кашмира. Из пакистанского лагеря сторонников ИГИЛ¹ террорист на небольшом автомобиле, начиненным взрывчаткой, проник на территорию Индии и направил машину, в движущуюся колонну индийских военных-спецназовцев. От взрыва погибло 45 военнослужащих. Вооруженные силы стран при этом обменялись авиаударами, есть погибшие. Разгоревшийся конфликт был остановлен под давлением международной общественности и ведущих стран мира. В пользу мирных переговоров высказалась Россия.

Как известно, проблема Кашмира возникла при обретении независимости Индии, раздела ее территории и создании Пакистана, Бангладеш и Шри-Ланки. Территория его насыщена богатыми ископаемыми, но населена мусульманами. Их число в Кашмире превышает 90 процентов. Разрешение конфликта, как указывают международные аналитики, следует искать, опираясь на объективные факторы и нормы международного права [13].

Проблемы безопасности присутствуют сегодня в Западной Азии. В Йемене, Сирии и Афганистане продолжаются военные действия, в которых участвуют как арабы, так и коалиции государств во главе с США, Россией и Саудовской Аравией. По своему существу все шесть конфликтов на Ближнем Востоке являются религиозно-этническими. Самой актуальной задачей в регионе в современных условиях является необходимость остановить военные действия. В противостоянии Палестина – Израиль важно восстановить переговоры в рамках их международного формата 2 × 4 – Израиль, Палестина и посредники ООН, ЕС, США и Россия. С помощью компромиссов следует решить вопросы взаимопризнания государственности Израиля и Палестины, прекращения строительства еврейских поселений, подтверждения статуса Иерусалима в соответствии с решениями ООН от 24 октября 1947 года. В этом должна быть проявлена политическая воля всех участников переговорного процесса.

Актуальной проблемой безопасности в Западной Азии является прекращения религиозного противостояния шиитов и суннитов – главных ветвей ислама. Радикальные исламистские идеи несет в Турции суфизм, западноевропейская концепция Уммы швейцарского профессора арабского происхождения Тарика Рамадана и др. Разноголосый подход лидеров течений ислама к проблемам арабской цивилизации усугубляет обстановку во всем исламском мире, не способствует безопасности в регионе. Практическим

¹ Верховный суд РФ в 2014 году признал организацию «Исламское государство» террористической и запретил на территории России.

выражением этого явились семилетние события в Сирии, на территории которой при поддержке США обосновались радикальные силы, поставившие главной задачей ИГИЛ – воссоздание Арабского Халифата в современных условиях. Только помощь извне, действия коалиций во главе с Россией удалось обуздать кровопролитие в Сирии.

Важнейшей проблемой завершающего этапа борьбы с ИГИЛ является воссоздание политического процесса в САР, Россия, Иран и Турция активно содействуют этому, преодолевая различные дипломатические увертки.

Как видно, проблемы безопасности в Азии очень остры, многоликие, порой непредсказуемые. Их незамедлительное активное разрешение является чрезвычайно важной задачей государств Азии и мирового сообщества в целом, в том числе и в решении задач дальнейшего развития международной интеграции.

Выводы:

1. Актуальные проблемы развития политического и интеграционного процессов в современной Азии являются адекватным ответом на вызов времени. Государства континента определяют пути своего развития на основе политической модернизации. Решение возникающих при этом проблем они опираются на самобытность народов и активное использование мирового опыта.

2. Современная Азия на перекрестке двух последних столетий демонстрирует активное развитие во всех сферах жизни людей. При этом возникли острые проблемы, которые необходимо преодолеть. Среди них: определение направлений развития бизнеса с учетом исторических традиций и в целом самобытности, развитие государственности и на этой основе расширение международного сотрудничества в области экономики, создание благоприятного инвестиционного климата, выживание на мировых рынках в условиях давления супердержав.

3. Особенностью международного интеграционного процесса в регионе является широкое развитие двухсторонних договоров государств о сотрудничестве в различных областях. В перспективе это становится эффективной базой в целом региональной интеграции.

4. Интеграционный процесс стран Азии испытывает большое давление США и стран Запада, направленное на разобщение государств континента с тем, чтобы противодействовать формированию современного многополярного мира, решать международные проблемы исключительно в своих национальных интересах.

5. Успех интеграционного процесса стран Азии в современных условиях зависит от активного разрешения проблем безопасности на континенте. Сложная международная обстановка сохраняется в зоне АТР, на линии прикосновения Индии и Пакистана (Кашмир). Сегодня не прекращаются боевые действия в Палестине, Йемене в Сирии на Ближнем Востоке.

6. Чрезвычайно актуальной проблемой международного интеграционного процесса в Азии – это управление. Имеющийся опыт других регионов мира

указывает, что ведущие международные организации континента, исполняющие определенные управленческие функции. В Африке в этом плане общепризнан Африканский союз, на европейском континенте – Евросоюз. Среди действующих международных организаций в Азии выделяется Шанхайская Организация Сотрудничества, которая объединяет сотрудничество ведущих стран континента. На наш взгляд за ШОС будущее интеграционного объединения азиатских стран.

Ссылки и примечания:

1. Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России. Монография/ под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова. – М: Издательство «Аспект пресс» 2019, – 432 с.
2. Материалы XXXV российско-японского симпозиума ученых-экономистов Дальнего Востока России и района Кансай (Япония) / под ред. П. А. Минакира, Вакио Фудзимото, Института экономических исследований ДВО РАН. – Хабаровск: ИЭИ ИВО РАН, 2019. – 207 с.
3. В. В. Путин. Выступление на «Валдай», 2022 г.
4. Итоги VII Восточного экономического форума 9 сентября 2022 г. // <https://forumvostok.ru/news/itogi-vii-vostochnogo-ekonomicheskogo-foruma/>
5. Примаков Е. М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: Роль России. – М.: Издательство МГУ, 2014. – 316 с.
6. Ким Ю. С. Состояние перспективы и развитие интеграционных процессов в АТР // Политика, государство и право <https://politika.snauka.ru/2014/08/1606>
7. Шамбо Д. Международные отношения в Азии. Школы МО Эллиота. – М. 2008.
8. Сравнительный анализ ведущих региональных организаций в азиатско – тихоокеанском регионе. <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-veduschih-regionalnyh-organizatsiy-v-aziatsko-tihookeanskom-regione>
9. Деятельность стран Азии в международных организациях. <https://znzn.ru/podsistemi-yugo-vostochnaya-aziya/deyatelnost-stran-regiona-v-mezhdunarodnikh-organizatsiyakh>
10. Региональное интеграционное развитие / Морис Шифф Л. Алан Уинтерс: перевод с англ. – М. изд. «Весь мир». 2005
11. Сатановский Е.Я. Гроздья перемен. В арабском мире зреют события, способные кардинально изменить регион. // Журнал Военно-промышленный курьер (ВПК) 37(701) 2017.
12. Маслов А. Китай 2020 Пандемия, общество и глобальные альтернативы – М: Рипол Классик, 2020. – 368 с.
13. Лохмутов С.В. Интеграционные процессы в Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии. М, 2021
14. Зеркалов Д.В. Перспективы интеграции стран Центральной Азии. Политическая безопасность. Проблемы реальности. Книга 1, 2009 и другие.

15. Концепции внешней политики Российской Федерации. (2016, 2023 гг.)
16. Учредительные документы АТЕС, АСЕАН, ШОС, СААРК, ОАГ, ССПЗ, ОИС и др. международные организации.
17. Материалы о деятельности региональных организации Азии и Тихоокеанского бассейна.
https://vuzlit.com/798951/osnovnye_regionalnye_organizatsii_azii_tihookeanskogo_basseyna
18. Шкваря Л.В. Современные процессы международной экономической интеграции: специфика арабских государств. Монография – М: РЭА. 2007.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.19(=161.1) (47+57)

Ю.Б. Николаев

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

e-mail: kolaev55@mail.ru

НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ПОИСК ЕДИНОЙ ТЕОРИИ

Аннотация

Феноменам нации и национализма посвящено значительное количество научных исследований. Тем не менее, до сих пор не сформировано единой теории, определяющей их основные закономерности. Настоящее исследование посвящено изучению и анализу работ ведущих специалистов в данной области. В ходе работы проанализировано, как авторы определяют нации и национализм; какие закономерности и взаимосвязи ими установлены; как им представляется мотивация национализма; к каким выводам они приходят; подтверждаются ли они результатами полевых исследований реальных национальных движений.

Ключевые слова: *нация, теория нации, национализм, теория национализма, шовинизм, этнос, этническая группа.*

Summary

A significant amount of scientific research has been devoted to the phenomena of nationalism and nationalism. Nevertheless, a unified theory defining their basic patterns has not yet been formed. This research is devoted to the study and analysis of the work of leading experts in this field. In the course of the work, it is analyzed how the authors define nations and nationalism; what patterns and relationships they have established; how they see the motivation of nationalism; what conclusions they come to; whether they are confirmed by the results of field studies of real national movements.

Keywords: *nation, theory of nation, nationalism, theory of nationalism, chauvinism, ethnicity, ethnic group.*

В современный период проблема этничности становится острой темой в социально-политической жизни полиэтнических государств. Усиление глобализации стимулирует рост национализма во многих регионах мира, что делает поднимаемы вопрос как никогда актуальным. Нации и национализм представляют собой весьма дискуссионные феномены, что обуславливает

необходимость систематизации различных концептуальных моделей, которая позволила бы определить наиболее перспективные подходы к формированию научного видения данной проблемы. Это в свою очередь способствовало бы выработке эффективной стратегии и тактики формирования межэтнической и межнациональной политики, разработке превентивных мероприятий по предупреждению и недопущению межэтнических и межнациональных конфликтов, а в случае их возникновения – подготовке научно-обоснованных мероприятий по их скорейшему разрешению.

Исследования по данной теме проводили В. Ю. Апрыщенко, О. Г. Буховец, А. Е. Загребин, К. И. Лях, А. С. Муканова, А. В. Полетаев, И. В. Савельев, и др.

В своей статье «Нация и национализм в контексте исторической антропологии» В. Ю. Апрыщенко демонстрирует широкую эрудицию в области истории социальной антропологии, но отсутствие выводов в конце статьи, не позволяет понять то, что собственно хотел сказать автор [4, С.32-37]. Автор говорит об ассимиляции как одном из путей выхода их кризиса идентичности. Но именно мощные ассимиляционные процессы, сопровождающие формирование национальных государств, возникшие в эпоху Нового времени порождает национализм. Живя на своей исторической родине, автохтонные этнические группы полиэтнического государства вынуждены переходить на чужой для них язык и приобщаться к ценностям не родной им культуры, что создаёт почву для возникновения кризиса идентичности. И. М. Савельева и А. В. Полетаев в статье «Национальная история и национализм» говорят о прагматичном характере национальных историографий, что который формируется путём «отрицания целых пластов прошлого». О переписывании истории Э. Кедури говорил ещё в 1960 году [29, С.18-30]. В исследовании О. Г. Буховец «Эра национализма и особенности образования наций в Европе» говорится о теории и практике национального строительства [10, С.33-34]. К. И. Лях в своей статье «Ключевые подходы к исследованию феномена национализма в западной политической науке XX столетия» проанализировала основные парадигмы формирования национальных государств [22, С.19-27]. В итоге автор приходит к преждевременному выводу о сформированности методологической базы «для практического разрешения проблем в области нациестроительства и работы с национальными движениями и идеологиями». Кроме того, К. И. Лях упрощённо трактует парадигмы формирования наций. Так, например, и Германия, и Венгрия являются примордиалистскими нациями. При этом Германия формировалась путём объединения немецких земель, а Венгрия – отделением от Австро-Венгерской империи. В учебном пособии А. Е. Загребина и А. С. Мукановой «Нация и национализм в теории и истории» говорится о том, что проблема изучения природы нации и национализма далека от своего решения – «...согласия в данной области знаний немного: ни в определении ключевых понятий, ни в постановке теоретических задач...» [17].

В перечисленных работах, как правило, приводится широкий материал об основных методологических подходах и парадигмах, рассматриваемых в трудах

ведущих авторитетов в данной области, и делаются выводы о значении их вклада в развитие изучения проблемы. При этом упускается основной смысл собственного исследования – его научная новизна, что выражается в отсутствии критического анализа рассматриваемых авторами научных трудов.

Целью настоящей статьи является изучение исследований, а также обоснованности использования феноменов нации и национализма в работах ведущих учёных в данной сфере, а также обоснованности понятийного аппарата, используемого для при освещении данной проблеме.

Для достижения поставленных целей требуется последовательно решить следующие задачи:

- изучить концепции, содержащиеся в трудах исследователей в области социальной антропологии;
- произвести сравнительный анализ концепций по рассматриваемой тематике;
- сделать ввод в отношении обоснованности использования понятийного аппарата в современных научных исследованиях и официальных документах.

Нация, этнос и национализм – сложные, многомерные явления, существующие в тесной взаимосвязи и взаимозависимости между собой. Все три феномена имеют бесчисленное многообразие форм, что затрудняет установление их сущности. Неопределённость терминов несколько не мешает их широкому употреблению. Наиболее авторитетная в мире международная организация именуется Организацией Объединённых Наций. При этом большинство входящих в неё государств являются полиэтническими, а вовсе не национальными. Сами феномены нация и национализм по сей день остаются до конца не изученными и не осмысленными, о чем свидетельствуют работы ведущих социальных антропологов мира таких, как Б. Андерсон, Ф. Барт, И. Валлерстайн, Э. Геллнер, М. Грох, Г. В. Касьянов, Э. Кедури, Х. Кон, Э. Хобсбаум и др. При наличии у приведенных исследователей широчайшего кругозора в области их систематизировать в единую теорию.

В соответствии с проблемно-хронологическим принципом необходимо проследить эволюцию развития концепций нации и национализма, а также корректности использования авторами понятийного аппарата. Большинство исследователей полагают, что национализм возникает в период наступления индустриальной эпохи. Э. Хобсбаум обозначил это время в названии своей книги «Нации и национализм после 1780 года» [40]. По мнению американского исследователя Х. Кона национализм возникает не позднее второй половины восемнадцатого века [20, С.88-169]. Американский историк Ханс Кон усматривает признаки, сходные с проявлениями национализма, и в более ранние времена. Так воздействие внешних угроз «...может пробудить страстное чувство национальной связи, как это случилось в Греции в эпоху греко-персидские войн или во Франции во время Столетней войны» [21, С.88-169].

Каждое из сформировавшихся национальных государств имеет свою уникальную историю, что затрудняет их типологизации. Воплощение в них высоких гуманистических идеалов свободы, равенства и братства долгое время побуждало исследователей и общественность воспринимать национализм как прогрессивное явление [46, С.643]. Начиная с XVIII века, ученые и публицисты разных стран пытаются осмыслить феномены нации и национализма. Очевидно, что для понимания семантики слова нация необходимо обращаться к носителям языка, из которого оно происходит. К таким языкам относятся все романские языки. Когда Руссо Жан Жак в трактате 1762 года «Об общественном договоре: Принципы политического права» пишет, что «...суверен знает лишь Nation как целое, и не различает ни одного из тех, кто ее составляет», становится очевидным, что речь идёт о всем населении государства [28, С.223].

У аббата Сийеса не существовало никаких сомнений в вопросе о том, что такое нация. Первую часть своей известной брошюры «Что такое третье сословие?» он называет Третье сословие – целая нация [31, С. 6]. В то время третье сословие составляло подавляющую часть населения Франции. В революционный период Сийес придерживался мнения, что первое сословие (духовенство) и второе сословие (дворянство) не должны иметь права голоса, поскольку именно против их господства была направлена революция. Из слов аббата о том, что девятнадцать двадцатых общественной деятельности государства выполняет третье сословие, следует, что под нацией он понимает не население какой-нибудь местности или провинции, а всей страны в целом [31, С.7]. То же самое вытекает из его рассуждений: «В самом деле, что такое нация? Общество людей, живущих под общим законом и представленных одним законодательным учреждением» [31, С. 10].

Эрнест Ренан назвал свой доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882 года, «Что такое нация?» совсем не потому, что ему непонятно значение слова нация [27, С.87-101]. Он понимал, что этот вопрос возникает у других и решил на него ответить: «В наши дни делают ещё большую ошибку, смешивая расу с нацией и приписывая этнографическим или, скорее, лингвистическим группам верховенство, подобное верховенству действительно существующих народов». Ренан объясняет, что нация – это не этничность, не общие интересы и даже не язык. «Существование нации — это (если можно так выразиться) повседневный плебисцит, как существование индивидуума — вечное утверждение жизни» [27, С. 87-101]. Но если абстрагироваться от пафоса Ренана, мы понимаем, что в реальной жизни ежедневных плебисцитов не бывает, и на практике права граждан нации реализуются в форме выборов и референдумов. Иными словами, нация имеет исключительно политическое содержание.

Свой значительный вклад в изучение природы наций внесли немецкие философы. Так И. Г. Гердер наделяет нацию «генетическим духом» [15, С.332-333]. И. Г. Фихте в своих «Речах к немецкой нации» пытался воспламенить «немецкие души к решению и действию» по формированию немецкой нации посредством немецкого воспитания» [38, С.52-53]. Он обосновывал

необходимость перехода от сословного воспитания к национальному [38, С.223]. В «Лекциях по философии истории» Г. В. Ф. Гегель использует в широком смысле понятие «духа», разделяя при этом дух автора и дух действий. Он говорил о чистой искренности германской нации, которая «явилась подходящей почвой для освобождения духа» [12, С.58; С.426-427].

В то время, когда И. Г. Гердер, И. Г. Фихте, и Г. В. Ф. Гегель писали свои труды германская этническая территория была разделена на сотни княжеств, что нарушало выведенный британским социальным антропологом Э. Геллнером политический принцип, «...суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать», и создавало почву для возникновения германского национализма [13, С.23].

В своих трудах немецкие философы предвидели экзистенциальную потребность объединения германских княжеств в единое национальное государство. Согласно концепции развития национального движения чешского историка М. Гроха их деятельность не выходит за рамки фазы «А» и, возможно, «Б», если «Речи к немецкой нации» считать пропагандой. Как И. Г. Фихте, так и Г. В. Ф. Гегель впоследствии обвинялись в причастности к возникновению немецкого фашизма [36, С.80-91]. Правомерно ли это? Можем ли мы, например, обвинять физиков, открывших деление ядер урана, в бомбардировке Хиросимы и Нагасаки?

Значительный вклад в развитие теории наций и национализма внесли британские исследователи. Одним из наиболее ярких был философ, социолог, экономист и политический деятель Д. С. Милль, издавший еще в 1861 году свои «Рассуждения о представительском правлении». Вероятно, мотивируя правомерность сохранения в Британии конституционной монархии, он высказывает суждение о том, что «... нация не может выбирать себе форму правления. Предметом выбора могут быть только детали и практическая организация; что же касается сущности целого, организации верховной власти, то они определяются социальными условиями» [24, С.14]. Раскрывая существо представительского правления, он говорит, «...что весь народ или значительная его часть пользуется через посредство периодически избираемых ими депутатов высшей контролирующей властью...» и «Этой высшей властью нация должна обладать во всей ее полноте. Ей должно принадлежать руководство всеми мероприятиями правительства всякий раз, когда это ей заблагорассудится» [24, С.86]. Д. С. Милль видел предназначение представительского собрания в наблюдении и контроле за деятельностью исполнительной ветви власти, а в необходимых случаях осуществления её замены [24, С. 101-102].

В его представлении нация является сообществом людей, консолидированных «...между собой общими симпатиями, каких нет между ними и остальными людьми...» и при этом «...желают находиться под одним правительством и хотят, чтобы это правительство состояло из них самих или из известной их части» [24, С.314]. Главной в числе причин, побуждающих людей к

такой солидарности Д. С. Милль видел общую историческую судьбу. При этом отмечает, что не одну из таких причин нельзя считать достаточной [24, С.314].

По его мнению, целью всякого просвещённого человека является достижение состояния цивилизации, в котором не будет «...насильственного подчинения разных национальностей одному правительству» [24, С.318]. Таким образом, Д. С. Милль предвосхищал необходимость обеспечения прав народов на самоопределение, задолго до того, как оно было заложено в качестве одного из принципов Устава ООН.

Замечание Д. С. Милля о том, что «свободные установления по большей части требуют, чтобы политические границы совпадали с национальностями» корреспондирует с принципом необходимости совпадения этнических и политических границ, выведенным спустя более чем столетие его соотечественником Э. Геллнером [24, С.319].

При наличии многих достоинств размышлений Д. С. Милля в его исследованиях наблюдаются элементы британского эгоцентризма. Так, он считает, что британская колонизация Индии является приобретением для цивилизации [24, С. 322].

По наблюдениям британского историка-востоковеда Э. Кедури учения о национализме возникают уже на рубеже XVIII - XIX вв., что происходит вследствие философских споров и исторических событий того времени [19, С.21]. Он исследует историческую трансформацию семантики слова «нация», и приходит к выводу, что данное Э. Ж. Сийесом определение этого понятия, как корпуса «...членов, живущих под одним общим законом и представленных одним и тем же законодательством», является простым и всеобъемлющим [19, С.20-25]. Э. Кедури определяет национализм как доктрину национального самоопределения [19, 38]. Такой подход не объясняет побудительных причин возникновения национализма, что сильно сужает сущность национализма как социального феномена.

Говоря о сложности воплощения в реальность идеи самоопределения «как высшего морального и политического блага», которая «спровоцировала коренные перемены в ходе политических умозрений», Э. Кедури отмечает отсутствие каких-либо гарантий возникновения новых автономий и национальных государств. За нацию «надо непрестанно бороться и, возможно, ее никогда не добиться» [19, С.39]. Он считает национальные государства прочными и стабильными в сравнении с полиэтническими, которые «имеют неестественный и деспотичный характер и в конечном счёте обречены на гибель» [19, С. 61]. Позднее эти рассуждения развивал И. Валлерстайн [11, С.83-102].

В числе первых Э. Кедури начинает рассматривать исторически сложившиеся ирреденты как угрозы территориальной целостности национальных государств [19, С.70]. Правомерно отметить, что ирреденты могут быть и в полиэтнических государствах, представляя для них не менее опасные угрозы нарушения их территориальной целостности. Он подвергает сомнению теории национализма, созданные учёными «...никогда не стоявшими у власти и мало что

понимавшими в необходимости и обязательствах, присущих взаимоотношениям между государствами» [19, С.71].

Э. Кедури определяет патриотизм как чувство – «любовь человека к своей стране или народу, верность институтам этой страны и рвение её защищать» [19, С.72]. В то время как национализм – «Это всеобъемлющее учение, ведущее к вполне определённой стилистике политики» [19, С.73]. По наблюдениям Э. Кедури переписывание истории националистами становится системным явлением: «Националисты используют прошлое, чтобы изменить настоящее», – говорит он [19, С.74]. Британский историк отмечает, что «В девятнадцатом веке национализм было принято считать прогрессивным, демократическим, левоориентированным движением», но со временем общественное мнение в отношении его сменилось на отрицательное [19, С.85-86]. Аналогичным образом и возникновение национальных государств не стало прогрессивным явлением, поскольку «Их появление не способствовало ни политической свободе, ни процветанию, их существование не укрепляло мир», а национальный вопрос не только не был урегулирован, а наоборот обострился. [19, С.124-125].

Еще одним выдающимся специалистом в области изучения феноменов нации и национализма является британский философ и социальный антрополог Э. Геллнер. В своей книге «Нации и национализм», впервые изданной в 1983 году, он писал, что в английском языке, термин национализм является нейтральным. При этом, осознавая сложность феномена национализма, он ссылается на слова Г. В. Ф. Гегеля, «что трагедия заключается не в конфликте правого и неправого, а в конфликте правого с правым» [13, С.19]. Понятие национализма Э. Геллнер связывает с принципом совпадения границ политических и этнических единиц [13, С.19]. Ранее эту же идею высказывали его соотечественник Д. С. Милль – «По вышеизложенным причинам свободные установления по большей части требуют, чтобы политические границы совпадали с национальностями» [23, С.319]. Примерно те же мысли незадолго до Э. Геллнера высказывал британец Э. Кедури – «Опять-таки, если нация — это группа людей, говорящих на одном языке, и если членов такой группы разделяют политические границы, эти границы произвольны, неестественны, несправедливы» [13, С.23]. Тем не менее Э. Геллнер ссылок на Д. С. Милля не делает вообще. А вот на Э. Кедури он несколько раз в своей книге ссылается, но в данном конкретном случае ссылки на предшественника отсутствуют.

В отличие от Э. Кедури, который определяет национализм как доктрину, Э. Геллнер считает его политическим принципом [13, С.23]. По его мнению, «Нарушение националистического принципа соответствия государства и нации глубоко оскорбляет националистическое чувство...» [13, С.274]. И «Более всего оскорбляет его этническое различие между теми, кто управляет, и теми, кем управляют» [13, С.274].

Как существенное продвижение в развитии теории национализма следует оценивать высказанное Э. Геллнером предположение, что национализм – это, прежде всего, чувство негодования [13, С.23]. Британский антрополог одним из

первых исследователей феномена национализма обращает внимание на механизм его мотивации и указывает, что в его основе лежит чувство. Следовательно, изучение мотивации национальных движений необходимо осуществлять не только с позиций общественных дисциплин таких, как история, социология, философия, но и психологии, находящейся на стыке естественных, гуманитарных и социальных наук.

Относя себя к категории модернистов в области исследования наций и национализма, Э. Геллнер отмечает, что «Вопреки убеждению людей и даже специалистов национализм не имеет глубоких корней в человеческом сознании». В поисках временного периода, в котором возникает национализм Э. Геллнер делит историю развития человечества на три основные стадии: до аграрную, аграрную и индустриальную. По его мнению, феномены нации и национализм возникают на индустриальной стадии развития человеческой цивилизации, отличающейся от предыдущего стремительного роста социальных коммуникаций [13, С.238]. Несмотря на то, что одну из глав своей книги Э. Геллнер называет «Что такое нация?», и характеризует в ней отдельные особенности этого феномена, дать собственное определение нации он так и не отваживается [13, С.122]. В вопросе первичности нации и национализма Э. Геллнер приходит к выводу: «Именно национализм порождает нации, а не наоборот» [13, С. 127]. Но так можно говорить только о моноэтнических нациях, относящихся по классификации чешского историка М. Гроха ко второму этапу. Все национальные государства, сформированные в рамках конструктивистской парадигмы, рождались благодаря патриотизму представителей доминирующей в государстве этнической группы. В процессе формирования конструктивистской нации происходит ассимиляция автохтонных недоминирующих групп, вызывающая у отдельных их представителей чувство негодования, а впоследствии и националистические настроения. Таким образом в конструктивистских нациях национализм является вторичным. То же самое можно говорить и о полиэтническом государстве, вступившего в индустриальную эпоху, но в котором идея национального строительства ещё не созрела. Индустриальная эпоха мотивирует государство на введение единого официального языка. Как и при строительстве национального государства по конструктивистской модели в полиэтническом государстве включается процесс ассимиляции недоминирующих этнических групп. И здесь происходит равно такое же возникновение национализма.

Национализм представляется Э. Геллнеру как принцип однородности культурных единиц как основе политической жизни, являющийся следствием социальных условий нашего времени [13, С.258-259]. Оценивая роль национализма в формировании моноэтнических наций, Э. Геллнер осознает его примитивизм и отмечает, что «Вообще говоря, националистическая идеология страдает от пронизывающей ее ложной значительности» [13, С.257].

Анализируя языковую ситуацию в мире, британский социальный антрополог прогнозирует определённые пределы дальнейшего роста количества

национальных государств. Так «...простейший подсчет количества культур, или потенциальных национализмов, и ограниченного пространством числа полноценных национальных государств ясно показывает, что потенциальные национализмы либо потерпят поражение, либо — что более вероятно — воздержатся даже от попыток найти политическое выражение» [13, С.110].

В заключение своей книги он говорит о национализме как о специфической разновидности патриотизма, который присущ современному миру и начинает доминировать только при определенных социальных условиях [13, С.280].

В теоретическом очерке «Пришествие национализма. Мифы нации и класса», вышедшем в июле 1993 года, Э. Геллнер переосмысливает и дополняет ранее сказанное им в предыдущей своей работе «Нации и национализм». Он высказывает сомнения относительно марксистской идеи прямой зависимости общественного устройства от способа производства [13, С.149]. Между тем, вступая в противоречие с самим собой, Э. Геллнер отмечает, что в аграрном обществе культура дифференцирована по сословному признаку, в то время как в индустриальном обществе становится всеобъемлющей и пронизывает его в целом [13, С.152-156]. А само индустриальное общество становится «принципиально эгалитарным» [13, С.158]. Говоря о решении проблемы обеспечения в государстве подлинного равенства, Э. Геллнер прибегает к аналогии – необходимо, чтобы у каждой культуры было своё государство, также как у каждой женщины должен быть свой собственный муж. «Можно сказать короче: одна культура – одно государство; одно государство – одна культура», – резюмирует Э. Геллнер [13, С.159-160].

Возвращаясь к обсуждению природы нации британский социальный антрополог отмечает, что «...целостность, называемая сегодня «нацией», не похожа ни на что существующее в прошлом» [13, С.165]. По его мнению, в 1815 году нации, не принимались в расчет при установлении новых политических границ. Здесь Э. Геллнер в понятие нации вкладывает содержание, соответствующее пониманию этноса в советской или российской традиции. Далее он констатирует изменения, которые произошли в мире под влиянием тезиса националистической пропаганды о том, «что легитимными являются только те политические единицы, которые имеют своим фундаментом нацию» [13, С.166]. По мнению Э. Геллнера нарушения в прошлом формулы «одно государство – одна культура» стало причиной возникновения ирредентизма. В условиях ирредент части народов оказываются лишенными возможности «развиваться под собственной политической крышей» [13, С. 166].

Среди известных в истории методов разрешения этнических противоречий Э. Геллнер называет ассимиляцию, истребление неудобных этнических групп, которых можно травить газом, расстреливать, морить голодом и т. д., выселение либо изменением политических границ [13, С.166-167].

По итогам Первой мировой войны был положен «...конец веку национал-ирредентизма». Но проблемы были разрешены только для тех народов, которым покровительствовали победители. При этом удовлетворение одних интересов

оказывалось ущемлением других [13, С.168]. В сформированных по итогам войны моноэтнических государствах по-прежнему присутствовала практика нарушения прав этнических меньшинств [13, С. 168].

«Принцип «самоопределения наций», применявшийся в ходе переговоров о мире...» на деле не стал гарантией справедливости принимаемых решений, которые обеспечивали интересы держав-победителей [13, С.168]. Анализируя «сложность и размытость этнических границ» в реальности, Э. Геллнер приходит к выводу, что «В ситуации этнического разнообразия, характерного для Восточной Европы, бесспорная и справедливая политическая карта была просто невозможна» [13, С.168-169]. Таким образом становится очевидным, что принцип права народов на самоопределение, позднее закреплённый в уставе ООН, при формировании послевоенного мироустройства использовался державами-победителями в Первой мировой войне в качестве политического инструмента для достижения собственных корыстных целей. «Итак, новый международный порядок, установленный во исполнение принципа национализма, имел все пороки системы, которую он сменил, плюс – целый ряд своих собственных», – отмечает Э. Геллнер [13, С.169].

Весьма интересным оказалось наблюдение Э. Геллнера в отношении одного из немецких нацистов, который ссылаясь «...на Канта, и, надо сказать, то, что он говорил, не звучало абсурдно: мы делаем это из принципа, а не преследуя личные интересы. В самом деле, массовые уничтожения едва ли способствовали удовлетворению интересов тех, кто их осуществлял, — скорее наоборот. Отрицать это или стыдливо об этом умалчивать означало бы создавать в корне неверное представление об одном из важнейших моментов развития мысли и чувства в Европе» [13, С.174].

В итоге своих рассуждений о национализме Э. Геллнер приходит к выводу, что национализм «это всегда игра на выбывание», поскольку «Культур слишком много, и если бы каждая из них образовала свое государство, то такое количество жизнеспособных государств просто не уместилось бы на Земле» [13, С. 180].

Несмотря на то, что Э. Геллнеру не удалось, дать определение нации, его вклад в теорию наций и национализма невозможно переоценить. Лишь волею случая у него не сложилось проанализировать, историю формирования французского национального государства, которая все раскрывает [25, С.170-176].

Наряду с Э. Геллнером одним из сильнейших авторов, внесших вклад в изучение наций и национализма является Э. Хобсбаум, книга которого «Нации и национализм после 1780 года», была впервые опубликована в 1991 году. Как положительную сторону автора необходимо отметить, что исследование феномена нации он начинает с изучения этимологии этого слова, которое в романских языках является исконным [40, С.28]. Семантика слова с течением времени изменялась. В результате, «...окончательный вариант толкования слова «нация» появляется в Словаре Испанской Академии лишь в 1925 году: «совокупность лиц, которые имеют общее этническое происхождение, говорят, как правило, на одном языке и обладают общими традициями» [40, С.26-27]. В

процессе исследований словарей, он устанавливает, что «В качестве характерной особенности французов и англичан голландский словарь специально указывает на то, что слово «нация» обозначает у них всех подданных государства, даже если они не говорят на одном языке» [40, С.30]. В данном случае мы имеем понимание слова нация народами, которые в мире признаны как состоявшимися нациями, при этом французский язык является романским. В дополнение к сказанному Э. Хобсбаум говорит о «еще одном лингвистическом памятнике, «Новом словаре английского языка» (1908), где специально указано, что прежде данное слово обозначало главным образом этническую общность, тогда как новейшее его значение делает упор на «понятии политического единства и независимости» [40, С.31]. В результате анализа определений, содержащихся в голландском и английском словарях, Э. Хобсбаум резюмирует, что «идея «нации» — в ее современном, преимущественно политическом смысле...» И это идея достаточно молода [40, С.31]. Подтверждение своих выводов он находит в «духе идей американской и французской революций», где «ставился знак равенства между «народом» и государством...» [40, С.32].

Исследуя французскую нацию, Э. Хобсбаум отмечает отсутствие логической связи между, «совокупностью граждан территориального государства» и «определением «нации» по этническим, языковым и прочим критериям», а также, что «...Французская революция «была чужда и даже враждебна национальному принципу или национальному чувству» [40, С.34]. В отношении американской нации Э. Хобсбаум проводит её сравнительный анализ с абстрактной моноэтнической нацией, анализируя присущие ей признаки. В результате он приходит к выводу, что «...новую американскую нацию ни один из этих признаков не объединял...» [40, С.35].

Результат, полученный Э. Хобсбаумом очевиден и закономерен. Несмотря на то, что и французская и американская нация являются конструктивистскими, при формировании которых доминирующая этническая группа ассимилирует все остальные, локализованные в государстве этнические группы, ситуации в США и Франции имели принципиальные различия [25, С.170-176]. В США английская этническая группа ассимилировала иммигрантов, которые прибывали в страну с добросовестным намерением натурализоваться в сложившихся в стране условиях и стать такими же как все. Во Франции ассимиляции подлежали автохтонные этнические группы, локализованные на собственных этнических территориях, которые они называли своей родиной. Э. Хобсбаум видит эти различия, квалифицируя недоминирующие этнические группы как «негосударственные национальности» и то, что «внутренняя неоднородность» порождала большие проблемы, но в данном конкретном случае ему не удалось уловить закономерности в происходящих там процессах [40, 36]. Очевидно, что различие начальных условий в этих двух странах и определило результаты исследования Э. Хобсбаума.

Между тем британский исследователь делает ряд замечательных наблюдений. Он говорит о том, что в начале 19 в., когда количество национальных

государств было незначительным перед «пытливыми умами» возник вопрос в отношении «общностей и групп», способных в перспективе обрести собственное национальное государство. В связи с этим обсуждались критерии «потенциального или действительного статуса нации» [40, С.40]. Одним из таких критериев был «принцип порога» или «принцип минимальной достаточности» [40, С.53]. Понятие порога включала в себя следующие критерии: наличие исторической связи народа с современным государством или с государством, существовавшим продолжительное время в прошлом; существование культурной элиты и письменного национального литературного и административного языка; «доказанная на практике способность к завоеваниям» [40, С.61-62].

Э. Хобсбаум замечает, что «...с 1880-х годов дискуссии по «национальному вопросу» приобретают серьезность и остроту...» и превращаются «в насущный вопрос реальной политики» [40, С.71]. Изменился характер национализма, основополагающей целью которого стало образование новых государств, а не решение «проблемы «наций» в государствах уже существующих» [40, С.162]. В тоже самое время исчезает «принцип порога», в связи с чем растёт количество «потенциальных «неисторических» наций», а этнос и язык становятся «все более важными, решающими (и даже единственными) критериями национальной государственности» [40, С.162-163].

Если мы переставим перечисленные события в обратном порядке, чем это было изложено в книге Э. Хобсбаума, то смысл произошедших перемен становится совершенно понятным. А именно, с наступлением эпохи неоимпериализма национализм превращается в политический инструмент для создания кризисных ситуаций во враждебных полиэтнических государствах. Поскольку истинной целью было не создание нового национального государства, а нанесения ущерба старому полиэтническому, то оказались полезными как большие, так и маленькие этнические группы. Так, например, в Австро-Венгрии ещё в 1868 году было создано украинское общество «Просвита», которое путем переписывания истории формировало украинское националистическое движение. Основная цель при этом было создание максимальных проблем России посредством последующего распространения деятельности организованного движения на ее территорию.

В поисках истоков национализма Э. Хобсбаум исследует историю и события с 1780 года, но не находит ответа: «Так в чем же истинная сущность народного протонационализма?» Для получения ответа необходимо проникновение «...в мысли и чувства людей неграмотных, вплоть до XX века составлявших громадное большинство населения земного шара» [40, С. 77]. Существовал ли протонационализм в прошлом? Американский историк Х. Кон, писал, что воздействие внешних угроз «...может пробудить страстное чувство национальной связи, как это случилось в Греции в эпоху греко-персидских войн или во Франции во время Столетней войны» [21, С. 88-169]. Но совершенно очевидно, что в данном случае говорится не о национализме, а о патриотизме.

Как утверждал Э. Геллнер, национализм вырастает из чувства негодования, формирующегося под воздействием социальных перемен, происходящих с наступлением индустриальной эпохи. Следовательно, по причине отсутствия соответствующих стимулов, протонационализм мог существовать только в форме шовинизма. Таким образом можно сделать вывод, что национализм и шовинизм – это два принципиально различных явления, формирующихся на этнической почве. При этом шовинизм существовал всегда, а вот момент возникновения национализма Э. Хобсбаум обозначил в названии своей книги совершенно правильно. Исследовав многочисленные исторические примеры возникновения и развития национальных государств, он резюмирует: «Нация» и «национализм», как я уже заметил выше, больше не являются терминами, в которых можно адекватно описать, а тем более глубоко проанализировать политические образования и даже чувства и настроения, которые в свое время описывались с их помощью» [40, С.304].

Не менее ярким представителем британской плеяды исследователей нации и национализма чем предыдущие, является политолог и социолог Б. Андерсен, написавший знаменитую книгу «Воображаемые сообщества» [40, С.304]. Подобно предыдущим авторам Б. Андерсен затрудняется дать определения феноменов нации и национализма. «Нацию, национальность, национализм оказалось очень трудно определить, не говоря уже о том, что трудно анализировать», – говорит он [3, С.28]. «Быть нацией – это, по сути, самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени», – говорит Б. Андерсен [3, С.27]. Сказанное созвучно с приведенным выше высказыванием И. Валлерстайна, по мнению которого исторически сложившееся неравенство между народами вызывает появление националистических идеологий, оправдывающих или оспаривающих привилегированное положение тех или иных этнических групп или государств. «Для государства не быть нацией означает находиться вне игры, ставка которой – изменение ранга в межгосударственной иерархии» [11, С. 83-102]. Из рассуждений И. Валлерстайна следует, что стабильность суверенного полиэтнического государства непосредственным образом зависит от наличия внутри него этнических групп, в которых сформировались националистические движения. У такой страны нет иного выхода как трансформация в национальное государство по конструктивистской модели.

Основным признаком нации Б. Андерсен считает суверенитет: «...нации мечтают быть свободными и, если под властью Бога, то сразу же. Залог и символ этой свободы — суверенное государство», – говорит он [3, С. 232].

В результате произведенных теоретических рассуждений Бенедикт Андерсен дает свое «определение нации: это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [3, С.50]. Ничто так не убеждает, что с пониманием нации политологи оказались в полном тупике как это определение Б. Андерсена.

Очевидно, что оно не укладывается в рамки ни научного, ни политического, ни правового дискурсов.

Все, что мы видим – это образы, которые воссоздает наш мозг, анализируя лучи света, попадающие в наши глаза. То есть все, что мы видим в конечном итоге является воображаемым. Аналогичное можно утверждать в отношении того, что мы слышим и чувствуем. Поэтому даже если бы мы могли увидеть всю нацию и пересчитать всех ее граждан, она все равно бы была воображаемой. Тем не менее у гипотезы, поставленной в заглавие книги, имеется практическая сторона. Поскольку нация существует в виде идеального образа в нашем воображении, то, влияя на воображения членов нации, можно влиять на нацию в целом, а значит и управлять ею. И как указывает теорема Томаса: Если ситуации определяются людьми как реальные, они реальны по своим последствиям [39, С.38-45].

Можно заметить, что рассуждения Бенедикта Андерсена относятся к нациям, сформированным или формирующимся в полиэтнических государствах в соответствии с конструктивистской парадигмой. А вот утверждение Э. Геллнера о принципе нации, который, по его мнению, состоит в том, «чтобы политические и этнические единицы совпадали», указывают на то, что он рассуждает о моноэтнических нациях, сформированных в соответствии с примордиалистской либо этносимволистской парадигмами [13, С.23].

Феномену национализма подвержены не только необразованные низы общества, но и самая образованная его элита. Так и Б. Андерсен, и Э. Геллнер созвучно декларируют нейтральное отношение к национализму как объекту научного исследования, указывая, что: «В английском языке, напротив, термин употребляется в нейтральном смысле и не содержит оттенка как одобрения, так и неодобрения» [13, С.5]. Но, когда в своих трудах они говорят о России, ранее заявленная научная непредвзятость бесследно исчезает. Так в книге «Нации и национализм» Э. Геллнер с озабоченностью замечает: «Существует серьезнейшая проблема, возникшая как следствие того, что размещение некоторых народов является результатом насильственных переселений во время сталинского периода: сегодняшнее деление на меньшинство и большинство является плодом административного произвола» [13, С.5]. Э. Геллнер с удовольствием приводит негативные примеры, когда это касается России или Германии, несмотря на то, что его родное Британское содружество изобилует гораздо более яркими примерами геноцида на этнической почве – это и работорговля, основным инструментом которой была Королевская африканская компания; и истребление индейцев Америки; и опиумные войны в Китае, и т.п.

В свою очередь Бенедикт Андерсен в качестве комментариев к репрессиям, предпринятым к участникам Кирилло-Мефодиевского братства, на странице 96 «Воображаемых сообществ» приводит ссылку 19, которая поясняет: «Nations and States, p. 187. Не нужно и говорить, что царизм не мешкая расправился с этими людьми. Шевченко был сослан в Сибирь» [3, С.96]. В действительности Т. Г. Шевченко никогда не был в Сибири. По рекрутской повинности он был определён

на военную службу рядовым, которую проходил с 1847 по 1857 гг. в Оренбургском крае и Казахстане.

Для понимания соразмерности наказаний в обсуждаемый период в России и Великобритании заметим, что на родине самого Бенедикта Андерсена до 1864 года, т.е. даже после смерти Т. Г. Шевченко, существовала казнь людей путем их четвертования с последующим потрошением и повешением. Именно таким способом закончил свой жизненный путь известный английский юрист, философ и писатель-гуманист Томас Мор [26]. Во время восстания сипаев (1857 – 1858 годы) британцы разработали и активно использовали для наказания индусских мятежников (повстанцев) специальную казнь, которую они называли *Blowing from guns* (дуновение из пушек), заключающееся в привязывании приговоренных к жерлам пушек и последующем выстреле из нее сквозь тело [26].

Становится очевидным, что и Э. Геллнер, и Б. Андерсен, следуя целевым установкам британского социума, к которому они оба принадлежат, искусственно фабрикует негативный образа россиян, противопоставляя «плохих русских» «хорошим» британцам в собственных лицах, и тем самым проявляют себя британскими шовинистами.

Справедливо сказать, что в Предисловии, написанном Б. Андерсеном к книге «*Mapping the nations*», изданной в 1996 году в Лондоне, автор уже более критично говорит о негативных действиях британских властей.

Следует также отметить, что рассуждения Б. Андерсена о благотворном воздействии книгопечатания на развитие наций и национализма в Западной Европе основываются на идее, заимствованной им у американского историка и философа Х. Кона, который в «книге «Национализм: его значение и история», изданной еще в 1965 году, писал: «Так литература стала доступной народу как раз в то самое время, когда изобретение книгопечатания облегчило и удешевило выпуск книг» [21, С.88-169]. В книге Б. Андерсена содержатся ссылки на Х. Кона, но в связи с совершенно иными обстоятельствами.

В своих работах «Идея национализма» и «Национализм: его значение и история» Х. Кон исследовал объективные признаки большинства существующих наций, «отличающими их от других наций, такими как общее происхождение, язык, территория, политическая общность, обычаи, традиции и религия». В результате проведенных исследований он заключает: «Ясно, однако, что ни один из этих факторов не является решающим для определения нации или обязательным условием ее существования» [20, С.242-287].

Определенную ясность в понимание социальных предпосылок, способствующих возникновению феномена национализма, внёс британский лингвист Р. Т. Белл. Анализируя с позиций социолингвистики процесс выбора официального языка в полиэтнических государствах Африки, он отметил, что «Выбор национального языка ... может показаться с первого взгляда очень простым в том случае, когда имеется язык, на котором говорит большинство населения данного государства. Однако выбор такого языка, естественно, поставит его носителей в привилегированное положение, поскольку их родной

язык будет языком правительства, власти и управления. Меньшинство в таком случае будет чувствовать себя ущемленным и вполне может заявить, что обретение независимости означало для них всего лишь перемену империалистических хозяев» [8, С. 219]. Таким образом, выбор единого официального языка в полиэтнических государствах представляет собой сложнейшую проблему, ошибки в разрешении которой в перспективе могут вылиться в нарушение территориальной целостности полиэтнического государства. По мнению британского социолингвиста оптимальным вариантом такого выбора является язык народа, имеющего наиболее развитую литературу и культуру [8, С.226]. Данный подход в лингвистике получил название «Великой традиции» [45, С.27-56].

Говоря о возможных вариантах последствий принятия решений в отношении выбора официального языка Р. Т. Белл отмечает: «Соответственно, вполне возможны попытки меньшинства выйти из федерации и создать свое собственное независимое государство, в котором их родной язык стал бы национальным. Известны неудачные попытки такого рода на примере Биафры и удачные – при создании государства Бангладеш» [8, С.219-220].

То, что Роджер Т. Белл именуется как «попытки выйти из федерации», чешский историк М. Грох позднее стал квалифицировать как формирование национального государства второго этапа. По теории последнего это происходит на заключительной стадии фазы «С» в развитии национального движения.

Нужно отметить, что британские исследователи наций и национализма, книги которых были опубликованы, соответственно, «Воображаемые сообщества» Б. Андерсена и «Нации и национализм» Э. Геллнера в 1983 году, «Нации и национализм после 1780 года» Э. Хобсбаума в 1991 году», не были знакомы с работой своего соотечественника Р. Т. Белла «Социолингвистика: цели, методы и проблемы», изданной ещё в 1980 году, поскольку в ней содержатся неизвестные им существенные сведения, относящиеся к области их теоретических изысканий [8]. Отмеченный факт свидетельствует о том, что социолингвистика представляет собой значимый, но пока ещё недооценённый ресурс для осмысления феномена национализма.

Нация – это не только социально-политический феномен, реинкорнировавшийся в принципиально новой сущности в период становления Индустриальной эпохи, но и слово, исторически существующее в любом из романских языков. Редкие исследователи наций, такие как Э. Кедури, Э. Хобсбаум, Г. В. Касьянов [43] изучают и анализируют обе стороны вопроса. Подавляющее большинство исследователей подходят к проблеме, как будто они являются первооткрывателями феномена нации, либо последователями таких первооткрывателей, которым по каким-то причинам самим не удалось дать определение открытому ими явлению. К последним можно отнести О. Бауэра, автора книги «Национальный вопрос и социал-демократия», изданной на русском языке в издательстве «Серп» в 1909 г., и И. В. Сталина, автора статьи «Рабочий класс и национальный вопрос», впервые опубликованная в журнале

«Просвещение» в 1913 году. Оба автора используют одну и ту же методологию. Они поочередно исследуют существенные признаки человеческих сообществ, анализируя их на соответствие собственным представлениям о нации. И. В. Сталин писал свою работу в Вене, и, вероятно, находился под влиянием, написанной несколькими годами ранее, работы О. Бауэра, который в то время проживал в этом же городе. Тем не менее составленные ими определения нации существенно отличались друг от друга. Так определение нации О. Бауэра гласит: «Нация – это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы» [7, С.139]. Между тем как И. В. Сталин дает следующее определение: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [32, С.6]. Несмотря на то, что определения нации О. Бауэра и В.И. Сталина по своему содержанию принципиально отличались, они имеют существенное сходство. Отто Бауэр, бывший по национальности евреем, составил определение таким образом, чтобы еврейский народ подпадал под его критерии и мог считаться нацией. И. В. Сталин, который был грузином, составил определение таким образом, чтобы грузинский народ подпадал под его требования и также мог считаться нацией. Очевидно, что под сталинское определение подходит любой народ аграрной культуры.

На период составления обоих определений и еврейский и грузинский народы не имели своей государственности и не обладали суверенитетом. Из приведенных рассуждений следует, что определения нации и И. В. Сталина, и О. Бауэра носят конъюнктурный характер, в связи с чем все рассуждения об их научной ценности оказываются неуместными.

Пренебрежение к этимологии при исследовании понятия нации создало ситуацию, в которой авторы новых определений некорректным образом указывают романским народам на то, что они не совсем понимают значение исконного слова из своих родных языков.

Интересно и продуктивно сравнить сталинское определение нации определениями этноса, данных в разное время российскими учёными. Так С. М. Широкогоров говорит, что «...этнос – есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп». Это и есть этническая единица, – объект науки этнографии [41, С.42]. С учетом того, уклад жизни включает в себя в том числе и тип собственности и хозяйства, то данное определение отличается от сталинского только отсутствием указание на общность территории.

Советский академик Ю. В. Бромлей, определяя этнос, отмечает: «Такая общность представляет собой исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований, фиксированном в этнониме» [9, С.6]. Определение, данное этносу Ю. В. Бромлеем

за исключением «общности экономической жизни» повторяет определение нации И. В. Сталиным добавляя, к нему фиксацию в этнониме. Но если люди живут на одной территории, то можно ли говорить об отсутствии у них общности экономической жизни. Кроме того, понятие культура является очень широким и включает экономическую культуру. В отличие от Ю. В. Бромлея недавно ушедший от нас русский этнограф Ю. В. Семенов считал, что территория и общая экономика не являются признаками нации. В его понимании: «Этнос, или этническая общность, есть совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп» [30, С.64-74]. При этом, противореча самому себе, Ю. В. Семенов пишет, что «Территория, на которой компактно проживает тот или иной этнос и где он составляет большинство населения, принято именовать этнической территорией» [30, С.64-74].

Если подойти к оценке приведенных определений этноса с точки зрения, такого критерия истины как практика, то безусловно выигрывает определение Ю. В. Бромлея. Только оно дает возможность понять, как возникает национализм. Это происходит, когда недоминирующие этнические группы полиэтнического государства, проживающие на собственной этнической территории, которую они считают родиной, подвергаются ассимиляции доминирующим этносом.

Практически полное совпадение между сталинским определением нации и определениями этноса отечественных ученых привели к возникновению в СССР терминологической коллизии. Это внесло путаницу, которую мы до сих пор наблюдаем в основополагающих документах Российской Федерации. Её примером служит употребление в важных государственных документах определения многонациональный народ. Как следует из ранее приведенного нация включает всё население государства. Основопологающим свойствами нации является наличием у нее национального суверенитета. Исходя из сказанного, синонимами слова многонациональный будут являться – многосуверенный и многогосударственный.

Определение нации, данное И. В. Сталиным, стало в СССР незыблемой истиной, и благодаря высокому авторитету советского государства распространилось по миру. На неуместность иных толкований нации в СССР указал сам И. В. Сталин: «Русские марксисты давно уже имеют свою теорию нации. По этой теории нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры. Как известно, эта теория получила в нашей партии общее признание» [33, С.333]. В обстановке репрессий довоенного времени в СССР сталинское определение нации стало догматом.

О. Бауэр, как и И. В. Сталин были марксистами, но в трудах их великого учителя проблемы наций и национализма не нашли глубокого рассмотрения. В нациях и национальной обособленности К. Маркс видел досадные пережитки.

«Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой», – предрекал он [23, С.44]. Особенности отношения марксистов к национализму Б. Андерсон сформулировал следующим образом: «Правильнее было бы сказать, что национализм оказался для марксистской теории неудобной аномалией, и по этой причине она его скорее избегала, нежели пыталась как-то с ним справиться» [3, С.43].

Американский историк Т. Мартин, исследовавший национальную политику, проводившуюся в СССР в 1923 – 1939 гг., отметил: «Национальный вопрос Ленин всегда воспринимал всерьез, но то, что во время революции и Гражданской войны национализм неожиданно проявил себя в качестве мощной мобилизующей силы, его очень изумило и беспокоило» [35, С.11]. С октября 1917 года народным комиссаром по делам национальностей был И. В. Сталин, который, судя по сформулированному им определению нации, не являлся квалифицированным специалистом в области этнической политики. Выступая на 10 съезде РКП(б) И. В. Сталин отмечал: «Национальные государства вроде Франции и Италии, опиравшиеся первое время, главным образом, на свои собственные национальные силы, не знали, вообще говоря, национального гнета» [34, С.968]. Приведенная цитата дает основания полагать, что её автор представлял себе Францию моноэтнической страной с населением, говорящем на едином французском языке. Тем не менее, там проживали десятки автохтонных этнических групп, говорящих на языках патуа. Французский язык складывался исторически в процессе овладения кельтским населением латыни. Единство норм национального языка окончательно утвердилось только в конце XIX в., когда в 1896 г. во Франции было введено обязательное всеобщее начальное обучение [18, С.243-260]. Тем не менее, многочисленные языки автохтонных народов там до сих пор существуют. В апреле 1999 года правительству Франции был представлен доклад директора Национального института французского языка Бернара Черкильини, где указаны 24 миноритарных языка (патуа), на которых говорит население европейской территории республики [44]. Упоминание о наличии в этой стране этнических меньшинств мы не найдём в конституции государства [1]. До настоящего времени Франция не подписала Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств Совета Европы, как не отвечающую требованиям конституции Франции [2].

Одним из наиболее ярких исследователей наций является чешский историк М. Грох. По мнению Э. Хобсбаума работа чешского историка «От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе» открыла «новую эпоху в изучении состава национально-освободительных движений» [16, С.121-145]. В ней М. Грох исследует формирование моноэтнических наций Центральной Европы, которые он квалифицирует как нации второго этапа. Хотя Мирослав Грох не использует термин «этносимволизм», именно этносимволистская модель формирования наций он рассматривает в своей работе. Энтони Смит, исследовавший особенности этносимволизма, отмечал важную роль символам сообщества для

формирования национальной идентичности, позволяющей отделять «нас» от «них», среди которых он называл «общие ценности, воспоминания, ритуалы и традиции», а также «коллективных символов, таких как флаг, гимн или национальный праздник». «Такие символы особенно важны в обрядах и церемониях общественная культура, которая помогает создавать и поддерживать общественные связи и чувство национальной идентичности». – отмечал он [47, С.25].

Процесс, называемый М. Грохом «изобретением» нации, по существу является процессом «изобретения» символов, которые в последствии будут использоваться в качестве ключевых стимулов для формирования националистических настроений и чувств. Чешский историк отмечает, что в англоязычной литературе, процесс формирования нации представляется как продвижение идей национализма и считает такой подход ошибочным [16, С.122].

В отличие от первых европейских наций, сформировавшихся по конструктивистской модели из большего или меньшего количества этнических групп, предметом его исследований стали моноэтнические нации, которые образовывались путем отделения одной из недоминирующих этнических групп от полиэтнических государств путем сецессии территории её локализации. В процессе формирования наций второго этапа М.Гроха национальные движения ведут борьбу за воплощение в реальность «принципа совпадения политических и национальных единиц» Э.Геллнера [13, С.23].

По мнению чешского историка, национализм – это «мировоззрение, в рамках которого придается абсолютный приоритет ценностям нации над всеми иными ценностями и интересами» [16, С.124]. Данное определение выглядит довольно спорным. Очевидно понимая, категоричность своего определения, М. Грох берет слово мировоззрение в кавычки. Таким образом скорее можно говорить о психологических установках в поведении человека, его внутренних нормах, чем о мировоззрении. Иначе национализм закрепляется на подсознательном уровне человека.

М. Грох различает национализм и национальное движение. В понимании чешского историка национализм – это «мировоззрение, в рамках которого придается абсолютный приоритет ценностям нации над всеми иными ценностями и интересами» [16, С.124]. В национализме он видит «одну из форм национального сознания», которое овладев националистами может сделать их становлению в качестве «существенной силы в своем регионе». Национальное движение, по его мнению, имеет иную программу, которая вытекает из «недостатков национального бытия» и включает развитие национальной культуры, основанной на местном языке; «обретение гражданских прав и политического самоуправления», а в конечном итоге и независимости; создание социальной структуры на основе одной этнической группы [16, С.124].

Сравнение понимания националистическим и национальным движением у М. Гроха чисто субъективная. Будучи чехом по национальности, он положительно

воспринимал чешское движение за независимость от Австро-Венгерской империи. А вот с позиций властей империи такое движение воспринималось националистическим. Для внешнего наблюдателя подобное движение в другой стране всегда будет восприниматься как национальное. Но если такое движение возникнет в полиэтническом государстве и будет оцениваться представителем его доминирующей этнической группы, то он всегда назовёт его националистическим. Таким образом национальное и националистическое движение являются одним и тем же явлением, а выбор того или иного определения зависит только от позиции наблюдателя.

Процесс возникновения и развития национального движения М. Грох структурирует на три фазы: «А», «В» и «С» [16, С.125]. По мнению чешского историка, стоящие в центре событий интеллигенты-подвижники в фазе «А» ещё не являются националистами. В фазе «В» их сменяют функционеры национальных (националистических) движений, которых уже можно рассматривать как националистов. Процесс развития национального движения сам Мирослав Грох оценивает как «изобретение» нации [16, С.122]. Так можно говорить только об искусственном процессе. Несмотря на утверждение М. Гроха: «Целью моей собственной работы было не создание теории национального строительства, а скорее выработка эффективных методов, позволяющих классифицировать и оценивать опыт создания нации как процесса, происходящего в рамках более глобальной социальной и культурной истории», его брошюра представляет собой поэтапную методiku для создания новых «националистических движений» и может быть использована в целях создания кризисных ситуаций в существующих полиэтнических государствах, вплоть до полного их разрушения» [16, С.121].

Известный норвежский социальный антрополог Ф. Барт говорит об утвердившейся на Западе концепции этнической группы, существенными признаками которой является способность к воспроизводству, разделение общих культурных ценностей, нахождение их в общем поле взаимодействия и коммуникаций, наличие групповой идентификации, кто в неё входит, а кто нет [6, С.11-12]. «Эта логика привела к возникновению модели мира, состоящего из отдельных народов, обладающих собственными культурами и организованных в такие сообщества, которые в целях описания могут быть оторваны от целого и представлены как отдельные острова», – говорит он [6, С.12].

Необходимо отметить, что в российской традиции в этнографии наряду с термином этническая группа используется понятие этноса, одним из основополагающих признаков которого является наличие этнической территории. Такой подход позволяет рассматривать сообщество в реальных условиях, в которых существуют границы между этническими сообществами и взаимное влияние их друг на друга. Ф. Барт признаёт существование этнических границ и понимает под ними такие пределы, в которых культура этнической группы при взаимодействии с другими группами сохраняется и продолжает воспроизводиться в последующих поколениях [6, С.17].

Ф. Барт рассматривает этническую идентичность как статус. «Можно, таким образом сказать, что этническая идентичность есть императив, поскольку иные определения ситуации не могут заставить носителя проигнорировать свою идентичность или временно пренебречь ею», – замечает он [6, С.20]. Норвежский исследователь ассимиляционный процесс квалифицирует как смену этнической идентичности [6, С.26-37]. Термин «смена» говорит о законченности и необратимости процесса. Но ассимиляция – это не всегда законченный и необратимый процесс. Практика существования еврейской диаспоры на протяжении почти двух тысяч лет, не исключает возврата отдельно взятого индивидуума к первоначальной этничности, например, в случае репатриации в Израиль. То же самое происходит с ассимилировавшимися в США индусами, иранцами, русскими и т.п. при возвращении их соответственно в Индию, Иран и Россию.

Исследование явлений нации и национализма самым тесным образом связано с изучения феноменов этноса, этнической группы, этничности. В реальности нации, национализм и этничность представляют собой три стороны социального взаимодействия, которое формируется во времена ндустриальной эпохи. Российский историк, этнолог и социальный антрополог В. А. Тишков отмечает, что «термин этнос происходит от древнегреческого «ethnos», первоначально служившего для обозначения и различных сообществ людей, и живых существ (например, пчелиный рой), а позднее использовавшегося как определитель народов не греческого происхождения, которых греки называли варварами» [37, С.52]. Можно констатировать, что приведенное определение этноса полностью соответствует тому, что говорит Э. Кедури в отношении понимания нации в Древнем Риме [19, С.24]. Отсюда следует, что в античные времена латинское слово «нация» в переводе на древнегреческий означало «этнос».

В. А. Тишков говорит о том, что в среде британских и американских антропологов понятие этнос не используется. Вместо него применяется термин этничность. Российский академик считает, что «...этничность есть синоним культурной идентичности» [37, С.55].

В процессе проведенного анализа установлено, что различные исследователи определяют различные временные рамки существования национализма. Так, модернисты, к которым относятся Э. Геллнер и Э. Хобсбаум полагают, что нации и национализм возникают в конце восемнадцатого века. По наблюдения американского исследователя Х. Кона «Корни национализма проросли из той же почвы, что и сама западная цивилизация — от древних евреев и древних греков» [21, С.88-169]. Объясняя причины возникновения национализма, он отмечает, что «Внешняя опасность может пробудить страстное чувство национальной связи, как это случилось в Греции в эпоху греко-персидских войн или во Франции во время Столетней войны» [21, С. 88-169]. Данный факт является следствием неопределённости основных терминов. То, о чём говорит Х. Кон фактически является патриотизмом. Если в патриотическом

запале происходит противопоставление одного народа к другому, унижая при этом достоинство оппонента, такое поведение является шовинизмом. Когда шовинизм становится государственной доктриной, мы называем это фашизмом. Но шовинизм присущ как этносам, так и любым другим социальным группам, например, женский шовинизм, мужской шовинизм и т.п. Шовинизм существовал всегда. В Древнем Риме квириды пользовались значительно большими правами, чем представители иных народов, что даёт основание говорить о римском шовинизме. Из сказанного следует, что путаница возникает вследствие отнесения шовинизма к национализму. Очевидно, что термины национализм и шовинизм требуют верификации и последующего их отделения друг от друга, поскольку это два принципиально разных феномена.

В отличие от шовинизма национализм возникает в Новое время, когда развитие системы государственного управления и система хозяйствования в масштабах всей страны, требуют единого официального языка. В реальности этот процесс представляет собой ассимиляцию, которая приводит к кризису идентичности в каждой отдельно взятой автохтонной недоминирующей этнической группе полиэтнического государства [25, С.170-176]. Таким образом, во избежание продолжения путаницы назрела необходимость разделения терминов национализм и шовинизм.

Разные исследователи по-разному подходят к пониманию сущности национализма. Э. Кедури определяет его как доктрину, Э. Геллнер – как принцип, Б. Андерсон – как феномен.

О. Бауэр и И. В. Сталин подошли к формированию определения нации с позиций этноцентризма, поправ таким образом принципы объективности и беспристрастности научного исследования. Э. Геллнер, и Б. Андерсон, давая оценки событий в России, проявляют британский эгоцентризм. То же самое можно сказать об оценке Д. С. Милля британской оккупации Индии как «приобретение для цивилизации».

Определения нации О. Бауэра и И. В. Сталина игнорируют исследование этимологии слова нации, и также являются этноцентричными. Каждый из авторов предусмотрел, чтобы его этническая группа подпадала под рамки сформированного им определения нации. По указанным причинам отнесение обоих определений к категории научных было бы безосновательным.

И. В. Сталин наделяет нацию рядом качеств, которые представляются ему существенными. Все эти качества мы находим в определениях этносов, составленных в разное время отечественными учёными. Наиболее значительное совпадение имеет место между сталинским определением нации и определением этноса академика Ю. В. Бромляя. Эти обстоятельства стали причиной путаницы в основополагающих документах Российской Федерации, связанные с некорректным использованием слова нация.

Поскольку наиболее важным признаком нации является её суверенитет, а сталинское определение его не включает, то определение нации И. В. Сталина, по существу, является определением этноса, возможно наиболее полным.

Характерной особенностью всех исследований является отсутствие у авторов реального общения с представителями национальных движений, что лишило их возможности достоверно судить о логике и мотивации действий националистов.

Исследования Э. Геллнера и Б. Андерсона содержат материал, имеющий признаки плагиата. При всех отмеченных недостатках нельзя не признать работы авторов, проанализированные в настоящем исследовании, выдающимися, продвинувшими теорию наций и национализма на принципиально новый уровень, поскольку они либо содержат новые концепции, либо расширяют или уточняют понимание ранее созданных.

В данной статье был поднят комплекс проблем, требующих системных исследований. Важнейшим объектом, без пристального изучения которого невозможно считать национализм до конца познанным, является мотивация участников национальных движений. И здесь главными объектами изучения будут являться высокая мобильность националистических движений и способы ее достижения.

Ссылки и примечания:

1. Конституция Французской Республики 1958 года Интернет-сайт Конституционного совета Франции URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/texte-integral-de-la-constitution-du-4-octobre-1958-en-vigueur> (Дата посещения 23.06.2023)
2. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств от 10 ноября 1994 г. // Совет Европы: [сайт]. – URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/cets-number-/-abridged-title-known?module=signatures-by-treaty&treatynum=157> (дата обращения: 06.06.2023).
3. Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. — М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. — 288с.
4. Апрыщенко В. Ю. Нация и национализм в контексте исторической антропологии. Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. – 2006. – № 1. – С.32-37
5. Аржанов М. А. Гегельянство на службе германского фашизма [Текст]: Критика неогегельянских теорий национализма / А. М. Аржанов. – М.: Партиздат. – 1933. – 152 с.
6. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Сборник статей под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пилыдикова. М.: Новое издательство. – 2006. – 200 с.
7. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. – СПб.: Серп. – 1909. – 602с.
8. Белл Р.Т. Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. М.: Международные отношения. 1980. – 320 с.

9. Бромлей Ю. В. Этнография: Учебник. под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. — М.: Высш. Школа. — 1982. — 230 с.
10. Буховец О. Г. Эра национализма и особенности образования наций в Европе. Часть первая. Современная Европа. — 2008. №4(36). — С. 33-44
11. Валлерстайн И. Конструирование народа: Раса, нация, этническая группа. / Э. Балибар, И. Валлерстайн Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. // Раса М.: Логос. — 2004. — С.83-102
12. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель; Перевод А. М. Водена; - СПб.: Наука. — 1993. — 479 с.
13. Геллнер Э. Нации и национализм. — М.: Прогресс — 1991. — 320 с.
14. Геллнер Э. Пришествие национализма. — Сборник статей. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. — С. 146-200
15. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер ; [пер. с нем. А. В. Михайлова]. - 2-е изд., испр. — М.: Спб.: Центр гуманитарных инициатив, — 2013. — 760 с.
16. Грох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. Сборник статей. Нации и национализм. — М.: Праксис, 2002. — С. 121-145
17. Загребин А. Е. Нация и национализм: В теории и истории. Учебное пособие / А. Е. Загребин, А. С. Муканова. — Ижевск: Изд-во Удмуртский университет. — 2015. — 212 с.
18. Катагощина Н. А. История французского языка / Н. А. Катагощина, М. С. Гурычева, К. А. Аллендорф — М.: Издательство литературы на иностранных языках. 1963. — С.243-260.
19. Кедури Э. Национализм / Э. Кедури; — 4-е изд., расш. — СПб.: Алетейя. — 2010. — 136 с.
20. Кон Х. Азбука национализма. Проблемы Восточной Европы. № 25-26. Вашингтон. 1989. — С.242-287
21. Кон Х. Национализм. Его значение в истории. 1955. Проблемы Восточной Европы. № 41-42. Вашингтон. 1994. — С.88-169.
22. Лях К. И. Ключевые подходы к исследованию феномена национализма в западной политической науке XX столетия. Политические науки и регионоведение. 2014. № 3(203). — С.19-27
23. Маркс К. Манифест Коммунистической партии. / К. Маркс, Ф. Энгельс — М.: Политиздат. — 1974. — 63 с.
24. Милль Дж. С. Рассуждения о представительном правлении. / Дж. С. Милль; пер. с англ. — Челябинск : Социум. — 2006. 384 с.
25. Николаев Ю. Б. Возникновение феномена национализма при формировании национального государства на примере Франции. Этнос и общество. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Краснодар, 1 декабря 2022 г. — С. 170-176

26. Повешение, потрошение и четвертование. Интернет-сайт: Академик.ру
URL - <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1599905> (Дата обращения 04.07.2023)
27. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под ред. В.Н. Михайловского. Т.6. – Киев, 1902. – С.87-101.
28. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. – М.: Канон-пресс, Кучково поле. – 1998. – 416с.
29. Савельева И. М., Полетаев А. В. Национальная история и национализма // Вестник РУДН. История России. 2006. №2(6). – С.18-30
30. Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора. // Этнографическое обозрение. 2000. №2. С.64-74
31. Сийес аббат. Что такое третье сословие? – СПб.: Голос. 1906. – 64 с.
32. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. / И. В. Сталин Марксизм и национально колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б). 1937. – 232с.
33. Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм. Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим (18 марта 1929 г.) / И. В. Сталин Сочинения. т. 11. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б). 1949. – С. 333
34. Сталин И.В. Тезисы т. Сталина по докладу об очередных задачах партии в национальном вопросе, утверждённые ЦК партии. Стенографический отчет X съезда РКП(б). М.: Госполитиздат. 1963. – С.698.
35. Терри М. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1929. – М.: РОССПЭН. – 2011. – 855 с.
36. Тесля А. А. (2014). «Речи к немецкой нации» Фихте: нация, народ и язык // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2014. – №1(72). – С.80–91.
37. Тишков В. А. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов / В. А.Тишков, Ю. П. Шабаев — М.: Издательство Московского университета, 2011. — 376 с.
38. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации / И.Г. Фихте. пер. А.А. Иваненко. СПб.: Наука. 2009. – 349 с.
39. Хаустов Д. С. Теорема Томаса: жизнь одной идеи. / Д. С. Хаустов // Идеи и идеалы. – 2014. – № 3 (21). – Т. 2. – С.38-45
40. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – СПб.: Алетейя. – 1998. – 306с.
41. Широкогоров С. М. Этнографические исследования: Этнос. Исследование принципов изменения этнических и этнографических явлений / отв. ред. А. М. Кузнецов, А. М. Решетов: в 2-х кн. Книга вторая. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, – 2002. – 148 с.
42. Anthony D. Smith. Ethno-symbolism and nationalism: a cultural approach. – London, New York: Routledge. – 2009. – 184с.

43. Касьянов Г. В. Теорії нації та націоналізму: Монографія. — К.: Либідь, — 1999. — 352 с.
44. Cerquiglini B. Les Langues de France: rapport au ministre de l'éducation nationale, de la recherche et de la technologie et à la ministre de la culture et de la communication — P.: Institut National de la Langue Française (CNRS), 1999. Эл. сайт — URL: <http://www.ladocumentationfrancaise.fr/var/storage/rapportspublics/994000719.pdf> (Дата обращения 23.06.2023).
45. Fishman J. National Languages and Languages of Wider Communication in the Developing Nations. Whiteley. W.H. 1971. P. 27-56.
46. Robespierre M. Œuvres complètes de Maximilien Robespierre (фр.). Presses universitaires de France. 1950. T. VI. С.643.
47. Smith, A. D. Ethno-symbolism and nationalism: a cultural approach. — London, New York: Routledge. — 2009. — 184p.

УДК [329.78:316.3] (478)

С.А. Шерстюк

ГОУ Приднестровский Государственный Университет им. Т.Г. Шевченко
e-mail: geograf_s@mail.ru

В.Г. Фоменко

кандидат географических наук,
ГОУ Приднестровский Государственный Университет им. Т.Г. Шевченко
e-mail: fomenkovol@mail.ru

КОНСОЛИДАЦИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИЛ В ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОЦИУМА

Аннотация

Данная статья посвящена важности консолидации молодежных общественных объединений Приднестровской Молдавской Республики на современном этапе развития гражданского общества. Также в статье рассмотрены механизмы поддержки приднестровской молодежи со стороны органов государственной власти.

Ключевые слова: *Консолидация, молодежные общественные объединения, гражданское общество, механизмы взаимодействия общества и органов государственной власти.*

Summary

This article is devoted to the importance of consolidation of youth public associations of the Pridnestrovian Moldavian Republic at the present stage of development of civil society. The article also discusses the mechanisms of support for Pridnestrovian youth by state authorities.

Keywords: *Consolidation, youth public associations, civil society, mechanisms of interaction between society and public authorities.*

Прежде, чем говорить о консолидации молодежных общественных сил, необходимо определиться с термином консолидации общества. Если говорить языком обывателя, то общественная консолидация – это единение (объединение) людей вокруг общей цели или идеи.

По мнению профессора Дагестанского государственного педагогического университета Н.Н. Гасанова: «сущность консолидации состоит в объединении социума, достижении согласия в нем на основе взаимного доверия между властью и народом» [1, С.154].

Общей идеей, объединившей приднестровский социум еще на рубеже 80-90-х годов XX века, стало недопущение на нашей многонациональной земле принципов национального, языкового, расового, конфессионального превосходства одного народа над другим. Проще говоря, в период распада СССР приднестровцы объединились против навязанной со стороны Молдовы политики национального превосходства молдавской нации над представителями остальных народов, проживающих на территории тогда еще Молдавской ССР. Как результат – стало образование Приднестровской Молдавской Республики, где в качестве основных принципов государственного строительства стали мирное добрососедское сосуществование на нашей земле представителей различных народов, языковое равенство говорящих на разных языках, относящихся к разным религиозным конфессиям.

Сегодня общие идеи для приднестровцев обозначены в Стратегии развития нашего государства на 2019 – 2026 гг., а именно: политическая стабильность, экономическая самодостаточность и социальная справедливость [2, С.2].

При этом государственная идеология Приднестровья основывается на трех базовых принципах:

- а) укрепление независимости ПМР и стремление к международному признанию;
- б) продолжение формирования общности «приднестровский народ»;
- в) построение социально ориентированного государства с рыночной экономикой.

Вот в принципе ключевые идеи, достижение которых не мыслимо без консолидации нашего общества. Какую же роль, в достижении этих целей может сыграть молодежь, которая не равнодушна к судьбе своего государства?

По мнению авторов статьи, любые процессы консолидации общества в современных экономико-политических и социокультурных условиях невозможны без участия молодежи. Молодежь является двигателем социального развития, поэтому всегда внутреннюю политику государства необходимо выстраивать с учетом потребностей и интересов молодого поколения. Уже доказано, что те процессы, которые протекают в молодежной среде, являются первым индикатором тех социально-политических изменений, которые происходят в государстве. Среди наиболее ярких примеров – «цветные революции» на постсоветском пространстве: Молдова, Киргизия, Грузия, Белоруссия, Казахстан, Украина. Первые, кто выходит (или даже, кого выводят) на митинги протеста – молодежь! Почему так происходит в странах бывшего СССР? Почему руками молодежи производятся попытки реализации государственных переворотов?

По мнению многих экспертов это связано с тем, что после развала Советского Союза, с учетом падения экономических показателей этих стран, делами молодежи на государственном уровне практически никто не занимался. Очень слабо проводилась государственная политика, направленная на

формирование молодежного кластера, который смог бы стать основой для будущего укрепления государства во всех ее сферах. Как итог – в страны бывшего Советского Союза потянулись вереницы западных фондов, которые под видом благотворительной деятельности стали работать с молодыми ребятами, мягко и тактично подводя их мышление к тому, что в их силах изменить жизнь в стране к лучшему, но не занимаясь наукой, не стоя у станка на заводе и не занимаясь медициной или преподаванием, а занимаясь организацией митингов протеста, дестабилизирующими общество и власть. К сожалению – это наша реальность. Подобных случаев масса. И не только на территории бывшего СССР.

Именно руками молодых людей устраивались вооруженные перевороты в странах Северной Африки в начале 2000-х гг. (Тунис, Ливия, Египет, Сирия, и др.). Это доказано, даже известны финансовые доноры этих процессов. Стала ли жизнь людей в этих государствах лучше? Укрепилась ли независимость и самостоятельность этих государств? Ответ очевиден – нет!

Итог: когда государство «закрывает глаза» на работу с собственной молодежью и отдает эту работу на откуп кому-то извне, то рано или поздно руками этой самой молодежи может быть сделано то, что мы сегодня называем государственный переворот и обращение страны в хаос.

Но давайте вернемся в Приднестровье. Предпринимаются ли сегодня государством меры по созданию молодежной платформы, которая через 10-15 лет смогла бы стать основой системы жизнедеятельности приднестровского государства как в сфере управления, так и в сферах бизнеса, производства, медицины и образования, социальной защиты и других?

Как известно, в конце 1990-х и в начале 2000-х гг. в Приднестровской Молдавской Республике создавались молодежные патриотические клубы, которые, правда, существовали не долго. Процесс активного строительства в начале 2000-х гг. приводил к обязательному формированию «молодежного крыла» при той или иной политической партии. Цели создания таких молодежных объединений во многом были схожими: укрепление приднестровского суверенитета, укрепление связей с Россией, формирование добровольческих отрядов и т.д. Однако данная работа не носила системный характер, и рано или поздно активная деятельность таких молодежных патриотических сил в большинстве общественных организаций и политических партий приостанавливалась. Авторы статьи считают, что причина этому – недостаточная в то время работа органов государственной власти по созданию условий для полноценной самореализации молодого человека на территории Приднестровья – не реализация как будущего политика, а реализация молодого человека как гражданина и патриота своего Отечества! Этому препятствовали ряд причин, а именно: низкий уровень заработных плат на старте карьеры, дефицит рабочих мест в сфере промышленного производства, низкая финансовая грамотность молодежи, отсутствие системы государственной поддержки начинающих предпринимателей, невозможность обеспечения

жильем молодых кадров в сфере науки, медицины, охраны правопорядка, офицеров армии и других сферах. Де-факто, молодежь в те годы была «оторвана» от системной государственной поддержки и зачастую после окончания учебного заведения была предоставлена сама себе. Данное критическое мнение одного из авторов статьи основано на его личном опыте активного участия в общественной жизни республики, начиная с 2005 года, будучи в возрасте 19 лет и обучаясь на третьем курсе университета.

А что же происходит с взаимодействием органов государственной власти и молодежных общественных объединений сегодня?

Начиная с осени 2016 года в Приднестровье активно развивается консолидирующее республиканское общественное движение Общеприднестровский народный форум (ОНФ), ключевыми целями которого являются консолидация общественных сил патриотической направленности; обеспечение прямого диалога между гражданским обществом и органами государственной власти, практическая реализация Закона ПМР «Об основах общественного контроля в Приднестровской Молдавской Республике», содействие развитию молодежных гражданских инициатив [3, С.2]. И, как утверждают авторы статьи, практически все инициативы органов государственной власти ПМР, направленные на поддержку молодежи, проходят обсуждение с представителями молодежного отделения ОНФ и иными молодежными общественными организациями. С другой стороны, многие инициативы и предложения молодых активистов общественных организаций и молодежных движений обсуждаются на самых высоких правительственных и парламентских площадках.

Но самый главный эффект от такого диалога молодых общественников и власти состоит в практической реализации молодежных инициатив и программ, направленных на поддержку молодых людей в республике. Есть конкретные результаты, которые в конечном итоге отражаются на осознании молодого человека того, что он становится нужен своему государству, что государство о нем не забыло и хочет ему помочь. А значит и сам молодой человек начинает относиться к Приднестровью, не как к «стартовой площадке», которая поможет ему получить необходимый начальный опыт, а впоследствии он благополучно переедет в другую страну, а как к государству, в котором он бы остался жить, работать, обзавестись семьей, родить детей, укорениться и развиваться.

А что в итоге для государства означает, когда молодые люди не уезжают, начинают работать, обзаводятся семьями, рожают детей, продвигаются по карьерной лестнице? А это значит – государство укрепляет свой тыл. Это означает, что государство живет и развивается в правильном направлении.

Среди наиболее значимых результатов государственной политики в области поддержки молодых людей в Приднестровье авторы выделяют следующие:

во-первых, основной проблемой молодежи является отсутствие собственного жилья – осознавая эту проблему, в 2021 году благодаря

государственной поддержке 150 семьям из бюджетной сферы удалось приобрести собственное жильё, путем получения соответствующих субсидий; 147 детей-сирот фактически смогли въехать в собственные квартиры; в проекте 2022 года 167 молодых семей бюджетников смогут получить поддержку государства на приобретение собственного жилья; итоги о количестве выданных жилищных сертификатов будут известны позднее, за этими сухими цифрами стоит важнейшая государственная задача – сохранение молодых людей, молодых специалистов в нашей республике и, помимо этого, есть ряд иных программ содействия молодым специалистам по приобретению жилья;

во-вторых, обеспечение молодых кадров конкурентной заработной платой – в 2022 году в Правительстве активно обсуждается вопрос повышения зарплат работников сферы естественных монополий, а начиная с 2023 года на 12 процентов подняли оплаты труда многим категориям работников бюджетной сферы;

в-третьих, в республике успешно функционирует программа фонда развития предпринимательства, суть которой заключается в выдаче очень дешевых кредитов на развитие «старт-апов» для начинающих предпринимателей, также в рамках повышения предпринимательской активности среди молодежи за счет государства реализуется программа «Открой свое дело», функционирует школа Бизнеса при Торгово-промышленной палате ПМР, в которой начинающий предприниматель может обучиться основам создания собственного бизнеса, просчитать все риски, составить бизнес-план и даже получить грант на развитие собственного дела;

в-четвертых, для молодых сотрудников различных министерств и ведомств существуют программы повышения квалификации, переподготовки за рубежом за счет государства.

Это лишь не многие механизмы поддержки молодежи со стороны государства, которые позволяют молодому человеку жить и работать в своей республике, и, что очень важно, строить планы на свое будущее в Приднестровской Молдавской Республике.

Государственная система поддержки молодежи способна повлиять на консолидацию молодежных общественно-политических сил вокруг нашей идеологии, обозначенной в Стратегии развития ПМР на 2019 – 2026 гг.

Работая в системе общественной жизни республики, авторы статьи отмечают, что в последние несколько лет на молодежной общественной арене республики появились молодежные организации, которые успешно реализуют себя в конкретных видах деятельности: РОД «Наследники победы» специализируются на раскопках в районе бастиона Св. Владимира на руинах Тираспольской крепости и реконструкции боев, «Волонтеры Победы» занимаются поддержкой ветеранов Великой Отечественной войны и преемственностью поколений, Молодежная организация «Звезда» проводит патриотические акции, Молодежный парламент ПМР занимается по сути вопросами обучения молодых ребят основам парламентаризма, Молодежные

избирательные комиссии готовят молодых ребят к будущей работе в системе ЦИК, Молодежное крыло республиканской партии «Обновление», на основе которого сформирован волонтерский штаб «Мы рядом» фактически стало центром кристаллизации оказания волонтерской помощи пожилым людям в период пандемии и не только, наконец молодежные отделения ОНФ в Каменке, Дубоссарах, Тирасполе, которые также участвуют в патриотических мероприятиях, экологических акциях и волонтерских проектах, а так же иницируют мероприятия общественного контроля, что является новым направлением деятельности гражданского общества в ПМР. В 2022 году на базе Приднестровского центра ВОО «Русское географическое общество» (далее «РГО») был создан и начал активно работать Молодежный клуб ВОО «РГО». В работе с приднестровской молодежью «РГО» опирается на Контактный центр Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко по взаимодействию с Россотрудничеством.

Авторы статьи приходят к выводам, основываясь на собственном опыте, что чем больше государство «поворачивается лицом» к решению проблем молодежи в ПМР, тем выше гражданская и патриотическая активность самой молодежи. И наоборот, чем сильнее укрепляются молодежные организации в Приднестровье, тем плотнее и продуктивнее становится диалог органов государственной власти с молодыми общественниками.

В результате этого, как отмечают сегодня многие руководители молодежных общественных организаций республики, все больше молодых ребят, по собственной инициативе вступают в ряды молодежных общественных организаций, приносят свои идеи и хотят применить свои знания, умения, свою активность на благо Приднестровью.

При этом важной особенностью молодежного гражданского общества в Приднестровье является то, что несмотря на небольшие размеры нашего государства, практически все активисты молодежных организаций под дружески относятся друг к другу, проявляют взаимоуважение, проводят совместные мероприятия и акции, участвуют в объединяющих молодежных форумах. Именно это и есть консолидация молодежных общественно-патриотических сил Приднестровья. Все молодежные организации разные, но большинство из них объединены общей идеей – сделать наше государство лучше, комфортнее для проживания, сделать его сильным, экономически самодостаточным и процветающим.

Консолидированные молодежные общественные силы патриотической направленности способны не допустить проникновения в нашу республику извне деструктивных сил, направленных на раскол и хаос в обществе. Именно консолидированные молодежные общественные силы способны предотвратить попытки реализации механизмов «цветных революций» в Приднестровье и не допустить фальсификации собственной истории. Находясь в постоянном диалоге с органами государственной власти, они способны обеспечить

надежное будущее приднестровской молодежи и будущее своего государства – Приднестровской Молдавской Республики.

Ссылки и примечания:

1. Гасанов Н.Н. Консолидация общества – императив времени // Журнал социально-гуманитарные знания. – М.: Издательство «КноРУС», 2016. – С. 154.
2. Стратегия развития Приднестровской Молдавской Республики 2019 –2026 гг. // ГУИПП «Бендерская типография «Полиграфист», 2019. – С. 2.
3. Глава 2 Устава Общеприднестровского народного форума // Зарегистрирован Министерством юстиции ПМР 29 мая 2017 г.

УДК 323.19(=161.1) (47+57)

М.Ю. Николаев

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

e-mail: Mnikolaev@yandex.ru

ЕСТЬ ЛИ КОНФЛИКТ МЕЖДУ ЭТНОСОМ, И ЭТНИЧНОСТЬЮ?

Аннотация

Французская нация формировалась в рамках конструктивистской парадигмы. В период революционных преобразований во Франции, начавшихся в 1789 году, на её европейской территории проживали десятки автохтонных этнических групп, что делает её пример пригодным для реализации в российских условиях. Значительно большее количество локализованных на территории РФ автохтонных этнических групп, чем это было во Франции, не меняет существа конструктивистской парадигмы.

Ключевые слова: *идентичность, этнос, этничность, нация, этническая культура, национальная культура, этническая идентичность, национальная идентичность.*

Summary

The French nation was formed within the constructivist paradigm. During the period of revolutionary transformations in France, which began in 1789, dozens of autochthonous ethnic groups lived on its European territory, which makes its example suitable for implementation in Russian conditions. A significantly larger number of autochthonous ethnic groups localized on the territory of the Russian Federation than it was in France does not change the essence of the constructivist paradigm.

Keywords: *nation, national idea, constructivist paradigm, autochthonous ethnic group.*

Научные категории как наиболее общие, фундаментальные понятия, формируя принципы научного подхода, в значительной степени определяют направления и возможности научного исследования и в конечном итоге его результаты. В сегодняшней этнополитологии наблюдается противостояние между терминами этнос и этничность. Актуальность настоящей работы определяется необходимостью упорядочения научной терминологии этнополитологии. Задачей работы является исследование обоих терминов и определения возможного соотношения между ними. Целью исследования является установление природы столкновения данных научных понятий.

Этносы и этничность изучали Ф. Барт [1], Р. Брубейкер [2], Ю.В. Бромлей [3], А.П. Садохин [4], Ю.И. Семёнов [5], В.А. Тишков [6],

С.М. Широкогоров [7] и другие российские и зарубежные специалисты. Большинство современных исследователей, подходят к этносу и этничности как взаимоисключающим феноменам. В то время как этничность логичнее рассматривать как социокультурное качество представителей отдельно взятого этноса или происходящих от него этнических групп.

В российской научной традиции в приоритетном порядке используется термин этнос. При этом академик В.А. Тишков и западные специалисты отдают своё предпочтение термину этничность.

В понимании С. М. Широкогорова «этнос - есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп» [8]. Как видно из определения, С. М. Широкогоров не считает общность территории существенным признаком этноса. В отличие от него другой российский учёный, Ю. В. Бромлей, указывал, что общность территории является определяющим условием формирования этноса [9]. В целом по мнению Ю. В. Бромлея этнос «представляет собой исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований, фиксированном в этнониме» [10].

Этническая территория как органичный элемент понятия этноса находит своё отражение в их языках. Русские её называют родиной; англичане – *homeland, motherland, fatherland, native land, home country*; венгры – *haza*; греки – *πατρίδα/patrída*; датчане – *hjemland*; евреи – *מולדת/moledet*; ирландцы – *tír dhúchais*; испанцы и итальянцы – *patria/patrída*; казахи – *Отан*; немцы – *die Heimat*; румыны – *patrie*; сербы – *домовина*; словаки – *vlast'*; чехи – *rodiště, vlast* и т.п. [11].

Норвежский социальный антрополог Ф. Барт вместо термина этнос использует понятие этническая группа [12]. Но понятие этническая группа является более широким, чем термин этнос, поскольку это может быть и он сам в целом, и любая его часть, и население ирреденты, и эмигрировавшие в другие страны представители конкретного этноса или их потомки. Тем не менее Ф. Барт говорит о территории этнической группы, являющейся органическим элементом феномена этноса. В США проживают значительные группы англичан, ирландцев, итальянцев, немцев, численность каждой из них составляет десятки миллионов. Но их нельзя назвать этносами, поскольку этническая территория англичан находится в Англии, ирландцев – в Ирландии, итальянцев – в Италии, немцев – в Германии.

Норвежский социальный антрополог оперирует понятием территория этнической группы, что соответствует этнической территории Ю. В. Бромлея. Из рассуждений Ф. Барта следует, что под территорией этнической группы он подразумевает регион, ограниченный пределами, в которых её культура воспроизводится в последующих поколениях [13]. Если у потомков

представителей конкретной этнической группы такого не происходит, значит они локализованы за пределами территории своей этнической территории. За этими пределами происходит ассимиляция представителей данной этнической группы уже в культуре соседнего этноса.

Своё отношение к термину этнос российский академик, социальный антрополог В. А. Тишков демонстрирует в названии написанной им книги «Реквием по этносу». Он отмечает, что в западной социокультурной антропологии термин этнос не используется, поскольку там основное внимание уделяли «изучению культур и основанных на них социальных структур» [14]. Поэтому в западной литературе получило широкое распространение понятие «этничность», которая «рассматривается как культурная черта, отличающая одну группу от другой или как некое коллективное ощущение» [15]. В.А. Тишков говорит о возникновении в 1975 году понятия этничности, и последующего его развития. Среди источников преобладают работы, написанные британскими и американскими авторами [16].

Многие отечественные специалисты не разделяют взгляды, высказанные им в «Реквиеме по этносу». Так Ю. И. Семенов в своей статье «Торопиться с заупокойной молитвой по этносу, вряд ли стоит», в которой замечает, что «Этничность есть не что иное, как принадлежность к этносу. Если нет этносов, то нет и не может быть никакой этничности» [17].

Американский социолог Р. Брубейкер в своей книге «Этничность без групп» говорит, что «...этничность является в значительной мере когнитивным феноменом, способом видения и истолкования мира, и что как таковая она действует в категориях, через категории и основанное на них знание здравого смысла» [18]. К сожалению, из определения сложно понять, о чём, собственно, идёт речь. Обращает внимание, что Дж. Брубейкер многократно использует группирование феноменов расы, этничности и нации, пытаясь выявить у них общие качества [19]. Из текста книги можно видеть, что американский социолог прибегает к определению «территориальная национальность» в случаях, в которых российские этнологи используют термин этнос.

Природа возникновения приоритетов использования терминов этноса в отечественной этнологии и этничности в западной социокультурной антропологии становится понятной при рассмотрении исторического развития этнической ситуации в США, которые заслуженно занимают передовые позиции в развитии социальных наук.

Американская нация формировалась из иммигрантов. Первые переселенцы прибыли из Англии в США в ноябре 1620 года на паруснике «Mayflower» [20]. Несмотря на то, что сегодня в этой стране проживает 49 млн немцев, 32 млн ирландцев, 26 млн англичан, 20 млн итальянцев, 10 млн поляков у всех их отсутствует в ней этническая территория [21]. Поэтому о всех их мы можем говорить только как об этнических группах. Ассимилировавшись в американском обществе, все они ощущают сопричастность к родине своих предков – своей этнической территории. Сорок шестой президент США Джозеф

Байден говорит: «Для Би-би-си? Я ирландец!» [22]. На примере Израиля мы видим, как ассимилировавшиеся в различных странах евреи, попадая в родную этническую группу, с гордостью восстанавливают свою исконную этническую принадлежность. И это происходит через 2000 лет после падения Иудеи.

Подавляющее большинство населения США представляют собой ассимилировавшиеся на их территории этнические группы, которые и изучают американские социокультурные антропологи. Этнотами в Соединённых штатах являются только индейцы, имеющие в этой стране свою этническую территорию. Использование термина этноса является политически невыгодным для США, поскольку и прямо, и косвенно он будет указывать на негативную роль, которую сыграли иммигранты и их потомки в судьбе подлинных хозяев страны.

Равно такие же процессы и явления изучали британские специалисты в бывших колониях Британской империи.

Изучая ассимилировавшихся иммигрантов, социокультурные антропологи по существу исследуют этничность, а именно остаточные качества, характерные для представителей конкретного этноса. Таким образом этничность по отношению к этносу является тем же самым, что и национальность по отношению к нации. Так, например, русский является не национальностью, а этничностью. С некоторым упрощением можно говорить, что национальность определяется страной, которая выдала паспорт, а этничность – происхождением, т.е. от какого этноса происходит конкретный индивид. Между этносом и этничностью нет никаких противоречий. Этнос – это этническая группа, проживающая на своей этнической территории. В то время как этничность определяет принадлежность индивида к этносу, и социокультурные качества этого сообщества. Отсюда венгр, немец, поляк, швед, чех и т.д. – это и этничность, и национальность. А вот русский – это этничность, а россиянин – это человек, имеющий российское гражданство.

Именно этничность мы при переписях населения определяем на основании своего внутреннего убеждения, а национальность и гражданство определяется наличием паспорта национального либо иного государства.

Природу возникновения национализма можно понять, только исследуя ассимиляцию представителей недоминирующих этносов полиэтнического государства, проживающих на собственных этнических территориях [23].

Ссылки и примечания:

1. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / Под ред. Ф. Барта ; [пер. с англ.: Игорь Пильщиков]. – М.: Новое издательство, 2006. – 200 с.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. – 408 с.
3. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. – М. : Наука, 1973. – 142с.

4. Садохин А. П. Этнология: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. специальностям и направлениям / А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая. – М.: Высш. шк.: Academia, 2000. – 302 с.
5. Семенов Ю.И. Торопиться с заупойной молитвой по этносу вряд ли стоит (Об основных идеях книги В.А. Тишкова «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии». – М., 2004. // Философия и общество. – 2/2006. – С. 94-106.
6. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исслед. по социал.-культур. антропологии / В.А. Тишков; Рос. акад. наук. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2003. – 542с.
7. Широкогоров С.М. Этнографические исследования: Этнос. Исследование принципов изменения этнических и этнографических явлений / Отв. редактор А.М. Кузнецов, А.М. Решетов: В 2-х кн. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – С. 42
8. Широкогоров С.М. Этнографические исследования: Этнос. Книга 2. – С. 42.
9. Этнография: Учебник / Под ред. Ю. И. Бромлей и Г. Е. Маркова – М.: Высш. Школа. – 1982. – С. 6
10. Там же.
11. Интернет-ресурс URL - https://translate.yandex.ru/?source_lang=cs&target_lang=ru&text=vlast (Дата обращения 20.11.2022)
12. Этнические группы и социальные. Социальная организация культурных различий Сборник статей / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пилыдикова – М.: Новое издательство, 2006. — С. 9-48.
13. Там же.
14. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов / Тишков В.А., Шабает Ю.П. — М.: Издательство Московского университета, 2011. – С. 37.
15. Там же.
16. Там же. – С. 99.
17. Семенов Ю.И. Указ. соч.
18. Брубейкер Р. Указ. соч.— С. 57.
19. Там же. – С. 156.
20. Козенко Б. Д. История США : Учеб. пособие / Б. Д. Козенко, Г. Н. Севостьянов; [Самар. гос. ун-т и др.]. – Самара : Изд-во Самар. обл. ин-та повышения квалификации и переподготовки работников образования, 1994. – С. 14.
21. Энциклопедия США. – URL – https://prousa.info/ethnic_groups (Дата обращения 21.11.2022))
22. Социальная сеть Твиттер. – URL – <https://twitter.com/bbcrossian/status/1325151734881083398> (Дата обращения 31.03.2022)

23. Этнос и общество в контексте межнациональных отношений Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Краснодар, 1 декабря 2022 года – С. 170-176.

Научное издание

**ЖУРНАЛ
ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Выпуск № 2 (85) 2023 год
под редакцией С.В. Беспаловой

*Рекомендовано к печати Ученым советом
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
30.06.2023 (протокол № 6)*

Редакция сборника

Главный редактор – кандидат исторических наук,
доц. Разумный Виталий Витальевич
Тел.: +7 863 302-07-45
e-mail: v.razumnyiy@donnu.ru

Ответственный за выпуск – Бобровский А.С.

Компьютерная верстка:

Посредников Д.В.

Художественное оформление:

Грудева Е.Г.

Ответственный секретарь:

Посредников Д.В., к-т ист. наук

Адрес редакции научного журнала:

исторический факультет
ул. Университетская 22,
г. Донецк,
283001

**Издательство Донецкого государственного университета
283001, Донецк, ул. Университетская, 22**

Подписано к печати 02.10.2023 г. Формат 60x84/8. Бумага типографская.
Печать цифровая. Условн. печ. лист. 21,03. Тираж 300 экз. Заказ № сентябрь135

Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
Серия ДК 1854 от 24.06.2004 г.